

№ 4

2013

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Учредители: ОО «Союз писателей Казахстана» и Центр «Каламгер-медиа»

Председатель совета редакторов: Н. М. ОРАЗАЛИН

Редакционный совет:

Б. М. КАНАПЬЯНОВ (г. Алматы), Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ (г. Астана),
А. Ю. КУРЛЕНЯ (г. Петропавловск), Р. Ю. МАХАТАДЗЕ (г. Караганда),
Ю. Д. ПОМИНОВ (г. Павлодар), В. И. РЫЖКОВ (г. Караганда),
Т. И. СЫЗДЫКОВ (г. Кокшетау), А. Ю. ТАРАКОВ (г. Астана),
И. Б. ТЕТЕРИНА (г. Астана), В. В. ШУПЕЙКИН (г. Алматы),
Л. Ю. ЮРКОВА (г. Усть-Каменогорск).

В номере:

Проза

- А. Омар. Бозкурт. Повесть (окончание) 3
Ш. а-Мил. Из серии «Личность в истории (Сорок четыре; Малиновая папка для Лаврентия Берии; Тайны дипломатии) 25
В. Колин. Бабье лето. Повесть 43

Поэзия

- Т. Кажыбай. Мысли вслух. Стихи 17
Ю. Гундарев. «Мерцает луна серебристой монетой...». Стихи... 37
И. Брейдо. «И вечность за спиной...». Стихи 81

Память

- С. Колесников. Девять встреч с поэтом 86

Наш общий дом

- М. Искаков. Долг памяти 89

Документальная проза

- Е. Мосина. Когда реки текли в гору (окончание) 96

© «Нива», 2013, Астана

К 60-летию целинной эпопеи

В. Владимиров. Оглянись не в досаде. Ещё раз о том, что такое Целина (*продолжение*) **126**

П. Заболотских. Наша честь, наша гордость **145**

Параллели и меридианы

А. Волков. Дневник отдыхающего путешественника (*продолжение*) **148**

Искусство

С. Беккулова. Палитра, поющая Женщину **158**

Далёкое — близкое

В. Сороченко. Огонь, вода без медных труб **161**

Природа и мы

В. Иконников. Витька, Лайма и Филя **176**

Приключения. Детектив. Фантастика

И. Масалин. Строптивая и Чудовище. *Повесть (окончание)* **181**

Сатира и юмор

А. Лопатин. Сказка о Пантелееве и его жене **205**

Изоальбом «Нивы»: из альбома «Женщины моей Родины». На первой странице обложки – К. Тельжанов «Звуки домбры», на четвёртой – С. Калмыков «Балерина в облаках».

Бозкурт

Повесть

(Окончание. Начало в № 3 за 2013 г.)

11.

Он изнурял себя тяжёлой работой с камнем не покладая рук.

Статуя Умай была готова.

Без повозки, на своих плечах, он отнёс в степь изваяние Умай, сам установил его, вырыв глубокую яму в высохшей твёрдой земле.

Он стал молиться возле нового бал-бала:

– Умай, отпусти моё сердце на свободу, к старым друзьям и дням, полным трудов. Дай мне позабыть Шолпан... Меня мучит эта привязанность, я не привык так жить...

Но Умай молчала.

– Если это расплата за то, что местные мужчины, не зная того, воспитывали не только своих детей, но и моих, то я покончу с прежней жизнью... – сказал Эдиге, обращаясь к богине, и принёс клятву Умай.

Вернувшись домой, Эдиге надел свой лучший сюртук, подпоясался ремнём с бирюзовой пряжкой, повязал на лоб чёрную кожаную ленту и, взяв в руки комуз, отправился в горы, туда, где Шолпан с девушками собирала хворост.

Дождавшись, когда девушки окончат свою работу, он будто невзначай уселся в высокой траве на склоне и начал петь.

Девушки остановились и, увидев, что это поёт Эдиге, поспешили вниз, к своим домам, оставив Шолпан одну слушать его сердечные признания.

Шолпан стояла, бросив охапку хвороста, скрестив на груди руки и насмешливыми глазами глядя вдаль. Эдиге кончил петь и сказал:

– Хочешь, я сочиню для тебя песню о Небесном охотнике? Там будет говориться о том, как Великий Тенгри, небесный вседержитель, приказал Небесному охотнику убить старое Солнце, чтобы подарить людям новое, более сильное, которое поможет им взрастить травы на пастбищах и урожай на полях.

Он дал Небесному охотнику радугу вместо лука и молнию вместо стрел. Небесный охотник подчинился воле Тенгри и погнался за великим зверем. Когда поверженный гордый олень упал, коснувшись величественными рогами матери-земли, над землёй взошло новое Солнце – новый молодой зверь, стройный, с серебряными рогами и золотыми копытами, поднялся в небо, и вновь пастбища налились соками свежей травы, и дым закурился над людскими очагами.

Выполнив свой долг, Небесный охотник пал замертво, ибо выполнил ту тяжкую миссию, которую возложил на него Тенгри, только для этого был послан на землю Небесный охотник. А поскольку он не был богом, то под силу ему было выполнить только одно божественное поручение.

И он выполнил его, потому как хорошо знал – чтобы родился новый мир, должен умереть старый... И ещё я спою о том, что во всём Дешт-и-Кипчаке, от самого Байкала и до Дуная, нет на свете девушки, прекрасней, чем Шолпан – Утренняя Звезда.

Шолпан выслушала его, подняла связку хвороста и молча двинулась плавной поступью в высокой траве. Эдиге взялся помочь ей, но она отвела его руку и жестом показала, чтобы он не смел следовать за ней. Эдиге опечалился и решил, что песня не понравилась ей, как вдруг, обернувшись, она сказала:

– Завтра в час, когда кузнечики стрекочут особенно громко, жди меня здесь, на этом самом месте.

Он возвращался домой радостный. Принёс щедрые дары богам, и глаза его были зелены, словно в пасмурную погоду, хотя на дворе вовсю светило солнце.

В назначенный час Шолпан пришла.

Они ели дикую малину. Шолпан, слушая рассказы Эдиге, принимая ягоды из его рук, поправила волосы, и на лбу её осталась красная полоса. Тыльной стороной ладони Эдиге вытер пятно и поцеловал это место. Шолпан вспыхнула и решительно отодвинулась от него подальше.

Она сплела венок из васильков и колокольчиков, надела его на шею Эдиге и сказала:

– Теперь ты похож на бозкурта – синего волка, – и рассмеялась.

Дома мать сказала Шолпан:

– Эдиге родился в год Верблюда, у него и душа двугорбая: когда силы его истощаются в одном горбе, он черпает их из второго. Не связывайся с ним, он колдун, да к тому же пришлый.

– Он красивый, мама. У него глаза ярко-зелёные в пасмурную погоду и почти жёлтые – в солнечную. А в дождь он становится похожим на волка...

– Ишь ты, как далеко зашло... Больше к нему ходить не смей, не то ты нам не дочь. Он не человек, а оборотень, и ночами он серым волком вместе со своими собратьями воет на луну.

Шолпан испуганно посмотрела на мать, заплакала:

– Мама, мне страшно!

– Вот то-то же... – мать обняла её.

12.

Еринчин красил хной ногти указательных пальцев. В дверь постучали.

– Здравствуйте, уважаемый! – услышал Еринчин.

На пороге стоял знакомый ему ливийский купец. Шаман поднялся навстречу ему и указал на место рядом с собой.

Еринчин развёл огонь, достал высохшую баранью лопатку, стал шептать что-то и водить косточкой над огнём.

Купец внимательно слушал.

– Великий Тенгри... великий Тенгри... – шептал Еринчин.

По улице к дому Еринчина приближались два стражника. Шаман продолжал гаданье. Дверь бесцеремонно отворилась, стражники вошли. Купец поспешил расплатиться с Еринчином и, опасливо глядя на стражников, поспешил удалиться.

– Приказ эмира, следуй за нами. Наследник вот уже несколько дней лежит в горячке, – сказали стражники.

Шаман повесил на плечо свой бубен с изображением Орла, надел лебязью накидку, взял посох с колокольчиками и стеклянную бутылку с растопленным курдюком. Он умел заранее понять, что требуется больному, но не понимал, откуда это знание к нему приходит. Еринчин называл это «шёпотом Тенгри».

На улице Еринчину, спешащему вслед за стражниками, привиделся джинн:

– Еринчин, Еринчин, остановись! Ты идёшь в замок напрасно! – нашёптывал он. – Наследник должен умереть!.. должен умереть... Еринчин!..

Шаман отогнал джинна звоном молоточков на посохе и, нахмурившись, проследовал дальше.

В комнате, где лежал больной мальчик, шаман приказал:

– Поднимите решётки на окнах, впустите свет и воздух.

Слуги исполнили это, и он, наконец, как следует смог разглядеть ребёнка. Тот был в жару и бредил.

Шаман склонился над мальчиком, стал гладить его по голове и шептать молитву Умай: «Защитница детей, заклиная тебя последом женщины, родившей этого ребёнка, заклиная его колыбелью, помоги!..». Еринчин тяжело дышал, пот катился с него градом. Внезапно он замер и упал на колени и увидел маленький огненный шар в груди мальчика.

– Прими нашу жертву, Умай, – говорил Еринчин, – возьми лучше мою жизнь, чем жизнь безгрешного существа... я орлом прилечу в Эрлик, я, недостойный... я змеей приползу на тот свет... только помоги...

Он намазал тело мальчика курдючным жиром. Оставив бутылочку слугам, он наказал повторять обмазывание ежедневно.

Когда шаман ушёл, ребёнок посмотрел на няньку ясным взглядом и сказал:

– Чем это так воняет моё тело?

– Курдюком, малыш, так надо.

Мальчик попросил поесть, и Хадиша поспешила с вестью на кухню:

– Наследник желает ужинать!

13.

Эдиге встретил Шолпан во время сбора дикой малины.

Девушка неожиданно сказала ему:

– Больше не подходи ко мне. Ты похож на волка, мой отец сказал, что не отдаст меня за тебя замуж, даже если ты поменяешь местами верхний и нижний миры, даже если его будут медленно поджаривать в кипящем масле. Ты колдун и оборотень, и никто не знает, откуда ты!

– Я – матай, – ответил Эдиге, – меня все знают на север и на восток отсюда. Я не оборотень и не колдун, и я люблю тебя!

– Хорошо, – ответила жестокая красавица. – Если ты выстроишь самую прекрасную молельню для нашей семьи, я подумаю.

Генуэзский купец в своей комнате в караван-сараях пил чай с другим итальянцем, в таких же длинноносых кожаных туфлях и коротком дорожном сюртуке с буфами на рукавах.

Раздался стук в дверь. Вошёл Эдиге в военной форме с колчаном стрел и луком за плечами.

– Здравствуй, дорогой Эдиге! – купец обнял его. – Я привёз с собой художника, мастера из нашего города Флоренции, чтобы тот нарисовал портрет знаменитого темника. За этим и пригласил тебя. Познакомься...

Художник поклонился Эдиге.

– Я вынужден согласиться, это приказ эмира.

– Эдиге, – сказал купец, – я отвезу портрет генуэзскому дожу, дабы в дальней Лигурии люди знали, кто есть в Половецком Поле и как выглядят номады.

– Но остаюсь при своём мнении, что неприлично воину создавать из себя картинки для развлечения публики, – сказал Эдиге.

Генуэзец улыбнулся, довольный.

Во дворце «Золотой камень» эмир спешил по коридору к тронной зале Тохтамыша.

– Имею сообщить Великому хану, что архивариус доставлен во дворец, чтобы, когда Великий хан соизволит, начать записывать летопись походов Великого хана на Балканы, в Польшу, Литву, на Кавказ и Московию...

Хан махнул рукой:

– Я передумал, пустое... Об этом и так знают, и будут знать все. Я вызвал тебя по другому поводу. Кто такой этот Кутлы-Кая, о котором ты составлял мне записку?

– Бывший сокольничий Вашего величества, – не задумываясь, ответил эмир.

– А знаешь ли ты, что когда-то этот самый Кутлы-Кая предал меня? – спросил Тохтамыш.

– Не ведаю, Великий хан, – отвечал эмир. – Но я весь – внимание... – он почтительно склонил голову.

– Когда-то мы с Шах-Тимуром были друзьями. Это была дружба не та, что у вас, простых смертных. Мы были и соперники в то же время. И, как тебе известно, эмир, у меня были лучшие соколы во всём Половецком Поле...

Эмир понимающе кивнул.

– Шах-Тимур всегда во время нашей совместной охоты завидовал моим птицам. Но этот Кутлы-Кая тайно передал соколиные яйца шаху Тимуру...

Эмир покачал головой.

– На охоте я заметил, что соколы Тимура стали так же быстры и сильны, как и мои. Тимур ликовал. Я сразу смекнул, в чём тут дело. Как бы не повторилась история с соколиными яйцами... Подумай и завтра дай ответ, – сказал хан и вышел, оставив эмира одного.

Еринчин проснулся от нетерпеливого стука в дверь. Шаман отпер дверь, на пороге стоял один из стражников, который провожал его во дворец эмира.

– С тех пор как ты побывал в доме начальника дворцовой стражи, мы приходили к нему каждый день, но не могли его разбудить...

Шаман проводил его в дом, стражник сел на стул.

– Как мальчик? – спросил шаман.

– Мальчик совершенно здоров. Умай благословила семью великого эмира, премного благодаря твоим усилиям – высочайшая супруга беременна.

– Мои духи победили джиннов, которыми полон дворец эмира.

– Уж не намекаешь ли ты на что? – спросил стражник.

– Когда после смерти я восстал шаманом, то стал видеть вокруг всё то, что совершается на расстоянии тридцати вёрст, неужели ты не знал?..

В это время Еринчин поднялся над топчаном и повис в воздухе, глядя на стражника. Тот, выпучив глаза, попятился от страха.

– Ты кое-что забыл передать мне от эмира, – сказал ему Еринчин, всё так же вися в воздухе и улыбаясь странной улыбкой.

Стражник, не отрывая от него полного ужаса взгляда, нервно полез в карман своего сюртука, долго рылся в нём, пока, наконец, не вытащил оттуда кошелёк, полный золотых динаров.

14.

Высочайшая супруга внимательно слушала у трубки в тайной комнате. Голос говорил:

– Еринчин имеет связи с орденом Мевляви. Он отступник, он – язычник, он – предатель...

Неожиданно она услышала громкие шаги эмира.

– Вызвать в слуховую комнату нашу супругу! – крикнул он.

– Я уже здесь, – прошептала она, поняв, что муж не в духе.

Он накинулся на неё с упрёками:

– Ваши идеи насчёт бозкуртов и этого шамана привели к тому, что Великий хан пригрел на груди змею. Я имею в виду Эдиге. И эти бабские выдумки теперь ставят под угрозу и расположение к ним Великого хана.

– Но если бозкуртов не будет с нами, начнутся страшные беды! Эдиге не раз доказывал преданность Великому хану! – воскликнула супруга.

– Разве вам не известно, женщина, что синие волки служат только людям, а не ханам! А Эдиге – сын изменника – как же не ожидать от него опасности престолу? Он просто затаился! – кричал эмир.

– Он самый лучший воин. С ним войско непобедимо.

– В мирное время он опасен!

– И это вы говорите, когда шах Тимур грозит войной? Когда ханская власть висит на волоске?

– Тохтамыш сам виноват, предаёт всех, кто когда-то помогал ему. Народ больше не хочет воевать, а ему всё мало. Не может напиться крови... Зазывает русского князя в союзники против Тамерлана, да тот не станет ему помогать, помнит разорение Москвы...

– Допросите Еринчина, он всё знает! – попросила супруга.
– Всё, хватит с нас этого колдовства, довольно!.. – не на шутку рассердился эмир.

– Приставьте к Эдиге доносчика, пусть в мирное время следит за каждым его шагом, а при случае отравит его, – сказала тогда супруга.

– Ступайте к себе!

Оставшись один, эмир сказал сам себе:

– Хм, а ведь женщина порой бывает умна.

Генуэзец показывал готовый портрет Эдиге и Еринчину.

– А ты отказывался, Эдиге, посмотри, какой красивый портрет, – сказал Еринчин.

Эдиге удивлённо рассматривал образец незнакомого ему мастерства, поскрёб осторожно пальцем и понюхал картину.

– Склоняю голову перед волшебным мастерством вашей страны, – сказал Эдиге. С портрета смотрел красивый молодой воин – Эдиге.

Шолпан и её отец рассматривали небольшую, но красивую моленную, которую выстроил Эдиге.

Эдиге рассказывал:

– Капище посвящено Утренней Звезде, я выточил на мертвенных ранее плитах миниатюры... Вот Солнце, Небесная охота, Тенгри, Умай. Здесь – Эрлик и Нижний мир, а поверху, под самым куполом – Братство Небесных людей Степи.

На боковой, правой от входа стене они увидели мир, стоящий на гигантской Черепахе, придавленной горой, у подножия горы лежал свернувшийся Змей. Над входом, с внутренней стороны храма, он выбил на камне трёхлучевые свастики – маленькие солнца, которые освещали путь входящему.

Отец Шолпан был очарован моленной:

– Эдиге, готовься к свадьбе, – сказал он.

Поздним вечером во дворце эмира визирь находился в нетерпеливом ожидании.

Наконец, к нему явился некто, закутанный по самые глаза в чёрное.

Визирь протянул ему кошелёк золотых монет и тёмную бутылочку.

– С сильным ядом будь осторожнее. Особое указание – не спускать глаз с него, – он показал на портрет Эдиге, стоявший у стены.

Некто в чёрном посмотрел на портрет, запоминая. Поклонился и вышел.

15.

Эдиге сидел в степи у статуи Умай, вонзая стрелы в сухую траву у её подножия. Он принёс в жертву овцу.

Но круглолицая богиня в трёх колпачках с цветочными бутонами на конце каждого из них по-прежнему молчала, не подавая ему никаких знаков, сколько ни гнулась перед ней спина Эдиге.

Перед глазами его стояла картина: отец Шолпан кричал, увещевал дочь, но всё напрасно, Шолпан была непреклонна:

– Я не люблю его, – говорила она. – Я выйду замуж за другого.

Эдиге, в шлеме и кольчуге, с луком, колчаном, полным стрел, со скрещёнными саблями за спиной, запер своё жилище.

Он вскочил на коня и поскакал по улочкам Сарайшика. Остановился только возле дома Еринчина.

Спешившись, вошёл во двор, но никого там не увидел. Дверь в дом была открыта, но и в доме Еринчина не было. Только Эдиге собрался выйти, как над его головой закружилась с жужжаньем пчела. Стукнувшись об оконное стекло, она обратилась в шамана.

– Эдиге?

– Где ты был, Еринчин? Я никак не привыкну к твоим превращениям.

– Куда ты собрался?

– Утром войско выступает на восточном фронте против ханьцев. Надеюсь, что отравленная ханская стрела прекратит наконец мои страдания. Шолпан не любит меня... Прощай, Еринчин. Вряд ли мы увидимся.

– Не ищи смерти, она сама найдёт тебя, – предостерег Еринчин. – Будь здоров...

Они обнялись. Еринчин ещё долго смотрел вслед удаляющемуся на коне Эдиге.

Как бы бесстрашно и не щадя себя ни воевал Эдиге, не пряча грудь и голову от стрел, пренебрегая кольчугою и шлемом, ханьские стрелы словно сами боялись его. Ни одна из них не коснулась могучего Эдиге. Крепла и его воинская слава, он стал тысячным.

Как-то в походе отряд Эдиге ночевал под открытым небом. Воины спали, положив под голову походные сумки и колчаны. Эдиге прислушался к своей сердечной боли. Она по-прежнему была сильна, и он находился в её власти. Он видел Шолпан в ночном небе среди безразличных к его горю звёзд и плакал. И тут он увидел, как среди его спящих боевых товарищей появился Зелёный всадник. Конь его так осторожно ступал между спящими, что ни один из воинов не проснулся.

– Святой Хизр! – воскликнул Эдиге.

Всадник всё так же молчаливо шествовал между спящими воинами.

– Помоги мне, Святой Хизр! – взмолился тогда Эдиге. – Отними у меня мою боль, которая вот уже несколько лет не даёт мне покоя, прошу тебя! Или дай мне умереть!

– В небесной книге ещё не написана глава о твоей смерти, – ответил Хизр. – Я могу помочь тебе, но подумай, согласишься ли ты, не испугаешься ли?..

– Я согласен!

Хизр спешился и встал напротив Эдиге.

– Я могу вынуть из твоей груди сердце, в котором живёт любовь к Шолпан, и дать тебе другое – волчье сердце, – продолжил Хизр, – оно не будет знать ни боли, ни страха и ни смерти, настоящее сердце воина.

– Да, я согласен! – твёрдо сказал Эдиге, весь покрывшись холодным потом.

Тогда Хизр разверз руками грудь Эдиге и, вынув оттуда его горячее пульсирующее сердце, вложил туда сердце волка.

Эдиге испытал страшную пронзительную боль, он чуть было не закричал диким криком, но стиснув зубы и впившись пальцами в землю, лишь со слабым стоном вынес всё.

После этого Хизр растворился в зелёном свете, будто его и не было, как ни вглядывался в ночную темноту Эдиге.

После этого его свалил крепкий сон.

Проснувшись утром, Эдиге сразу вспомнил всё, что приключилось с ним ночью.

– Ура-а-ан... – перекликались сторожевые.

– Зде-е-есь... – отозвался другой пост.

Эдиге не слышал голоса сторожевого, не обращал внимания на обычное утреннее оживление в лагере, сосредоточенно ощущал свою грудь.

Каково же было его удивление, когда он не обнаружил на ней никаких следов, она была такой же, как и раньше.

– Привиделось, наверное, – сказал Эдиге.

Но в этот момент на горизонте мелькнула фигура Зелёного всадника, и Эдиге задумался. Он приблизился к костру, за которым уже ели горячую похлёбку его товарищи, и уселся среди них.

Ему протянули миску с дымящимся бульоном. Один из воинов сделал неосторожное движение, и бульон вылился на обнажённую протянутую руку Эдиге. Солдат спешно кинулся вытирать обожжённое место и поливать его холодной водой, и Эдиге по привычке стал дуть на красное пятно на коже, но тут с удивлением понял, что не чувствует боли.

Вечером того же дня они выступили в поход. Три стрелы вонзились в плечо Эдиге одна за другой, но он другой рукой вынул их из раны, не издав ни единого стога, и перевязал материей.

В пылу сражения его глаза блестели дьявольскими жёлтыми огнями, он носился, словно вихрь, между врагами, прижавшись плотно к шее коня и хрипя порой, как хрипят разъярённые волки, повергая в страх противника.

Словно матёрый, стреляный зверь, вновь и вновь он бросался на врага, не жалея себя. Да он и не знал, ради чего ему жалеть себя.

Когда выдалась передышка, он острой иглой, заправленной жилами сайгака, зашил разорванное плечо, и ни разу его лицо не исказила боль.

Ночью, когда отряд устроился на привале, Эдиге снова вспомнил о Шолпан, глядя в ночное небо, но одно лишь приятное воспоминание посетило его, ему уже не было больно, и он даже рассмеялся тихонько, почувствовав себя свободным.

Радость охватила его, и глаза его стали жёлтыми и округлились, как у волка.

Когда Эдиге, повзрослевший, со шрамом на щеке, вернулся в родной город, люди на улицах встречали его радостными возгласами:

– Славный Эдиге! Бозкурт! Вон он, смотрите! Наш Эдиге!..

16.

– Зачем ты пришёл? – спросила Шолпан Эдиге, когда он появился на пороге её дома.

– Подумал, тебе нужна помощь, – ответил он.

– Я ведь не так убрана, как подобает, зачем ты приходишь ко мне в такой час? – продолжила сердито Шолпан. Она ждала ребёнка.

– Ты не знаешь, как ты сейчас красива, – сказал Эдиге. – Я пришёл не один, я принёс маленьких человечков.

Он достал из заплечной сумки тряпичных кукол и установил их у изголовья Шолпан.

Шолпан улыбнулась, увидев маленьких человечков. Это были мужчины и женщины в нарядных платьях из парчи и бархата, вместо глаз у них были бирюзовые и гранатовые бусины, вместо ртов – кораллы, вместо волос – льняные нити, а на ногах сапожки из настоящей козьей кожи. В руках у некоторых из них были маленькие деревянные музыкальные инструменты – домбра, шан-кобыз, глиняные свистульки в виде птиц с длинными шеями, что говорило о небесном происхождении этих птиц.

Оставив кукол, Эдиге удалился, почтительно поклонившись Шолпан и старухе, которую оставили ходить за ней.

Старуха проводила Эдиге подозрительным долгим взглядом.

Вдруг крик Шолпан разорвал дневное спокойствие. Боль острой стрелой прошла по её прекрасному лицу, исказив его. И тогда куклы взяли в руки инструменты и заиграли негромкую мелодию.

Поначалу грустная, она становилась всё веселее к концу, так что Шолпан позабыла о боли и с восторгом глядела на них, а в конце даже рассмеялась и захлопала в ладоши.

Старуха же просто потеряла дар речи и упала со своей табуретки. Но, потирая бок, продолжала смотреть на дивные игрушки.

Мать Шолпан пришла к дому Эдиге. Он проводил её в дом.

– Эдиге, умер мой муж, отец Шолпан. Мы хотели просить тебя построить белый мазар. На его купол поставь маленький полумесяц.

– Зачем?

– Я так решила.

– Да-да, конечно, – ответил Эдиге. – Как себя чувствует Шолпан?

– Она родила, Эдиге, вчера она удивительно легко родила прекрасного голосистого малыша. И чувствует себя хорошо. Старуха говорит, твои куклы плакали всю ночь, а когда малыш появился на свет, перестали плакать и стали петь.

Эдиге снова появился в доме Шолпан вскоре после рождения ребёнка.

– Ты умеешь делать волшебных кукол, ты и вправду колдун, уходи, я не хочу видеть тебя, – сказала Шолпан, нянчившая ребёнка. – Зачем ты пришёл?

– Я думал, Хизр лишил меня страха смерти, но он не лишил меня того, что даёт при рождении человеку вместе с дыханием сам Тенгри – памяти и тоски. Потому я всякий раз стремился увидеть тебя, чтобы узнать, как ты живёшь... чтобы услышать лишь доброе слово... Но, видимо, так повелел Тенгри, ты никогда не любила меня.

К ней подбежали её дети. Эдиге заметил, что она стала округлой, спокойной и важной, как многие женщины в их селении, и была вполне довольна собой.

Еринчин и Эдиге купались в Яике.

Шаман вдруг увидел, как тень, будто от облака, нашла на лицо темника. Еринчин посмотрел на небо – оно было чистым.

Шаман нырнул в воду, обратился в осетра и устремился по руслу реки по течению и против него, чтобы обследовать местность.

Вынырнув на мгновение из воды в заводи, где, как ему показалось, мелькнула тень человека, он увидел воина, купавшегося, не снимая пояса с маленьким кошельком. На берегу лежала чёрная одежда воина. Еринчин осетром подплыл к нему под водой и учуял яд в кошельке.

Вынырнув рядом с Эдиге и вернувшись в прежний облик, он сказал: – Вечером приходи ко мне. Только постарайся, чтобы тебя никто не заметил.

Когда Эдиге, закутанный в плащ, прибыл в паланкине к скромному домику шамана на окраине Сарайшика, он никого там не обнаружил.

В окно влетела пчела и разом обернулась в Еринчина.

– За тобой, Эдиге, установлена слежка, – сказал шаман и замолчал. Удивлённый Эдиге внимательно слушал его.

– Что ты знаешь о своём отце? – спросил Еринчин.

– Он был честным человеком, – ответил тот.

– Как он умер?

– У него остановилось сердце, во время охоты. Он сопровождал хана, – отвечал темник.

– Послушай, Эдиге, – сказал Еринчин. – Пчелой и осетром я оборачивался, чтобы понять, что именно задумал хан. Я знаю достоверно, что против тебя что-то замышляют и хан, и эмир. Чтобы понять точно, я должен поговорить с твоим отцом. Помоги мне разжечь костёр и подай бубен.

Вечерело, на город спускалась ночная тьма, когда шаман и темник разожгли костёр во дворе.

Эдиге смотрел, как шаман бьёт в бубен и кружится вокруг костра.

Несколько раз Еринчин бросал в костёр зверобой и бессмертник, шепча какие-то слова на древнем языке. Эдиге слушал.

Шаман пустился в путь к Эрлику, и снова искал Кутлы-Кая.

Он летел в Нижний мир, поддерживаемый перьями своего лебяжьего одеяния и перьями филина, притороченными к его туфлям.

И барбарисовый браслет помогал отгонять детей Эрлика, колючки барбариса кололи демонов и джиннов, не подпуская их к шаману.

И вот Кутлы-Кая явился.

Эдиге во дворе дома Еринчина, слушал голос своего отца, Кутлы-Каи, исходящий из уст шамана, который пребывал словно во сне:

– Под страхом смерти моей и моего единственного сына мне было приказано самим ханом Тохтамышем хранить выводок его охотничьих соколов редкой породы, – говорил Еринчин голосом Кутлы-Каи. – Я верно хранил каждую птицу, каждого птенца и каждое яйцо двадцать лет.

Не раз посланцы Шах-Тимура сулили мне золото и лъстивыми речами искушали меня предать хана и выдать пару соколов для разведения. Но я держал слово, данное хану.

Настало время, когда Лесная женщина подарила мне моего единственного сына Эдиге. Ты знаешь, Еринчин, что я один остался с грудным младенцем. Его вскормила волчица, прибившаяся к моему дому после того, как люди хана на охоте убили всё её потомство, недавно появившееся на свет.

Я вынужден был отлучаться от своего соколиного дома, чтобы нянчить ребёнка.

Когда я нянчил своего Эдиге, посланцы Шах-Тимура выкрали соколиные яйца, и таким образом Шах-Тимур завладел редкими птицами, а как только птенцы подросли и были способны к охоте, не преминул похвастать ими перед Тохтамышем.

Хан решил, что я предал его, и дал приказ отравить меня во время охоты. Я виноват лишь в том, что не сумел каждое мгновение быть при соколах. Разве только в этом моя вина.

Но им мало было убить меня. Они стали искать сына, которого, слава Великому Тенгри, сумела спрятать моя родня, рискуя своей жизнью. Но если хан прознает, что сын мой жив, не оставит его в покое...

Эдиге был потрясён услышанным.

Шаман закурил свою трубку. Эдиге сказал:

– Я любил девушку, она предпочла другого. Хотел служить своему государю, он оказался убийцей моего отца. Я готов отдать жизнь в бою, для чего же меня испытывают боги?

– Как возгордился ты, Эдиге. Торгуешься с самой судьбой? Причитаешь, как баба...

– Что же делать?

– Терпи. А не можешь терпеть – умри. Одним бозкуртом больше, одним меньше, для Тенгри не имеет значения. Уж не думаешь ли ты, что бог Неба должен благодарить тебя?

– Одна печаль гложет меня, Еринчин. Кровь безвинного отца – на хане Тохтамыше.

– Смерть сама находит свою жертву, это не в твоей власти.

– Ты рассуждаешь как шаман, не как воин.

– До того, как стать шаманом, я был человеком.

– Ты не был воином!

– Уходи...

– Куда мне идти? Помоги, Еринчин.

– Тебя ждут твои братья не для того, чтобы слушать твои излияния. Ты сам знаешь, как поступить. Тут я тебе не советчик. Но если понадобится моя помощь, приходи и получишь её.

Эдиге помолчал.

– Хан даёт приём в честь воинов, я должен быть там, – наконец сказал он. Он хочет наградить Эртюрка и других моих друзей. Они не поймут, если я не приду. Нельзя не принять приглашения самого хана.

– Будь осторожен.

Еринчин отвернулся. Эдиге вышел.

17.

Шолпан под покровом темноты проникла в дом Эдиге. Он уже ждал её. Только она приблизилась, он обнял её, и она со страстью поцеловала его. Хлопнула дверь на улице – любовники насторожились.

– Ничего, это ветер, – сказал Эдиге.

Они предавались любви до утра, ненасытные и страстные, позабыв обо всём.

Эдиге и Эртюрк на площадке для боёв, где когда-то Эдиге победил в состязаниях на глазах хана и был назначен сотником, сошлись в тренировочном бою, обнажённые по пояс. Эдиге вошёл в раж, он перевернул Эртюрка и бросил на землю. В это мгновение у обоих обнажились острые клыки, оба хрипели, как волки.

За ними наблюдали простые солдаты вместе с друзьями Эдиге, выкрикивая имя того, за кого болели.

Стоя в высокой траве, Эдиге поднимал тяжёлые гири, перекидывал через себя, и снова, и снова... Наконец, он в изнеможении повалился на землю. Он с удовольствием отдыхал, раскинув руки, улыбаясь солнцу, небу и своей любви.

Когда Эдиге подходил к своему дому, он увидел женскую фигуру, закутанную в накидку.

Он подошёл к изгороди, женщина откинула накидку. Эдиге сразу узнал Шолпан и хотел поцеловать её, но она отстранилась.

– Что ты здесь делаешь, Шолпан, в столь поздний час? – спросил Эдиге.

– Хан хочет погубить тебя.

– Шолпан, как ты можешь знать это?

– Я слышала, как муж говорил с человеком из ханского дворца. Мой муж готовит лекарства для двора, но я не знала, что он готовит яды.

– Зачем ты помогаешь мне?

– Ты много сделал для меня, Эдиге.

Тут она приблизилась к нему и страстно поцеловала.

– Мне было видение. Умай сказала, что я напрасно обижала тебя, и должна искупить свою вину, – глаза её блестели.

– Мне не надо твоей жалости.

– Я должна родить бозкурта, так сказала Умай.

– Я не бозкурт.

– Не лги мне, я знаю.

– Ислам запрещает измену.

– Я не знаю ислама.

Она посмотрела на него пристально, и к изумлению своему, Эдиге увидел у неё маленькие клыки.

18.

На приёме во дворце «Золотой камень» за столом, накрытом для пиршества, сидели Эдиге и его воины.

– Поднимем чарку за тысячного Эдиге, который честно служит на благо нашего государства! – провозгласил хан.

Человек в чёрном поднёс Эдиге чарку. Перед глазами Эдиге возник Еринчин: «Будь осторожен, Эдиге!». Потом видит, будто наяву, Шолпан: «Хан вздумал погубить тебя!».

Эдиге, будто невзначай, рукоятью сабли толкнул чашу. Она упала из рук человека в чёрном, напиток пролился, пачкая край одежды Эдиге. Отравленная жидкость разъела ткань.

Все подняли чарки. Однако Эртюрк и друзья Эдиге вынули мечи и сабли из ножен, увидев, что их друга только что хотели отравить.

– Измена! – выкрикнул Эртюрк.

Тохтамыш наблюдал настороженно за происходящим. Потом сделал знак охране. Охранники кинулись к Эдиге и его друзьям. Те отбивались, продвигаясь к выходу и прикрывая Эдиге.

Шолпан выбежала из дома, она бежала по улицам, не разбирая пути, глаза её полны тревоги.

Она спешила к дому шамана. Отчаянно колотила кулаком в двери, пока шаман не появился на пороге.

У выхода из дворца Эдиге и его друзей поджидал Еринчин, держа наготове под уздцы лошадь Эдиге. На другой лошади по улице приблизилась Шолпан, она спешила возле Еринчина. До них доносился шум из покоев хана – крики и звон сабель. Они ждали, напряжённо вглядываясь в темноту.

Эдиге и его девять друзей появились у ворот. Некоторые были уже на конях, отбитых у дворцовой охраны. Эдиге и Эртюрк вскочили на коней, поданных шаманом и Шолпан, и помчались на них прочь от дворца.

Стражники выбежали за ними в растворённые ворота дворца, но ни бозкуртов, ни шамана, ни Шолпан они уже не увидели – их будто и след простыл.

В степи Эдиге заметил погоню – вдали виднелось пыльное облако, посланцы хана приближались.

– Эртюрк! – крикнул Эдиге. – Им нужен я, я остаюсь.

– Ты погибнешь, не останавливайся, – отозвался Эртюрк, видя, что Эдиге разворачивает коня.

– Слушай, что говорю, я твой темник!

Ханская стража, посланная в погоню, была в страхе, увидев перед собой посреди широкой степной дороги на возвышении огромного, мощного степного волка. Лошади захрапели, стали пятиться назад, некоторые понесли своих седоков.

Волк, хищно оскалившись, смотрел на людей.

– Оборотень! Это он! Это Эдиге! – раздались крики. – Поворачивай обратно! Пусть хан сам гоняется за бозкуртами!.. Волк растерзает нас...

Волк, готовый кинуться на всадников, приготовился к прыжку. Но всадники в страхе отступили и пустились наутёк.

Волк посмотрел им вслед и, убедившись, что они удалились, поспешил за своими товарищами.

19.

Бозкурты, и с ними Еринчин, ехали и днём, и ночью, они не знали усталости. Они уже переходили Дон, когда Еринчин почувствовал себя плохо.

Он приказал всем остановиться, чтобы попрощаться.

– Не умирай, Еринчин, – сказал Эдиге. – Мы довезём тебя до Карпат, где ты будешь жить долго и счастливо.

– Нет, – отвечал Еринчин. – Я прожил двести тридцать два года, слишком мало для поэта, но невыносимо много для человека, мне пора. Бегите, за вами снова посланы нукеры Тохтамыша, бросьте меня в степи, – и он закрыл глаза.

Эдиге с товарищами смастерили лодку, положили в неё тело Еринчина, между зубов воткнули ему золотую монету и пустили лодку вниз по Дону, чтобы люди, живущие вниз по течению, похоронили его. Монета была к тому призывом.

Так оно и свершилось. Люди, жившие ниже по реке, найдя тело, взяли монету и похоронили по-человечески.

Сарайшик процветал недолго. Вскоре он был взят войском Тимура, разграблен и разрушен. Но народ, оставшийся в живых, сохранил и передал поколениям, живущим на этой земле и сейчас, предание о небесном братстве и взывал к нему в часы отчаяния. Кто знает, сколько бозкуртов родилось среди людей на Яике и Едиле после Эдиге, но раз жива земля, значит, были и охраняющие её братья, такие же благородные и сильные, как одиннадцать синих волков Сарайшика.

До Карпатских гор добрались десять синих волков. Они поселились в горах, где каждый выстроил себе дом. Девять товарищей и сам Эдиге женились на местных женщинах, и только вечерами они вспоминали свою родину, Яик и Едиль, и, собравшись вместе, пели грустные песни на языке своей земли.

Прошло много лет, когда Эдиге почувствовал приближение старости. Тогда он вспомнил о своём ремесле каменотёса, и в одном из походов, в причерноморских степях, установил каменную стелу, молясь и призывая на помощь Буркут-баба – хозяйина дождя и Камбара – покровителя диких коз и баранов.

Он молился перед бал-балом:

– Тенгри, Камбар, я хочу искупить свою вину перед небом за то, что бросил мирный труд и занялся ратным делом, я молюсь за благополучие земледельцев и охотников.

Умер Эдиге – Бозкурт от раны, нанесённой ему в бою копьём, она не беспокоила его, но на самом деле оказалась смертельной. Перед бал-балом Эдиге воины, спустя годы, десятилетия и века, считают своим долгом спешиться и воздать ему честь, для чего и вонзают в сухую степную землю стрелы, вспоминая непобедимого воина Бозкурта, и говорят, что это придаёт им необычайную силу. Потому стрелы всегда торчат из земли у подножия бал-бала. А беспокойный дух Еринчина и до наших дней носится по степи...

г. Москва.

Толеген КАЖЫБАЙ

Мысли вслух

Перевод с казахского **Владимира ГУНДАРЕВА**

1.

Под напором теченья сумей устоять,
Чтобы, встретив беду, вдруг не кинуться вспять.
Коль коня потеряешь — смиришь, не ропщи:
Ведь страшнее всего — честь свою потерять.

2.

Ты о делах моих не спрашивай, мой друг:
Ослаб душой, и тяжек мой недуг.
И вряд ли буду я здоров, когда
Куда ни глянь — лишь хворые вокруг.

3.

Что поделаешь, если мечта
Не сбылась, и кругом — пустота.
Мне, родная земля, будь опорой,
Остальное же — мелочная суета.

4.

Греховна ли мать человечества Ева,
Прекрасное яблоко снявшая с древа?
Ведь женщину Бог сотворил, чтоб умела
Ценить красоту несравненная дева.

5.

Тяготит груз сомнений у последней черты.
С каждым мигом всё явственней зов темноты.
Не гадай, что готовит тебе день грядущий,
Как устроить сегодняшний день — думай ты.

6.

Лет минувших караван год от года всё длинней.
Со спесивыми всю жизнь мне бороться суждено.
Кровь твоя, отец, пульсирует во мне,
Но тебя я старше стал уже давно.

7.

Мысль жжёт, как пламя ада, всё сильнее,
Не даёт душе покоя много дней:
У казахов, что так подло погубили Кулагера,
Будут ли неисчислимы табуны коней?

8.

Порой надежда покидает сердце,
И уповаю лишь на время я тогда.
В тебе, аул, моё осталось детство,
Навстречу мне оно не выйдет никогда.

9.

Я тщуся постичь истоки сей напасти:
Сам обокрал себя или меня, к несчастью?
Кого винить, ответь мне, предок, в том,
Что мой народ расколот на три части?

10.

Все мы уязвимы в этой жизни.
Ветра шквал — и никнут все цветы.
Не кичись, что род твой всюду признан:
Смерть — одна, знать, одинок и ты.

11.

Твоя натура мелочно капризна,
Урвать побольше — суть твоей мечты.
Печёшься: что же даст тебе Отчизна?
А не о том, что можешь дать ей ты.

12.

Близок срок покинуть белый свет.
Но, по жизни прожитой скорбя,
Не пора ль, приятель, дать ответ,
Что оставишь ты после себя?

13.

Богатство, слава, власть — всё будет здесь оставлено.
Не обращай за сочувствием к другим:
И мудрый Соломон ушёл в тот мир в холщовом саване,
И солнцеликий фараон покоится нагим.

14.

Не там как будто бы заката гаснет зарево.
И словно утро не наступит никогда.
И звери тянут лапы окровавленные,
Стремясь от чести не оставить и следа.
Неужто Каины, пролившие кровь Авеля,
Мой мир заполонили навсегда?

15.

Друг другу противостоят и жизнь, и смерть.
За целый век осмыслить это не суметь.
Чтоб Махамбеты жили в памяти народа, —
Все Нурсултаны пусть же здравствуют и впредь!

16.

Нет юного жара в душе у меня,
Нет пыла — и в чувствах не стало огня.
Вином пустоту заливаю в груди,
Коль можешь, за это меня не суди.

17.

Вдруг обиду я на близких затаю
Или вихри взбудоражат жизнь мою, —
Вряд ли в городе душа найдёт приют,
Если сердцем я всегда в родном краю.

18.

Необщителен я, видно, с колыбели.
И заискивать судьба не научила.
Подхалимы, лизоблюды же — при деле:
Во все дыры наострились лезть без мыла.

19.

Никого не пощадит он, если надо для карьеры,
Даже кровь прольёт чужую без вины.
Ловкачи и проходимцы, что без совести и веры,
И грабителей опасней для страны.

20.

Был несгибаем, словно дуб, мой дед.
Был скакуном, каких теперь уж нет.
Я был его единственной слезинкой,
Что на щеке оставила свой след.

21.

Моей цветущей не бывать весне,
Исчезнувшей в небесной вышине.
И с севера подувший хмурый ветер
Об осени вчера напомнил мне.

22.

Наливай мне вина, не скупись,
В горле чувства мои запеклись.
Вечер с другом дороже богатства,
Так что золотом ты не хвались.

23.

Мне милее всего находиться в тиши.
Но и в шумных кафе я бываю,
Где тоску одинокой, усталой души
Сладким ядом порой заливаю.

24.

Между ночью и днём столкновение прямое.
Эта вечная схватка всегда предо мною.
И прискорбно, что недостижима мечта, —
Ведь мгновение всего между светом и тьмою.

25.

Я по натуре и повадкам — ястреб.
И не скрываюсь от мук земных в гримасе.
Остерегаюсь лишь людей двуликих:
Одна щека в крови, другая — в масле.

26.

Ты в жизни встретишь едва ли
Полгоря и полпечали —
Страданий вокруг не счесть.
Поймёшь беспощадно-ясно:
Всё тщетно и всё напрасно, —
И жизнь принимай, как есть.

27.

По полю жизни, как помёт, гонимы
Тугим порывом ветра в никуда,
Людишки, вижу, измельчали ныне:
Клевещет друг на друга без стыда.

28.

Того, кто неприступный бастион
Взял, укрепив на нём победы флаги,
Того поэта, что, сдержав свой стон,
Мечты лелеял о народном благе,
И те следы, что были испокон
Как письма степного мироздания, —
Всё поглотил безжалостный дракон —
Чьё имя Смерть — не зная сострадания.

29.

Когда человеку плохо — не уповайте на Бога.
Представьте, что это с вами — стоять в стороне не смейте.
Немедленно «скорой помощи» дайте, люди, дорогу —
Успеть вырвать жизнь человека из острых когтей смерти.

30.

В какой бы край меня ни заносило,
Но каждый раз неведомая сила
Влекла туда, где, дорогой мой дед,
Твоя травой заросшая могила,
Где бытия и смерти скрыт секрет.

31.

Я был в иных краях под чужедальним небом,
Что ты гордился мной — уверен в том я не был.
Так **что** искал и **что** нашёл я в жизни этой? —
На все вопросы не дано ответа.

32.

Он готов растерзать и тебя, круша
Все помехи, насытилась б только душа.
Сам Господь для него — это звук пустой,
Честь и Совесть — химера: не стоят гроша.

33.

Он для карьеры отречётся от отца.
Не Господу он служит — господину.
С простецким выражением лица
Обманет благородные седины.

34.

Не знаю, на какой тропе
Свою же душу я украл.
В бездушной и слепой толпе
Себя, увы, я потерял.

35.

У жизни нет цены как таковой.
Твоя мечта навек угаснет тоже.
Уйду и я, долг не исполнив свой,
По счёту меньше заплатив, чем должен.

36.

Знать даёт о себе накопившихся строк
В тайных недрах души сокровенный поток.
Днём и ночью я думаю снова и снова,
Чтобы вместе со мной не ушло моё слово.

37.

Я исходил по жизни сто дорог.
Был мой удел то милостив, то строг.
Я — тот пингвин, чьи крылья — словно ласты:
Как ни стремился, но взлететь не смог.

38.

Потускневшему зеркалу настроенье подобно.
Столько помыслов в нём отражалось подробно!
Я случайно разбил его вдребезги вдруг,
Но осколки собрать — не хватило потуг.

39.

Мечтается в душе ещё парить по-птичьи
Над жизненной рекой, над омутом страстей.
Спаси, Аллах, от тех, кто в дьявольском обличье
Людей столкнуть стремится с праведных путей.

40.

Молодость пламенем опалена.
В сердце стон от боли не смолк.
Осиротила меня война,
Я же ей отомстить не смог.

41.

Был великий Абай не от мира сего.
Не был понят в свой век сын казахской земли.
Я мечтаю о том, чтобы мудрость его
Оценить все разумные люди смогли.

42.

Когда над миром лунный свет,
Когда он солнцем обогрет, —
С ним держат трепетную связь
Перо, бумага и поэт.

43.

Тщимся мир удивить — хлещет пыл через край,
Ищем то, чего нет, виртуальную небыль.
Если мы на земле не устроили рай,
То искать его надо ль на небе?

44.

Красотою пленён — хорошеешь и ты.
И душа волшебство обретает сама.
Если б не было в мире у нас красоты, —
То поэты, наверно, сошли бы с ума.

45.

Ещё нет сердцу покоя,
Не стихли весны моей песни.
Как может сердце такое
Поместиться в могиле тесной?
Душа ещё постигает
И горечь, и радость света.
Как может душа такая
С жизнью расстаться этой?

46.

Себя я осторожным не считал —
Был смельчаком, что подтвердит родня.
Теперь же осмотнительнее стал —
Два сына подрастают у меня.

47.

Нет вниманья к тебе? Не беда.
Ты живи, ко всему привыкая.
Кто обгавкал слона, — никогда
Не пропустит тебя он без лая.

48.

Сородичам и лютей волк вовек
Зла не чинит и не наносит раны.
Всех хищников опасней человек —
Глумится над собратом неустанно.

49.

Чтоб узнать, что за конь пред тобой,
Ты одно навсегда усвой:
Не камча подгоняет тулпара,
А джигита клич боевой.

50.

Надо древность пытливыми видеть глазами:
В прошлом мудрости много и праведных знаний,
Чтоб вела нас в грядущее лет череда.
Ну а тот человек, что манкурту подобен,
Свысока на минувшее смотрит сегодня, —
Не увидать добра от него никогда.

51.

Невежды взгляд — ни проблеска ума.
И для него — что свет, что тьма.
Порой свет лампы озаряет сердце,
А в нём зияет пустота сама.

52.

Для жизни совсем не имеют значения
Твой возраст, твоё положение.
Иным удаётся удары судьбы
В свои превращать достижения.

53.

Не верю, что у стукачей есть честь.
Услуг их подлых дьяволу — не счесть.
Ведь притворясь, что борются за правду,
Строчат доносы, чтобы праведных извести.

54.

Чуть не погиб от чёрной бури мой аул,
Похож на вражеский набег её разгул.
Свой укрепляю дух на жизненном пути —
Мне суждено на бой со злом идти.
Лишь о себе всегда пекутся болтуны,
От них не будет пользы для страны,
Обманчив их благообразный вид, —
И оттого душа моя болит.

55.

Арал — как призрак адова причала,
Барханы — словно смерти перевалы.
Как горло, пересохшее от жажды,
Баркас, что утонул в песках Арала.

56.

К чужому у меня завидок нет.
Мне не нужны ни власть и ни богатство —
С лихвой своих промашек и побед;
Лишь на своей бы высоте остаться.

57.

Писать стихи — труднее нет пути.
Наверно, легче скот в степи пасти.
Так, может быть, всего важнее в жизни
Людские души к истине вести?

58.

Как много кодобин в пути одолел я в тревоге.
И уйма вопросов, на которые вряд ли отвечу.
Но всё-таки мчусь по ухабистой этой дороге,
Как Пушкин, кончине своей неизбежной навстречу.

59.

Подставь плечо мне, наше дружество цена.
С твоей поддержкой будет легче путь во мгле.
Покуда есть перо с бумагой у меня, —
То не последний человек я на земле.

60.

Не радует рассвет — лишён былых чудес:
Грустит моя душа от тишины небес,
Ведь жаворонка песен я не слышу —
Он вместе с ковылём в степи моей исчез.

Шакир а-МИЛ

Из серии «Личность в истории»

Сорок четыре

1

Ещё издали Субудай-багатур, великий военачальник монгол, увидел горящий город, и сердце его наполнилось радостью. Ещё бы, горел город славы и гордости ненавистных ему булгар. Даже сам Чингисхан не смог одолеть булгар, и монголы потерпели от них тогда единственное поражение и долго затем не решались повторить поход против этого народа.

И вот он, Субудай-багатур, которому Чингисхан завещал попечительство над своими сыновьями, не с ними, а с внуком великого завоевателя, Бату-ханом, вернулся на эту землю, чтобы восстановить справедливость и славу воинов монгол.

Целых два года передовые отряды проверяли на прочность воинство булгар, появляясь то тут, то там, не избегая лёгких стычек, но и не давая погубить себя.

Целых два года лазутчики под видом купцов и путешественников рассматривали укрепления городов булгар и особенно эту их столицу – Болгар, пытаясь найти среди этого народа предателей и желающих служить великому хану.

Целых два года послы и посланники монгол вносили раскол среди союзников и соседей булгар, обещая им поддержку, покровительство самого Бату-хана, если они откажутся помогать Булгарии.

И вот теперь, когда все эти действия принесли свои плоды, хитрый и старый Субудай-багатур решил повторить путь самого великого отца монгол Чингисхана.

Город отказался сдаться, и он будет наказан. Великой пролитой кровью карают монголы непокорные города. Десятки народов покорил Субудай-багатур и никогда не изменял этому праву, праву сильного, праву вершителя жизни и судеб.

**Шакир
а-МИЛ (Шамил Садыков)**

родился в 1965 г. в Татарстане. Проживает в г. Сатпаеве Карагандинской области. По профессии – горняк. Прозаик, публицист. Лауреат литературных конкурсов России, Казахстана и Азербайджана, публикуется в журналах «Нива» и «Простор», имеет публикации в журналах «День и ночь» (Красноярск), «Молодая гвардия» (Москва) и других литературных изданиях. Печатается только под псевдонимом Шакир а-Мил.

Долго ждал этого дня старый воин и поэтому, когда узнал о взятии города, поспешил взглянуть на него.

Когда подъехал он и телохранители его, уже стемнело, но огромное до небес зарево, которым был охвачен город, указывало им путь. И когда приблизились они, то казалось – солнце упало на землю. И теперь это солнце догорало на земле, высоко посылая свои искры, и они, рассеиваясь по небу, светили новыми мириадами звёзд над несчастным городом.

2

Воины тотчас узнали Субудай-багатура. Восторженные крики славили его имя и подвиги. И в этих криках слышал он, что верны ему эти воины и готовы умереть во славу монгол. Вот скачет навстречу его любимчик, юный багатур Кадан, он спешит покинуть боевого коня и, преклонив колени, с восхищением на лице говорит о победе. Слова его тонут в общих криках, и Субудай-багатур молча улыбается, как бы принимая его слова. Он понимает состояние юноши, победившего в бою, мечтающего получить из рук великого воина золотую пайзцу – особую метку монгол, свидетельствующую, что её владелец удостоен всякой власти от имени Бату-хана.

Да, конечно, Кадан достоин такой почести, но не допускающий поспешности Субудай-багатур молча продолжает путь, приглашая жестом Кадана следовать за ним.

– Ты ещё вчера обещал, что город падёт, – сказал он догнавшему его юноше, как бы остужая его пыл.

– Хорошие воины, злой народ! – склонив голову и скрывая досаду, ответил Кадан.

– Да, хорошие воины, – согласно кивнул Субудай.

И тут он повернул своего коня к правой части города-крепости, где в зареве пожара мелькали тени на стенах и слышались ещё чьи-то крики.

Приблизившись, старый воин убедился, что слух и чутьё не обманули его – на этой стороне города ещё шло настоящее сражение, и отчаянные крики защитников перекрывали шум оружия и огня.

– Что это? – спросил он Кадана.

– Это маленький отряд, – ответил Кадан. – Кажется, они прикрывают отход стариков и детей. Мы скоро покончим с ними.

– Почему они так кричат? – спросил багатур.

– Не знаю, повелитель. Злой народ, хорошие воины, – ответил, снова понурив голову, молодой воин.

И тогда, как бы по зову души, старый воин направил коня прямо к стенам города. Молчаливые тургауды-телохранители лишь на мгновение смутились, но мигом взяли в ещё более плотное кольцо главного полководца монгол и не спускали глаз с происходящего вокруг.

Мимо Субудая проходили вперёд всё новые воины, и видел он страх в их глазах. От этих криков на стенах города стыла кровь и бледнели лица монгол. И когда до города осталось полпути летящей стрелы, Субудай ещё раз прислушался, остановил коня и сказал, не оборачиваясь, Кадану:

– Это – женщины! Кадан, это не воины.

Тишина стояла за его спиной. Кадан понял это ещё раньше, и лицо его стало багровым от гнева и стыда.

Не дождавшись ответа, Субудай-багатур, указывая на проходящих мимо него воинов, сказал:

– Скажи им, пусть их возьмут живыми!

3

Упавшее солнце и не думало догорать. Огонь с новой силой полыхал над городом так, что можно было увидеть насекомых в траве и пролетающих в небе испуганных птиц.

И потому никто не освещал путь пленницам, их провели со стен города к месту, где стоял Субудай-багатур.

– Сколько их? – спросил старый воин.

– Сорок четыре! – ответил старший тургауд.

И сошёл тогда с коня Субудай-багатур, и пошёл среди женщин, вглядываясь в их лица.

Женщины не знали его и не могли знать о нём, и, казалось, довольные тем, что всё закончилось, спокойно смотрели перед собой, словно не замечая проходящего между ними старца в сопровождении двух тургаудов.

И лишь одна из них низко наклонила голову и заметно дрожала.

Субудай приблизился к ней и увидел, что её плечо разрублено мечом, по лицу стекал холодный пот, и она вот-вот потеряет сознание.

– Помоги ей, – велел Субудай-багатур тургауду слева, и едва он прошёл вперёд, как услышал позади себя звук упавшей на траву головы, а затем и тела женщины.

Ещё в седле он заметил среди толпы пленниц знатную, судя по одежде, высокую и красивую женщину.

Он подошёл к ней, взглянул на её руки, удивился их белизне и красоте, словно не веря в то, что они могли держать оружие.

– Позовите Цзиня! – приказал он.

И когда подошёл Цзинь, китаец, знавший тридцать языков, сказал ему:

– Спроси у неё, почему они кричали?

– Они – женщины. Им было страшно, – передал ответ женщины китаец Цзинь.

Субудай-багатур вернулся к своему коню и сказал Кадану:

– Они кричали, потому что им было страшно! И от страха зарубили сотни твоих воинов. Посмотри, какие красивые женщины, Кадан, а ты с ними воюешь!

– Красивые женщины, злой народ! – ответил, поклонившись ему, Кадан, и когда Субудай-багатур уехал прочь, ещё долго вглядывался во мрак, укрывший собой великого воина.

Из забытья его вывел голос сотника:

– Что делать с ними? – спросил он, указывая на женщин.

И словно в отместку уходящей власти, но имея свою власть, Кадан ответил:

– Закопайте их! Всех! Живыми!

Ещё много достойных воинов-противников предстояло увидеть Кадану на пути к своей славе, но эти сорок четыре были первыми на его пути.

Малиновая папка для Лаврентия Берии

1

Тело Сталина с дивана снова положили на пол. Огромного роста мужчина в белом халате опустился перед ним на колени и с каким-то неистовым рвением делал прямой массаж сердца, отчего тело вождя казалось беспомощным, а движения врача лишь подчёркивали эту беспомощность.

Четверо военных, образовавших правильный квадрат вокруг этого человека, не сводили с него глаз и нервно сжимали кулаки, наблюдая, как он бесцеремонно обращается с телом Сталина.

Члены Политбюро, в ужасе от происходящего, собрались в кучку и оцепенело смотрели перед собой. Лаврентий Берия, стоявший позади всех, тщетно пытался увидеть, что же происходит. К тому же очки запотели и сползали с переносицы. Как бы стараясь не упустить самое важное, он вставал на цыпочки, хотя для того чтобы разглядеть лучше, ему было достаточно сделать шаг влево или вправо.

Эти минуты казались бесконечностью, наконец кто-то сказал:

– Зачем вы мучаете его, он умер.

И только после этих слов врач вдруг резко остановился, тяжело вздохнул, поднялся и отошёл в сторону.

«Как это умер? – пронеслось в голове Берии. – Кто посмел сказать это? Кажется, Никита! Надо запомнить!».

Но было уже поздно. Военные склонились к телу вождя, подняли его и снова положили на диван. Впереди кто-то всхлипнул и кто-то поддержал его.

Наконец, впереди зашевелились, Маленков что-то уже говорил стоявшему рядом с ним Хрущёву о похоронах, затем ещё кому-то, потихоньку кучка развалилась, и все, как будто стараясь не тревожить вождя, стали тихо прохаживаться по комнате.

Берия тоже прошёлся, прислушиваясь к разговорам, поддакивая, согласен кивая. Дождавшись, когда Маленков остался один, он быстро подошёл к нему:

– Надо бы кабинет в Кремле опечатать.

– Да-да, конечно, сделай это, – как-то даже благодарно сказал Маленков, подчёркивая, что даже он не может упомянуть всего, что нужно сделать в связи с этим ожидаемым, но всё же неожиданным горем.

Берия облегчённо вздохнул. Он немедленно подошёл к «вертушке» прямой связи с Кремлём и, едва дождавшись ответа дежурного офицера, бросил в трубку:

– Это Берия, скоро буду у вас. Найдите и привезите к моему приезду плотника Николаева, пусть ждёт меня.

Он положил трубку, ещё раз взглянул на безжизненное тело вождя и направился к выходу.

2

Как и всё окружение вождя, Берия думал о том, что же будет, когда Сталина не станет, кто будет после него у руля страны, что будет с каждым из них.

Но для Берии этот час был особенным. Он ехал в Кремль, в кабинет вождя, где в одном из ящиков стола лежала малиновая папка, о содержимом которой он ничего не знал, но с тех пор, как он узнал о её существовании, она не давала ему покоя.

Впервые он увидел её в 1942 году.

В тот далёкий день он вошёл в кабинет вождя для доклада.

Сталин сидел за столом и просматривал бумаги. Но едва Берия приблизился к столу, Сталин вдруг как-то поспешно закрыл лежавшую перед ним необычного цвета малиновую папку, положил её в верхний ящик стола и тут же замкнул его на ключ.

Всё было как обычно. И доклад, вопросы и замечания вождя, но Берии было не по себе. Он впервые увидел смятение вождя, когда он поспешно убрал эту малиновую папку. Берия знал, что все ящики стола были без замков. Откуда он появился? И зачем? Ведь в углу кабинета стоял сейф, который особо никогда не был перегружен. Конечно, эта история вскоре забылась, но спустя три месяца повторилась. Ведь именно тогда Лаврентию Берии показалось, что вождь намеренно показывает папку ему и прячет её в стол, как бы показывая, насколько он, вождь, скрывает содержимое этой папки от Берии. Стоит ли говорить о том, что творилось в его душе, когда история повторилась в третий и четвёртый раз.

«Он специально показывает эту папку мне, – думал Берия. – И цвет выбрал необычный, чтобы я запомнил её. Там компромат на меня. Но кто поставляет ему этот компромат? Это может быть человек только из моего окружения! Точно! Надо найти этого подлеца!».

Шли годы, но тайна папки не раскрывалась, и всякий раз, когда Берия видел её, он надолго выходил из себя, становился замкнутым и подозрительным.

Его подозрения усилились, когда он однажды завёл случайный разговор за застольем с начальником контрразведки Абакумовым.

Берия спросил его полушутя:

– Вот ты, Виктор Семёнович, контрразведчик, должен всё примечать и запоминать, а сколько в кабинете Иосифа Виссарионовича стульев, пепельниц и окон? – и довольный своим вопросом, расхохотался.

Но Абакумов и глазом не моргнул и тотчас ответил. И тогда, как бы восхищённый, Берия спросил:

– А ящиков, сколько ящиков у него в столе и сколько из них закрывается на замок?

– Четыре, – уверенно ответил Абакумов. – А замок на одном, три года назад поставили.

– Ну ты молодец, Виктор Семёнович! – похвалил Берия, теперь уже действительно удивившись наблюдательности Абакумова, и поспешил задать самый важный для него вопрос: – А что в том ящике хранится, небось, деньги?

– Нет, – уверенно ответил Абакумов. – Деньги товарищ Сталин всегда в сейф кладёт, сам пару раз видел. А в ящике, что с замком, папка, странная какая-то, малинового цвета.

– Ну уж прямо малинового? – как бы с сомнением отозвался Берия.

– Лаврентий Пав-ло-вич! – протянул Абакумов. – Обижаете. У меня же – память! (тут он показал рукой на свою голову). Я и сейчас помню, что было, когда эту папку в последний раз видел. Я зашёл, Иосиф Виссарионович взял со стола эту папку, положил в ящик, закрыл на замок и спросил: «А что вы там с Берией, решили вопрос по 3-му Белорусскому фронту?», хотя я пришёл с докладом по другому вопросу.

Берия на минуту окаменел.

– Так ты говоришь, – спросил, наконец, он, – папку закрыл и про меня спросил?

– Почему про вас? Про нас, – поправил его Абакумов.

Но Берия его уже не слышал. Всё сходилось. И ящик. И папка. И вопрос, когда эту папку прячут в стол. Это была его папка. Папка о Лаврентии Берии. У него были тысячи папок на других, но та малиновая была для него. И когда эта папка станет не нужна Сталину, станет не нужен и сам Берия.

И вот он едет в Кремль за малиновой папкой.

3

В Кремле его ожидали дежурный офицер и старик-плотник Николаев.

– В кабинет Сталина! – распорядился Берия.

Когда они прошли в приёмную, Берия сказал офицеру, дежурившему там:

– Сталин умер! Я уполномочен опечатать кабинет! Откройте!

Офицер дрожащими от волнения руками открыл дверь.

Берия вошёл в кабинет, заглянул за чем-то за занавески, потом подошёл к столу и сел за него. Внимательно осмотрев лежавшие на столе бумаги и ни к чему не прикасаясь, наклонился и коснулся рукой заветного ящика. Тот был закрыт. Показывая удивление на лице, Берия ещё раз подёргал его и с видом человека, который знает, что лежит там, приказал плотнику:

– Взломайте!

Плотник недоверчиво взглянул на невозмутимое лицо офицера охраны, пожал плечами и сказал:

– Зачем ломать?

Он взял свой чемоданчик, открыл, достал оттуда небольшое приспособление и через минуту, повозившись с замком, открыл его.

Берия побагровел от волнения. Он вонзил свой взгляд на плотника, и когда тот отошёл от стола, медленно открыл ящик. На дне сиротливо лежала малиновая папка.

Берия достал её и положил перед собой. Ещё раз взглянул на офицеров и плотника, стоявших в стороне, и аккуратно открыл папку.

И первая же лежавшая наверху бумага повергла его в шок. Это был лист с машинописным текстом, под которым стояла его размашистая подпись, и чуть правее сноски, подтверждающая её автора – «Л.П. Берия».

Всё поплыло перед глазами Берии. Очки мгновенно запотели. Он откинулся на кресло, пытаясь прийти в себя. Берия понимал, что его состояние можно легко объяснить случившимся, и поэтому не спеша дождался, когда ему станет лучше, протёр очки и устремил свой взгляд на бумагу.

Это было спецсообщение № 295 от 5 марта 1945 года Л.П. Берии И.В. Сталину с показаниями югославского генерала Стефановича о мужественном поведении в плену Якова Джугашвили, старшего сына Сталина. Берия вспомнил, как он вручил это сообщение Сталину, и тот, взяв его в руки, прошёл в другой кабинет, откуда так и не вернулся к нему.

Берия бережно отложил эту бумагу в сторону. Под ней лежала пожелтевшая немецкая листовка 1941 года о пленении Якова.

Под листовкой лежала довоенная фотокарточка Якова и... больше ничего.

Берия опустил руки и дождался, когда в них исчезнет дрожь. Он положил бумаги и фото обратно в папку, положил её в ящик и заметил, как облегчённо вздохнули офицеры, увидев, что он ничего не взял.

Берия встал, прошёл к двери, обернулся, оглядел кабинет и молча вышел, ничего не сказав офицерам и плотнику.

Так закончилась история с малиновой папкой для Лаврентия Берии.

Тайны дипломатии

Действующие лица:

Брежнев Л.И. – Генеральный секретарь ЦК КПСС в 1966-1982 гг.

Косыгин А.Н. – Председатель Совета Министров СССР в 1964-1980 гг.

Громыко А.А. – министр иностранных дел СССР в 1957-1985 гг.

Андропов Ю.В. – председатель КГБ СССР в 1967-1982 гг.

Неверова М.А. – медсестра горбольницы № 63 г. Москвы в 1971-1974 гг.

1

Зазвонил телефон. Сотрудник отдела поднял трубку и представился:

– Наградной отдел, ответственный секретарь Петров. Слушаю вас, Леонид Ильич!

Да-да, здесь! Сейчас передам!

Дрожащими руками Петров протянул трубку и сказал:

– Вас, Юрий Владимирович. Леонид Ильич Брежнев!

Андропов с удивлением взглянул на сотрудника, взял трубку и проговорил в неё:

– Андропов у телефона.

– Кхе-хе! – раздался знакомый смешок Брежнева. – Здравствуйте, Юрий Владимирович, удивились? Вот видите, не только вы обо всех знаете, но и мы знаем о вас, где бы вы ни находились! Кстати, а что вы делаете в наградном отделе, мы вроде бы вас не награждали?

– Здравствуйте, Леонид Ильич! Действительно удивили. А я здесь по делу. Видите ли, многие наши сотрудники находятся в длительных, так сказать, командировках, и поэтому их государственные награды время от времени в наградном отделе забираю я, под роспись. А потом, когда они возвращаются, мы у себя, насколько это возможно, торжественно вручаем им эти награды.

– М-да, – проговорил Брежнев. – А я вот и не знал об этом. Очень трогательно, знаете ли. Хм-хм, но я, однако, по делу звоню. Есть тут у правительства одна проблема, и никак мы без вас её решить не можем. Если уж вы рядом, пройдите ко мне, тут у меня как раз нужные для беседы люди сидят.

– Хорошо, Леонид Ильич, я сейчас же иду к вам, – ответил Андропов и, дождавшись, когда в трубке послышались гудки, передал её сотруднику.

Он поставил роспись на расписке и, указав на аккуратно сложенные коробки с орденами сопровождавшему его офицеру, сказал:

– Возьмите это всё и ждите меня в машине.

2

В кабинете Брежнев действительно был не один. Вместе с ним за столом сидели глава правительства Косыгин и министр иностранных дел Громыко, с которыми он просматривал видеозапись вчерашней церемонии награждения Леонида Ильича очередным орденом. Эта видеозапись, очевидно, нравилась хозяину кабинета, так как с появлением Андропова он с явным сожалением отключил запись и пригласил вошедшего к столу.

Дождавшись, когда Андропов, поздоровавшись со всеми, присел к столу, Брежнев обратился к нему:

– Юрий Владимирович, сейчас товарищи вам изложат проблему, которая, как они утверждают, связана с вашим комитетом. Надеюсь, вы найдёте общий язык для её разрешения. Давайте, занимайтесь, – и, развернувшись к рядом стоявшему телевизору, включил видеозапись, не без видимого удовольствия добавил: – А я вот пока потихоньку запись посмотрю.

Андропов согласно кивнул, улыбнулся и сказал:

– Я вас внимательно слушаю.

Первым начал Косыгин, об эрудированности и интеллекте которого ходили легенды, и перед его личностью Андропов всегда испытывал некий трепет.

– Юрий Владимирович, – сказал он. – Я думаю, вы знаете, что наши торговые отношения с Западом носят несколько иной характер, нежели со странами Варшавского договора. И если с дружественными нам странами мы можем вести прямые переговоры с поставщиками или покупателями нашей продукции, то те же отношения с западными компаниями во многом зависят от наших с ними международных отношений.

– Разумеется, знаем, – подтвердил Андропов. – Могу добавить, что мы даже контролируем эти отношения, поскольку в эти торговые сделки вкладываются миллионы народных денег.

Косыгин согласно кивнул и продолжил:

– Да, конечно. Для ЦК не секрет, что ни одна такая сделка не совершается без согласия вашего комитета. Юрий Владимирович, а что вы знаете о поставках оборудования на новый завод в Сибири из Республики N?

– Ну, наверное, то же, что и вы, Алексей Николаевич. Велись успешные переговоры по этим поставкам, но в связи с резким ухудшением отношений с Республикой N они практически сошли на нет и поэтому теперь находятся в пределах отношений наших дипломатических и торговых представительств.

– Совершенно верно, – согласился Косыгин. – Мы вынуждены были передать это дело под контроль наших дипломатов, но там товарищи наткнулись на неожиданное препятствие, и виной всему, как они заявляют, являются ваши сотрудники, Юрий Владимирович.

– Вот как! – удивился Андропов. – Хотелось бы узнать подробности.

– А подробности у Андрея Андреевича, – ответил Косыгин и, повернувшись к Громыко, предложил:

– Прошу вас.

И здесь Андропов увидел, как, пожалуй, самый известный в мире дипломат вдруг смутился, нервно повёл плечами и, разведя руками, проговорил:

– Ну, я даже не знаю, как это рассказать. В моей, а может, и в мировой практике, о таком явлении я слышу впервые. Ко мне обратились наши сотрудники, которые заявили, что в деле об этой торговой сделке появились неожиданные препятствия. Посольство Республики N практически блокирует наши переговоры с фирмой, с которой нам поручено заключить договор о покупке оборудования для нашего нового завода.

– Интересно, почему? – заинтересованно спросил Андропов. – Я впервые слышу об этом. Но, насколько я знаю, правительство N, какими бы ни были сложными наши отношения, никогда не вмешивается в дела частного капитала. Оно лишь может рекомендовать те или иные действия, но не более, это мировая практика. Может быть, всё дело в конкурентах?

– Если бы, – печально покачал головой Громыко. – Но дело оказалось донельзя банальным и потому, что удивительно, совершенно неразрешимым. Наши сотрудники провели расследование, и коллеги из посольства N без всяких дипломатических околичностей прямо заявили нам об истинных причинах своего поведения.

– И каковы же эти причины? – спросил Андропов.

Здесь глава МИД вновь пожал плечами, вздохнул и сказал:

– Это невероятно, но дело, видите ли, оказывается в том, что люди из вашего комитета прервали личные отношения атташе посольства Ф. и некой гражданки Маши Неверовой, жительницы Москвы. И теперь, в знак солидарности со своим коллегой, сотрудники посольства бойкотируют все наши действия!

Наступила неловкая и затяжная пауза. Столь затяжная, что Леонид Ильич вдруг оторвал свой взгляд от телевизора и задал вопрос, который изумил всех присутствующих, которым казалось, что Брежнев совершенно не прислушивался к разговору.

– А кто, кто эта Неверова Маша? – спросил он. – Она что, актриса или певица? Я что-то не слышал такую фамилию.

Косыгин и Громыко вопросительно посмотрели на Андропова.

И понимая, что они представления не имеют, кто же такая Маша Неверова, он повернулся в сторону Брежнева и пояснил:

– Леонид Ильич, Неверова Маша – это бывшая медсестра московской городской больницы № 63. В настоящее время проживает у своей бабушки в Перми.

– У бабушки? – переспросил Брежнев.

– У бабушки, – подтвердил Андропов.

Брежнев согласно махнул рукой и снова повернулся к телевизору.

Андропов развернулся к своим собеседникам и по выражению их лиц понял, что простыми объяснениями о пребывании медсестры Маши «у бабушки» ему не обойтись.

– Ну, хорошо, – сказал он. – Да, нам стало известно о связи этого атташе Ф. с некой Машей Неверовой. Не скрою, мы проявили свой некоторый интерес к этой ситуации. Но, как выяснилось, интеллект Неверовой столь низок, что она даже не понимает разницу между дипломатами капиталистических стран и стран Восточной Европы. И, в конце концов, как вы понимаете, она вела не совсем достойный образ жизни, поэтому было принято решение выслать её за пределы Москвы.

– За пределы Москвы! – воскликнул вдруг Громыко. – Вы высылаете её за пределы Москвы, а мне звонит коллега из Республики Н и утверждает, что это ваше решение – пример антидемократического государства! И даже намекает мне, что доведёт этот факт до главы государства, визит которого мы с таким трудом запланировали на сентябрь!

– Юрий Владимирович, – продолжил Косыгин. – Речь идёт о сроках ввода нового завода, имеющего важнейшее значение для народного хозяйства, а ваши сотрудники так неумно срывают нам эти поставки.

И тут всегда невозмутимый, каким его знали члены правительства, Андропов вдруг вспылал:

– Что же вы предлагаете, чтобы о нас говорили, будто мы подкладываем под западных дипломатов проституток?!

Последнее слово прозвучало так чётко, что собеседники невольно переглянулись, а Брежнев и вовсе как-то испуганно обернулся к беседующим и обратился к Андропову:

– Юрий Владимирович, – сказал он. – Вы что же, хотите сказать, что в нашей стране есть проституция?!

– Извините, Леонид Ильич, – ответил Андропов. – Это я так, образно.

– Ничего себе, у нас так образно выражается руководитель госбезопасности! – заметил Брежнев. – Что нам сейчас важнее: что о нас скажет Запад или новый завод? То-то! Юрий Владимирович, я понимаю, нас и так грязью обливают, ну и шут с ними, с капиталистами этими. Нам завод

нужен! Он у меня в отчёте о нашем пятилетнем плане! Так вот, верните-ка вы эту Машку в Москву к дипломату этому, и пусть он сам решает, ровня она ему или нет. Всё! И если вопросов нет, давайте расходиться, а то мне ещё интервью давать одной их газетёнке, тоже вот, говорят, надо для этого, как его? Да, имиджа страны!

3

Прошло два года. В Кремле проходил торжественный приём для советской общественности и иностранных представительств в честь государственного праздника СССР.

Всё было как обычно: скромная торжественная часть, великолепный концерт и прекрасное застолье, от которого не только у лучших представителей советского народа рябило в глазах, но и у иностранных гостей, которые были готовы бойкотировать что угодно, но только не такие застолья.

В одном из углов зала скромно стояли, беседуя о чём-то, Громыко и Андропов, когда к ним неожиданно подошёл Брежнев.

– Послушайте-ка! А что тот атташе, ну, который в нашу девку был влюблён, он ещё у нас в стране?

Громыко улыбнулся и ответил:

– Леонид Ильич, неужели вы помните эту историю?! Какая у вас хорошая память! Да, он до сих пор в нашей стране, правда, вовсе и не атташе теперь.

– А кто же? – спросил Брежнев.

– Да уж дорос наш с вами общий знакомый до полного звания посла своей страны и, кстати, проводит очень полезную для наших государств политику сотрудничества!

– Скажите-ка! – удивился Брежнев. – А девку-то эту, Машу, бросил, небось?

– А вот и нет, Леонид Ильич! – рассмеялся Громыко. – Девушка Маша теперь вам не шалай-валяй, а жена посла Республики №!

– Вот-те на! Жена?! Не верю, покажите!

Тут в разговор вмешался Андропов.

– Леонид Ильич, пальцем показывать неудобно. Посмотрите за моей спиной, видите у картины с Георгием Победоносцем группу людей?

– Да, вижу! – оживлённо ответил Брежнев.

– Среди них много женщин. Кто из них, по-вашему, самая красивая?

– Ну вы даёте, Юрий Владимирович! Хм-м... Впрочем, мне кажется, вон та брюнетка в белом платье, с белой розой в руке.

– Bravo! – восхитился Андропов. – У вас великолепный вкус, Леонид Ильич! А ведь это и есть бывшая медсестра больницы № 63 Маша Неверова!

Но Леонид Ильич почему-то не разделил радости Андропова. Он ещё раз взглянул через его плечо на Машу и мрачно сказал:

– Ну что это такое?! Если мы таких красивых женщин в обмен за лояльность разным там послам будем раздавать, кто нам красивых детей рожать будет?!

– Не за лояльность, Леонид Ильич, – поправил его Громыко. – Лояльность послов – это наш профиль. За завод!

– Всё равно, – как-то безутешно вымолвил Брежнев. – Нехорошо своим генофондом разбрасываться. А завод, а что завод? Мы его ведь в срок запустили. Да, в срок. Я и указание дал, чтобы всех достойных там наградили.

– Леонид Ильич, всех ли достойных? А вот нас с Андреем Андреевичем позабыли, ведь мы, кажется, тоже к этому событию причастны?! – пошутил Андропов.

Брежнев погрозил пальцем рассмеявшимся Громыко и Андропову и сказал:

– Вам бы, по-хорошему, по строгачу в личное дело, что чуть такое важное дело не развалили. Если уж награждать кого, то вон её! Да, была Маша, да стала не наша.

Он ещё раз взглянул в сторону дипкорпуса, махнул рукой и ушёл в сторону лучших представителей советского народа.

P.S. В начале 90-х годов из-за предательской деятельности бывшего генерала КГБ К-на Мария Александровна Неверова чудом избежала ареста и с детьми вернулась на Родину. В настоящее время продолжает службу в ФСБ. Её муж Ф., высокопоставленный сотрудник МИД республики N., был подвергнут тщательной проверке на предмет политической лояльности, оправдан, но вынужден был уйти в отставку. Местонахождение его в настоящее время неизвестно.

P.P.S. По уточнённым данным, в горбольнице № 63 Маша Неверова работала санитаркой.

г. Сатпаев

Карагандинской области.

Юрий ГУНДАРЕВ

“Мерцает луна серебристой монетой...”

И бродишь ты по улицам вечерним
Под тихое ворчанье палых листьев,
И воздуха холодное течение
Жжёт рук вконец озябнувшие кисти.

Обида барабанит колкой дробью,
И стук в висках грохочет, не утих...
Подставь щеку другую,
ну попробуй!

Прости.

Прости.

Прости.

Больше года прошло, как упрямо молчим,
Разойдясь в противоположные стороны,
И друг друга не слыша, не видя почти,
Пишем порознь свои истории,
Где нет места для общих тем,
Для пальцев, в едином пожатии слитых,
Для переплетённых желанием тел,
Для губ, шепчущих одну молитву...
Вот и март наступил.

Тот далёкий декабрь
Затерялся столетий двух между.
Мир застыл, как Тарковского кадр,
Разбивая в осколки надежду.

**Юрий
Юрьевич
ГУНДАРЕВ**

родился 8 сентября 1955 года в г. Поти (Грузия). Окончил факультет журналистики Киевского университета им. Т. Шевченко. Работал редактором в киевских издательствах. Более 20 лет служит в аппарате Верховной Рады Украины, где ныне заведует редакционным отделом. Заслуженный журналист Украины. Член-корреспондент Международной академии фундаментальных основ бытия. Автор трёх поэтических сборников, пьесы, а также диска фортепианной музыки.

Стихи публиковались в литературно-художественных журналах «Радуга» (Украина), «Нива» (Казахстан), интернет-изданиях «45-я параллель» (Россия) и «Лексикон» (Чикаго, США), на сайте Межрегионального союза писателей и Конгресса литераторов Украины «Свой вариант». Страница Юрия Гундарева открыта в одном из ведущих российских интернет-журналов «Новая литература».

Рассыпана ты на сотни частиц:
булыжник хранит тепло твоих ног
и тень твою, припавшую ниц
к подножию храма, где живёт Бог.

Твой смех, околдованный Мелким Бесом,^{*}
звенит в закулисе театра на Левом
и вырывается лишь по ночам в поднебесье
из лавки условностей сладкого плена.

Пытаюсь собрать — от ног до ресниц,
от смеха до слёз. Похожа?
И снова вдребезги — на сотни частиц...
И строк этих плоть — ты тоже.

Во мне осталась часть тебя:
Твой смех звенит в моих ушах,
Вкус губ, ласкающих любя
Мой рот, застывший не дыша,
Я ощущаю наизусть
И из фрагментов наугад
Составить целое берусь,
Когда неотвратим распад.
Но с юным пылом Пикассо
Я реставрирую куски...
Так фреска старая несёт
Чуть уцелевшие мазки.

Старое пианино

Прижавшись к стене, у окна замер,
Деликатнейшим образом практически не дыша,
Мой старый дружище герр “Вагнер”,
Помнящий меня от наивного малыша
До человека, пеленгующего фальшь на раз
И при этом способного даже не повести бровью.
Когда я касался клавиш, входя в раж,
Чувствуя в висках пульсацию крови,
Казалось, с Богом говорит душа...
Теперь вереница немых дней.
И “Вагнер” стоит тихо (ша!),
Прижавшись к стене.

^{*} Спектакль “Мелкий бес” по одноимённой книге Ф. Соллогуба многие годы украшает афишу киевского театра на Левом берегу.

Рахманинов

Сначала — Россия.
А потом — Штаты.
И славы блеск.
И творчества муки.
И последней фразы
Трезвучие сжатое:
“Прощайте,
мои руки...”

Сыну

1

Привстань на цыпочки и дотянись
До чёрной кнопочки “шестнадцать”.
И кто-то будет улыбаться,
В ответ ты тоже улыбнись.

И вот как будет складываться жизнь:
Преодоление препятствий,
Нечасто будут улыбаться...
Но встань на цыпочки и дотянись.

2

Парк, снегом припорошенный,
Величествен и сед.
Возьму ладошку крошечную
И стану её греть.
И станем мы с волнением
За белкой наблюдать,
Забыв лишь на мгновение
Про новый автомат.
Домой придём усталые.
И канут вдруг в пургу
Большой след
И след маленький
На сахарном снегу.

Прокручивая лица на крупных планах
И пробуя на язык остроту глаголов,
Ты чувствуешь себя Депардье в Каннах —
Всех выше на целую голову.
Всю ночь разрушаешь мир одеял,
Наутро же — всмятку смят...
Великий Клер про тебя сказал:
“Готов фильм. Осталось лишь снять”.

Дело, доведённое до конца и обретшее лад,
По прошествии времени утрачивает свою
важность,
Как привыкший к одному и тому же объекту взгляд
Теряет замедленного действия тайную влажность,
Как оказался без света всего лишь посёлком
Неаполь

В одном из старых итальянских фильмов,
Как сброшенная одежда впопыхах и на пол
Лишается грации линий ныряющего дельфина.

Нида

Всё реже и реже ночами мне снится
Сквозь снов мимолётных туман
Красавица Нида — литовская Ницца,
Где дни коротал Томас Манн.

Залив золотистого солнца напился
И обнял уснувший причал,
Дрожат беспризорные яхты на пирсе
И рвутся в белёсую даль.

Во власти волшебного сладкого мига
Застыл долгожданный сентябрь.
За стойкой напротив друг Воронов Игорь
Пьёт пива пьянящий янтарь.

Мерцает луна серебристой монетой,
Крадётся залив под окном,
Проносится чайка, гонимая ветром,
И мхатовским машет крылом.

Вся жизнь разделилась на до и на после:
До Ниды и после неё.
Всё реже мне снится балтийская осень.
Всё реже мне море поёт.

Хочешь солнце —
бери!
дай ладони —
на!
Зимних черт чернь
сотри
и замри:
за окном —
весна.

Тельбин-озеро

Под небом, раскалённым добела,
Вдоль солнцем золотящегося пляжа
Несём на лодке царственно-вальяжно
Свои раскрепощённые тела.

И пенится под вёслами вода,
А лица загорелые так юны,
Как будто за бортом летящей шхуны
Остались затонувшие года.

Пейзажная аллея

По плитам горячим пейзажной аллеи
Бродил, как затравленный волк,
Во власти мечты и кармической лени
Взирал на лежащий Подол.

Стихи Пастернака бубнил, как молитву,
С надеждой на завтрашний день.
И верно бежала по мраморным плитам
За мной одинокая тень.

И солнце швыряло все краски Ван Гога
На вечнотворящийся холст.
И было угодно так Господу Богу,
Чтобы мир был и сложен, и прост.

А пёстрые толпы туристов смотрели,
Своим же не веря глазам,
На архитектурное чудо Растрелли —
Воздушный Андреевский храм.

С каким-то ребячьим восторгом глазели,
Как церковь над спуском парит,
И что им те плиты пейзажной аллеи,
Стихи где читают навзрыд.

Устали целовать уста
И стали, как из стали.
И мир наш стал и сер, и стар...
Растаял талый Таллин,
Где органист играл лишь нам,
И звёзд высоких меж
Бродил дух Баха по ночам,
Исполненный надежд...

Сменил наш монастырь устав.
Где тот ноябрь? Где Таллин?
Устали целовать уста.
Как холодны...
Из стали.

Слалом

Будни —
 слалом.
Мы — слаломисты.
Ежедневно
 и ежечасно
Мчимся
 на лыжах
 неистово
Мимо флажков счастья.
Мчимся
 с уверенной миной,
Карму не чуя нюхом,
Судеб своих мимо
Прямо в сугробы
 ухаем.
Замерли,
 как на параде,
Единообразные
 дни...
Счастья флажки —
 рядом,
Руку лишь протяни.

г. Киев.

Василий КОЛИН

Бабье лето

Повесть

1

– Ну и дура ты, Любка, – сказала в раздевалке закройщица Татьяна Егоровна, оглядывая вприщур ладную фигуру своей лучшей портнихи. – Досиделась в девках аж до тридцати трёх, а ума, если промеж нами, бабами, говоря, так и не набралась.

– Не Любка, а Любовь Анатольевна, – не дала себя в обиду девушка и, посмотрев на своё отражение в стеклянной двери, поправила кокетливо синий беретик, под который она во время работы прятала льняные рассыпчатые волосы.

– За любовь, конечно, ничего не скажу, но вот мужика тебе надо заводить в срочном порядке, – возразила закройщица.

– Да где ж их взять, мужиков, – вздохнула присутствующая при разговоре швея Алина. Она с детства сильно хромала, отчего выросла кривобокой и замкнутой.

Татьяна Егоровна зыркнула строго в красивые, с налётом лёгкой грусти, серые глаза Алины и начальственным тоном задала вопрос на засыпку:

– А служба знакомств?

После небольшой паузы сама же и ответила на него:

– Пожалуйста, плати копеечную сумму, и в пятницу через объявление в «Вечёрке» на тебя клонут столько мужиков – отбою не будет.

Алина ничего не ответила, только снова вздохнула по-старушечьи и поковыляла к своей обмёточной машинке. Жёлтый клеёнчатый метр вился петлёй вокруг её тонкой белой шеи.

Люба, напротив, необычно задумалась и с таким задумчивым отрешённым видом «отпахала» всю смену, автоматически безупречно выполняя потайные швы. Лишь иногда она приходила в себя и тогда, регулируя натяжение верхней нити, смотрела сквозь пыльные омуты незашторенных окон в жаркую бездну пылающей осени.

2

Старой девы в чистом виде по большому счёту из Любы не получилось бы никогда, это в том смысле, что она имела хотя и крохотный, но всё же вполне сексуальный опыт общения с противоположным полом. Правда, случай произошёл давно, в годы учёбы на первом курсе городского училища, то есть в те самые времена, когда Люба была глупой до невозможности и на переменах в компании таких же, как она сама, щеглук бегала за угол курить дешёвые болгарские сигареты с оранжевым фильтром. Именно там, за углом, противоположный пол в образе долговязого студента из соседнего «технаря» возник неожиданно и выпросил нагло у девчонок закурить для себя и своего приятеля.

Теперь не просто курили, а вместе с мальчиками, отчего каждая из девушек старалась щегольнуть какой-нибудь обновкой, под видом производственной практики пошитой самостоятельно. Студенты в долгу не оставались и травили весёлые анекдоты на близкие и понятные темы.

– А вот из жизни портных, – давясь от смеха объявлял долговязый. – Идёт, значит, операция, ну, там типа аппендикс или что-то насчёт желудка... Короче, врач командует: ножницы, иголку, нитку. И тут голос. Слабый такой, ну, типа сквозь наркоз: «Доктор, а нельзя ли с оборочками, а вокруг кружева, кружева, кружева...».

Ржали до коликов, заразительно, так что другие группки, кутившие чуть поодаль, тоже прикалывались, а случайные прохожие поощрительно улыбались.

Однажды студенты пригласили девочек на какую-то вечеринку. Люба пришла с подружкой, хотя остальные сокурсницы почему-то отказались. Запомнилось мало: приоткрытый балкон, кремовый тюль до пола, а на деревянных перилах балкона девственной белизной светится только что выпавший снег. Доносившаяся из комнаты музыка поглощала большую часть слов, которыми сорил долговязый, но всё равно было понятно, что говорилось о большой и чистой любви.

У Любы кружилась голова, она думала – это от счастья и прямо под звёздами гранёным стаканом отважно пила с долговязым розовый портвейн, заедая влажным снегом из его нахальных рук и плавая хмельными от поцелуев губами в самых настоящих мужских ладонях.

Потом танцевали с выключенным светом, и только мигавшие через форточку светофоры – красный, жёлтый, зелёный – не позволяли надломленному алкоголем телу полностью раствориться в медовой темноте головокружительного грехопадения.

Всё остальное высвечивалось смутно и ассоциировалось с неприятным запахом (кого-то вырвало прямо на застеленный цветастым паласом пол), ощущением боли и мучительной жаждой, а утром в ванной она сгорала от стыда, смывая с бёдер засохшую до твёрдой корочки кровь.

Сейчас уже и не вспомнить, как звали того долговязого парня – он исчез с Любиного горизонта, как утренний туман, потому что когда девушка в полдень подошла к нему на большой перемене и попыталась заговорить серьёзно, парень сделал вид, что не понимает, о чём, собственно, речь. И Люба, жестоко убивая в себе что-то очень важное для последующей жизни, до слёз жалея и одновременно катастрофически ненавидя себя, приказала своему сердцу забыть его имя навсегда.

С тех пор она не выкурила ни одной сигареты.

3

Работницы ателье за долгие годы изучили друг дружку вдоль и поперёк. Люба, например, пришла сюда на третий день после распределения и за шестнадцать лет из робкой неумелой девочки оформилась в красивую женщину, став при этом ещё и прекрасным мастером своего дела. Жила она с родителями в двухкомнатной «хрущёвке» и являла собой ту породу людей, которые в юности перерастают своих ровесников, зато, расцветая в зрелости, словно молодеют, и со стороны кажется, будто время после тридцати повернуло вспять и начало обратный отсчёт.

Больше двадцати пяти ей никто и не давал.

Во вторник её смена (такой вот график) отдыхала. Перед завтраком позвонила Ольга Жоркина, ближайшая подруга и, по совместительству, безупречная «жилетка», в которую при случае можно поплакаться без каких-либо последствий. Хотя Жоркина года на три была моложе Любы, она успела выскочить замуж раз пять и потому считалась в своём кругу непререкаемым специалистом по бракоразводным делам.

– Представляешь, он мне выставил сразу три претензии, – затараторила Ольга в трубку. – Ну ты же, Люб, меня знаешь – не на ту нарвался! А я ему так и сказала: «Отвали-подвинься, таких тушканчиков, как ты, можно в любом кабаке сачком ловить...».

– Ты о чём? – не поняла Люба.

– Да ладно, не бери в голову, это я о своём. У тебя-то какие новости?

– Знаешь, Оль, я всё-таки решила дать объявление насчёт познакомиться,

– Люба замялась. – В нашу «Вечёрку».

– Наконец-то! – обрадовалась подруга. – И что, уже есть сдвиги?

– Ишь ты, быстрая какая, – рассмеялась Люба, теребя мягкую шёрстку большого ленивого кота, удобно примостившегося на её круглых коленях. – Сдвиги будут в пятницу, когда газета выйдет, а сейчас у меня проблема – текстовку сочинить.

– В общем, так, – решительно подхватила Ольга. – Пиши под мою диктовку: «Очаровательная славянка, – пишешь? – тридцати трёх лет, с идеальной миниатюрной фигурой, сексапильная, – диктую ещё раз, по слогам – сек-са-пиль-на-я – успеваешь? – умеющая отлично шить и готовить, Тигр по гороскопу, пока для встреч, познакомится с высоким, материально обеспеченным блондином европейской внешности. При наличии реальной жилплощади и отсутствии алиментов со стороны бывшей супруги не исключено создание крепкой и дружной семьи с целью совместного проживания. Телефон в редакции». Ничего не пропустила? Тогда дуй размещать и имей в виду – я не прощаюсь, пока.

Онемевшая Люба несколько раз перечитала написанное, затем скомкала и бросила на пол. Кот поймал взглядом вывернутый жгутом текст, мягко спрыгнул с коленей и лапой сначала осторожно тронул искалеченную бумажку, потом погнал её в дальний угол. А Люба подвинула к себе чистый лист в клеточку и ученическим почерком старательно изложила: «Кареглазая девушка, русская, 33/156/53, детей нет, замужем не была, скромная, без в/п, познакомится с русским мужчиной без особых проблем до 40-42 лет для создания семьи. Звонить на сотовый (номер телефона она выписала особенно крупными цифрами), с неприличными предложениями прошу не беспокоить».

Наспех одевшись и даже не попив чаю («После обеда – обои клеить. Не забыла?» – напомнила мать), Люба из прихожей пообещала матери вернуться через час и выскочила к стоянке такси, окрылённая и порозовевшая.

4

Среду и четверг Люба полностью посвятила клиенткам. Ей нравилось наблюдать, как на глазах преображаются женщины, заходя в примерочную. Татьяна Егоровна далеко не каждой швее доверяла самостоятельно подкалывать булавками ещё не вполне готовые, но уже претендующие на качественный товар, родившиеся в их коллективе одежды. И Люба, отчерчивая мелом длину стильных брюк или намечая контуром вытачки и талию на дорогом жакете, в глубине души гордилась оказанной ей честью. Она с удовольствием советовала заказчицам подчеркнуть индивидуальность или что-нибудь в этом роде, демонстрируя оригинальные выкройки из зарубежных иллюстрированных журналов. А клиентки в свою очередь, придирчиво обследуя посредством сверкающих зеркал умело скрывааемые золотыми руками портных некоторые свои прелести, но чаще, конечно, некрасивые конфузы внешних данных, не стеснялись обозначить проблему в том виде, как она есть.

– А не кажется ли Вам, Любовь Анатольевна, – спрашивала горячим полущёпотом похожая на симпатичного кашалота заказчица, опасавшаяся, чтоб

её, не дай Бог, не услышал сидевший за тонкой стенкой в томительном ожидании с пунцовым от непривычного напряжения выражением лица мясной оптовик, неизвестно каким манером оказавшийся в крепких любовных сетях. – Вот тут у меня, когда вбок наклоняюсь, как бы отвисает, вот, видите, наползает на пояс и колыхнется холодцом.

– Ну что вы наговариваете зря, – белозубо и доверительно улыбалась швея, при этом милостивое лицо её словно начинало светиться изнутри. – Так любую женщину, если нас неестественно наклонить, можно заподозрить в какой-нибудь диспропорции. Мы вам здесь и здесь с напуском, тут у вас пойдёт крупным плиссе, а вот сюда, по краю, просится декоративный шовчик и, я извиняюсь, где же теперь ваш холодец?

– Я, Любовь Анатольевна, с точки зрения денег согласна на самые интересные декорации, лишь бы, – клиентка многозначительно показывала откровенно накрашенным взором в сторону задёрнутой портьеры, – ему приглянулось. Понимаете?

– Конечно, понимаю, – успокаивала Люба привередливую заказчицу. – У нас в индпошиве с этим необычайно продвинуто.

Или, допустим, в примерочную залетала некая штучка с белокурой чёлкой, старательно зализанной массажной щёткой на прыщавый лоб. Пока Люба неслась из цеха её воздушное шифоновое платье, юная особа, скинув джинсы и свитерок и сразу же покрывшись гусиной кожей, наивно пыталась согреть пальцы худеньких ног об синтетический коврик. «Девочка на шаре», – отмечала Люба про себя.

5

Однажды она ездила в Москву и, гуляя, случайно забрела в музей изобразительных искусств на Волхонке. Сначала её привлекло роскошное крыльцо с колоннами в древнегреческом варианте, а когда Люба, пройдя по аллее, обсаженной стройными елями, вошла вовнутрь, то поразились невиданной красоте парадной лестницы. Она долго бродила среди знаменитых картин. Женщина-экскурсовод что-то умно говорила про импрессионизм и постимпрессионизм (слова-то какие!), а Любе почему-то запомнились красочные идилии Гогена и собственные переживания у холстов Пикассо – горькое чувство исчезающей гармонии между её душой и окружающим миром (по крайней мере, в тот период она ощущала своё внутреннее состояние приблизительно так), именно её личное чувство как будто выплеснулось на полотна гениального художника.

Теперь Москва стала заграницей и запросто, скажем, полюбоваться искусством из Казахстана туда уже не съездишь.

6

– Я в этом платье, как подстреленная, – капризничала белобрысая. – Со всем не видать округлостей!

– Милочка, – опять улыбалась Люба. – Надо кушать побольше капусты, а пока для блезире мы тебе сделаем натуральные округлости из поролонки.

Сильнее всего удивляло Любу то обстоятельство, что даже у самой непривлекательной клиентки находился поклонник, готовый закрыть глаза на любые недостатки. Получалось, что ему без разницы – эстетична его избранница или нет. Важно, что он хотел всегда быть только с ней. Она мысленно ставила этих мужчин рядом с собой, и ей воображалось, как выглядело бы её присутствие в компании краснолицего мясника, безумно влюбившегося в дородную заказчицу, или угловатого мальчика, сходящего с ума от прыщавой и

худосочной «принцессы» с вылезающими из-под взрослого платья голубенькими бретельками от детского лифчика.

И Люба приходила к поразительному выводу, что по-настоящему мужчины любят совсем не красавиц (хотя на улице заглядываются именно на них), а наоборот, и что в женщинах, которых она обшивала, есть нечто такое, чего нет у неё, а чего конкретно – она понять не могла. Нет, она не считала себя обделённой мужским вниманием, но всем без исключения мужикам (так, по крайней мере, Любе казалось), цеплявшимся, как репей, за её юбку, в тот момент нужна была лишь её молодая цветущая плоть. А Любу это бесило и раздражало; наверное, она боялась, что её используют, как вещь, и отбросят в сторону за ненужностью.

Примерно лет семь или восемь тому назад ухажёры потихоньку отвызались от неё. Любе стало спокойнее жить на свете, и наряды для себя она подбирала скромные, позволяющие, когда нужно, оставаться в тени. Но, бывая в обществе, она ловила себя на том, что завидует беспечным замужним подружкам и тем ярким девушкам, которых сопровождал тоже вполне приличный кавалер. Тогда Люба говорила мысленно: «Ну и что, значит, у меня всё впереди». И ещё у неё невольно сжималось сердце при виде чудесных малышек, норовивших всеми доступными им способами заставить своих модных и невероятно счастливых мамаш не на шутку распахнуться, чтобы в отчаянии шлёпнуть с безграничной любовью милое и родное существо по сладкому-пресладкому мягкому месту.

Из-за неудачного аборта на дому (мать заставила после «того» случая) официальная медицина приговорила её к бездетности.

7

Следующий выходной пришёлся как раз на пятницу. Утром, часов около десяти, Люба сбегала в булочную и по пути купила в газетном киоске на углу долгожданный и красочный номер «Вечёрки». Нищая старуха с лицом, похожим на печёное яблоко, неожиданно возникла с краю тротуара – ветхая одежда, извиняющийся взгляд и говорящие сами за себя скрюченные пальцы кирпичного цвета, изо всех сил цепляющиеся за жалкие остатки высосанной жизни.

Люба брызнула на заскорузлую горсть брэнчавшей в кошельке жёлтой мелочью.

Сгорая от нетерпения, девушка уже в подъезде разворошила страницы и с жадным любопытством стала проглатывать пахнущие типографией бутерброды свежих брачных новостей. Вот мужчины, согласные на переезд – не то; одинокая вдова с чувством юмора – не то; «приглашаем девочку породы «боксёр» для первой вязки, предпочтение тигровому окрасу» (вообще не из этой оперы! Причём тут собачьи свадьбы?!); восемнадцатилетние авантюристки в поисках спонсоров – не то, не то, не то... Стоп! Вот оно! Знакомое до каждой запятой её собственное объявление.

Люба, пока поднималась на свой четвёртый этаж, с упоением перечитывала эти несколько строчек о себе и даже, дурачась, попробовала их вполголоса спеть – получилось.

Первой отметилась Жоркина:

– Поздравляю! В твоей авторской редакции звучит даже лучше. Об остальном пока молчу, чтобы не сглазить – тыфу! тыфу! тыфу!

– Спасибо, Оль. Ты знаешь, я почему-то волнуюсь, как перед первым свиданием. Глупо?

– Нормально. Главное теперь – не упустить шанс. Выбирай самого-самого... Ну, ты в курсе, чего я имею в виду.

– А вдруг начнут приставать?

– Ну и что. Это у них обычное дело. Сразу, конечно, не поддавайся, но и девочку из себя не строй – они этого тоже не любят.

Принимая душ, Люба заинтересованно изучила собственную фигуру в огромном овальном зеркале (после ремонта ванная комната как будто увеличилась в размерах и на фоне прошлых нестабильных лет, когда люди сидели без тепла и света, преобразилась во французский будуар). Девушка привычными движениями провела сиреневым дамским станком с тремя лезвиями под мышками, аккуратно подправила так называемую зону бикини, упругой струёй горячей воды смыла взбитую, как сливки, смесь геля и сбритых волосков и, лишний раз посмотрев на себя из зазеркалья, осталась довольна – молодое розовое тело с редкими звёздочками светло-коричневых родинок на пикантных местах отражалось очень привлекательно.

Люба застеснялась своей наготы, смутилась и, утопая в ласковой махровой пестроте купального халата, вышла из ванной.

Отец на кухне заваривал в эмалированной кружке засушенный шиповник. Он уже знал, что дочь наконец-то решила покончить с затянувшимся девичеством, но сам способ его не устраивал, поэтому при каждом удобном случае, исключительно с воспитательной целью, им озвучивалось законное родительское недовольство:

– Вот, к примеру, недавно по телеку передача шла. Тоже искали женихов, а очухались в каком-то верблюжатнике у арабов.

Мать, возившаяся с кастрюлями, заметила ворчливо:

– А ты не каркай вороном, она, слава тебе, Господи, пока к арабам даже близко не собирается.

Отец не унимался:

– Наши алкаши не хуже могут голову отчекрыжить.

Люба, приводя в порядок коротко остриженные ногти (при её профессии длинные не полагались), не выдержала и возмутилась из спальни:

– Ну и что мне теперь – на дискотеку идти? Так ведь привлекут за совращение малолетних.

– Ладно уж, – подвела итог семейной дискуссии мать. – Выбирать не приходится. – И, чуть погодя, добавила нарочито громко: – Так ты хотя бы в машину с кем попало не садись, мало ли... Арабы – они и в Африке арабы.

8

Ближе к обеду пришла эсэмэска: «Пиризовани на гаратской телефон. Я по объявлению, а то у миня идиницы паканчались». Далее высветилось шестизначное число. Люба тут же его набрала.

– Алё, – весело откликнулся с другого конца абонент. – Тебе ково?

Люба растерялась.

– Извините, конечно, но мне тут на мобильник скинули эсэмэс...

– И чё? – поинтересовался разухабистый голос.

– Это по поводу объявления, брачного.

– А-а-а, так бы сразу и сказала. Я нигде ничево не объявлял.

Люба смутилась окончательно:

– Но я же до вас не сама по себе попала.

– Дак, дурное дело не хитрое, – изгалялся абонент. – Газеты пишут – в замуж хочешь? Если чё, я сегодня могу жинитца хоть всю ночь – где стукнемся?

– Чего? – не поняла Люба.

– Стрелканёмся где? Врубилась?

Теперь Любу коробил сам тон разговора. Она сказала как можно серьёзнее:

– Молодой человек, перестаньте кривляться и назовите своё имя.

Телефонная трубка рассмеялась в ответ:

– Тамагоча я. Так эта, будем жинитца или как?

– Хам, – выпалила Люба рассерженно. – Сначала научись нормально разговаривать, а потом – писать без ошибок. Тоже мне, «идиницы паканчались», урод! – и Люба резко кинула трубку на аппарат.

Отец сумел расслышать из зала некоторые слова (для чего убавил громкость цветного телевизора «Самсунг», который Люба взяла в кредит) и тут же не замедлил язвительно и громко прокомментировать:

– По-научному их называют «маньяк». Ищут необустроенных баб и с целью ликвидации выходят с ними на внебрачную связь.

– Не слушай его, доча, – заступилась мать. – Он ведь тоже переживает.

Люба с малиновыми от испытанного унижения щеками подошла к цветнику на подоконнике. Во дворе буйствовала осень. Природа словно пировала напоследок, выплеснув под солнечные струи всю палитру мыслимых и немыслимых красок. В ритме «Аргентинского танго», кружась, покачивались на воздушных волнах паутины и, вглядываясь в акварельную синеву неба, девушка успокоилась; она даже усмехнулась невольно, вспомнив дурацкую эсэмэску. Ей захотелось открыть пластиковые рамы и впорхнуть на праздник увядания бабочкой с разноцветными крыльями...

9

Бодрая мелодия мобильного вернула Любу в суровую действительность. Она с опаской взяла серебристую книжечку с музыкальной начинкой и, подержав несколько мгновений в потной ладошке, большим пальцем откинула крышечку с мерцающим дисплеем, после чего нажала зелёную кнопку ответа:

– Да, слушаю вас.

– Кот, – негромко произнёс мягкий мужской голос.

– Чей кот? – переспросила Люба в недоумении.

– Да не кот, а кот плюс цапля. Понимаете?

– Нет, – честно призналась Люба. – Вы намекаете, что вы – кот, а я – цапля?

– Причём тут цапля! – интонация мужчины выражала явную досаду. – Это фамилия у меня такая: кот плюс цапля – получится что?

– Вот именно – что? – переспросила Люба упавшим голосом, страдая от собственной бестолковости.

Мужчина обиделся:

– Кот плюс цапля: получится – Котц-ц-ц! Букву «ц» в окончании слышите?

– Теперь – да! – обрадовалась Люба. – Я всё поняла. Вы – Котц.

– Очень верно схвачено, – вдохновился абонент. – Котц – это моя природная фамилия.

– Вы по объявлению? – помня предыдущий опыт, девушка решила взять инициативу в свои руки.

– Абсолютно так, – подтвердил Котц. – Видите ли, ваши данные мне подходят по всем параметрам и я, отбросив ложную скромность, решил выйти на контакт.

– Что ж, контактируйте, – разрешила Люба и прикрыла поплотней межкомнатную дверь.

– С огромным удовольствием, но по телефону не совсем удобно. Может быть, нам как-то тет-а-тет посидеть? Обоюдно могли бы многое о себе узнать. Выпить, например, по чуть-чуть, символически.

– Конечно, в том смысле, что через час буду ждать вас в кафе-мороженое «Салем».

Откуда именно пришло в голову, что в кафе-мороженое? Люба и сама не могла объяснить. Так, выскочило на автопилоте. Хотя как раз сюда она приходила отмечать свои маленькие значимые моменты, тот же очередной отпуск или, скажем, повышение зарплаты. А то и просто заглядывала, чтобы поднять настроение.

Опять же – «через час». Ляпнула, не подумав, и теперь придётся всё делать бегом. И самое главное – девушка не понимала, как она сможет опознать Котца среди прочих посетителей, но, войдя, запыхавшись, в шумный зал, насыщенный ароматами бисквитов и горячего кофе, Люба сразу же обратила внимание на одинокого мужчину за дальним столиком. Его неухоженный вид (недельная щетина на впалых щеках, землистого цвета лицо) наводил на грустные мысли. А чего стоил один только замызганный лоснящийся галстук!

10

– Вы Котц? – спросила она, присаживаясь сбоку на край стула.

Мужчина по-собачьи преданно посмотрел ей в глаза и молча кивнул запущенной до неприличия седоватой шевелюрой.

Люба поправила причёску и беспомощно оглянулась по сторонам. Юная официантка в ярко-жёлтом топики, с голым пупком, украшенным стразами, щеголяя висящими на бёдрах синенькими брючками, подлетела к ним и сунула Котцу под унылый горбатый нос тиснённое бронзой художественное меню. Он смущённо подвинул разукрашенную папку даме:

– Закажите себе чего-нибудь приятного, а мне достаточно сто водки и ски-бочку лимона.

– Так вы пьющий? – спросила Люба напрямик.

– Есть маленько, – ответил уклончиво Котц. – Но в меру. Знаете ли, жизненные инсинуации... А им, кроме диалектики, и противопоставить нечего... Они, к сожалению, задолбали-таки меня окончательно.

– Интересно, с какого же боку я вам подхожу «по всем параметрам»? – Люба уже начинала злиться на себя. – Ваше «по чуть-чуть» не входит в мои планы, тем более что про выпивку в объявлении не было ни слова.

Опять сверкнул изящный пупок – и на столе появились: вазочка с клубничными снежками, графинчик из хрустала и фарфоровое блюдо с цитрусовым солнышком посередине. Котц проворно плеснул в рюмку почти до краёв и тут же, запрокинув подбородок и судорожно бултыхая небритым кадыком, жадно вылил водку в чёрную дыру рта, обозначенного потрескавшимися сухими губами.

– За вас, – выдохнул он запоздалый тост и, поднеся блюдо к ожившему носу с неопрятно торчащими из него в виде маленьких антенн волосками, шумно понюхал. – А что касается «параметров» – тут, я умоляю, не делайте поспешных выводов. В нашем бренном мире всё относительно. Это сегодня мне крупно не везёт и деньги как бы равнодушны к моей персоне, но мы с вами, во-первых, одиноки и никому не нужны, а во-вторых...

– Во-вторых, – перебила Люба, – здесь написано: «без особых проблем». – Она вытащила из сумочки аккуратную сложенную «Вечёрку» и указательным пальцем ткнула в обведённые красным фломастером строчки. – Или вы недостаточное пробежали текст?

– Отчего же, – осклабился порозовевший Котц. – Очень даже внимательно исследовал крик вашей души и пришёл к убедительному выводу, что смогу вам помочь.

Люба часто-часто заморгала слегка подведёнными ресницами и оторопело устала в расплывшуюся физиономию пьяницы:

– Вы? Мне? Помочь?!

– Почему бы и нет? Женщина вы порядочная, опрятная, это даже по объявлению видно, корысти никакой. Таким протянуть руку в сложный период – зачтётся даже там, – его умные заблестевшие глаза с надеждой указали на цветной потолочный плафон, из которого сочился розовый свет.

Люба подсознательно отметила про себя, что, видимо, забыли выключить освещение, если среди бела дня расточительно пользуются электричеством, затем вернулась к вазочке с мороженым, спросив попутно:

– А что вы умеете, кроме как пить?

Котц молча вылил остатки водки в чёрную дыру, опять понюхал блюдце с нетронутым лимоном и, вальяжно откинувшись на спинку стула, стал рассуждать:

– Я этой скибочкой почему пока не закусил? Потому что в ней цимус, а цимус я всегда совмещаю с последней рюмкой. Знаете ли, два в одном, – тут он неожиданно ловко обернулся к пролетавшей мимо их столика официантке и виртуозно оформил ей вдогонку очередной заказ:

– Ещё соточку, дочка!

– Вот-вот, – поморщилась Люба. – На большее мы не способны.

Котц немного обиделся:

– Кроме как пить, я умею падать, не роняя собственного достоинства, что, поверьте, не каждому дано.

– Я имела в виду вашу профессию, – оправдалась Люба, наблюдая за реакцией собеседника.

– Моя специальность – марксистско-ленинская философия, которая сегодня никем не востребована, хотя раньше, до Горбачёва, институтское руководство нас ценило, а в обкоме даже ставился вопрос о номенклатурном статусе. В то время, несмотря на молодость, я успешно защитил кандидатскую и официально женился по любви на дочери секретаря парткома одной из оборонок союзного значения.

– В общем, сейчас вы не при делах и без жены? – невольно прониклась участием девушка.

– Если в двух словах, то жена после сокращения меня на кафедре ввиду перестройки и безработицы ушла в расстроенных чувствах к новому русскому, который, наворовавши стартовый капитал, удачно ваучеризовал нажитое (слово «ваучеризовал» далось Котцу с трудом) в иерусалимскую недвижимость. Им теперь хорошо и без меня, – заключил Котц. – Мне же деваться было некуда: за рубежом никого, в России – Ельцин, бардак и демократы, а что касается вуза, то даже если бы натошак позвали, я туда ни за какие коврижки уже не подпишусь.

– Тогда вступите в другую партию, – гнула свою линию Люба. – Та же ОТАН, как партия власти, нынче котируется в Казахстане, и вообще... Ельцина давно нет, а организаций всяких на российской территории – хоть пруд пруди. При желании вам везде найдётся, где развернуться.

– Издеваетесь, – укоризненно заметил бывший зять бывшего функционера, – я коммунист со стажем до мозга костей, и ваши предложения мне идейно чужды, не говоря про ОТАН. Кстати, попробуйте-ка перевернуть эту аббревиатуру (Любин оппонент снова запнулся, пренебрегая морфологией) вверх ногами.

– НА-ТО, – произнесла по слогам девушка, воспринимая происходящее как занятную игру в слова.

– Что и требовалось доказать, – злорадно ухмыльнулся Котц, – а вы говорите «пруд пруди».

Девушка растерялась.

– Не пудрите мозги себе и людям, – она стала искать выход из навязанной ей дискуссии, – кто захочет жить нормально, на трезвую голову, тому никакие партии не помеха.

– А мировоззрение! – патетически воскликнул Котц. – Когда всё разрушено, здесь, – он ткнул себя в грудь, – зияющая пустота. И пью я исключительно в форме протеста.

– Больное самолюбие, – констатировала Люба, понимая кивая.

– Отнюдь, – махнул рукой философ и со знанием дела наполнил из обновлённого графинчика пустую стопку. – С вашего, так сказать, позволения, – выдохнул он, и волосатый кадык дёрнулся, пропуская очередную порцию, затем привычно последовала манипуляция с лимоном, и лишь по завершении ритуала Котц продолжил:

– Видите ли, в моё время нас, кандидатов, не говоря о докторях, можно было пересчитать наизусть, и любого, даже со спины, узнавали анфас. Так?

– Наверное, – согласилась девушка.

– А что мы имеем на сегодняшний день?

Люба пожала плечами.

– Ага! – траурный ноготь Котца торжественно указал во всё тот же цветной плафон. – Не в бровь, а в глаз! На сегодняшний день мы имеем, куда ни плюнь, поголовные научные степени, которые и двух слов не всегда могут связать самостоятельно. Нечто подобное замечаю в силовых структурах – сплошь каракуль, хотя раньше, в Союзе, каждая папаха сидела на отдельной взятой голове. Не хочу быть одним из них, потому как советские дипломы на развес в метро не продавались.

11

Пока ошеломлённая такой философией девушка приходила в себя, не на шутку разошедшийся марксист полил чёрную дыру прямо из графинчика. Помолчав с минуту, Люба возобновила разговор:

– Так я не поняла, чем же вы мне хотите помочь?

Котц широко и снисходительно улыбнулся:

– Чего ж тут непонятного. Детей у вас нет?

– Нет, – подтвердила Люба.

– И, вероятно, не будет.

– Допустим.

– Такое расположение вещей губительно для взрослой женщины, тем более, ни разу не стоявшей на почве супружества. Одиночество убивает, а вам ещё о-го-го сколько на роду написано. Предлагаю вариант, концептуально меняющий наши жизненные ориентиры: я доверяю вашему доброму сердцу заботиться о моём самочувствии, в случае непредвиденных обстоятельств (посещение вытрезвителя или другое мероприятие) не находить себе места по вечерам, сострадать мне и ненавидеть себя за то, что сама, по собственной воле, взвалила на плечи нелёгкий груз ответственности, а вы, в свою очередь, обещаете не выгонять меня в пьяном виде на мороз, кормить три раза в день (Котц запнулся, поймав на себе растерянный взгляд девушки, и, как бы защищаясь, выставил ладонь, сказав при этом: «Можно два») и прощать мои мелкие слабости. Гарантирую долгую и нескучную совместную жизнь без каких-либо вензаболеваний за весь текущий период. Ну чем же это не смысл жизни? Что скажете?

Через два столлика сидела, какмышь в норе, подвыпившая молодая женщина, неряшливо одетая и всем своим видом похожая на забродившую простоквашу. Перед ней тоже был расфасован графинчик и мутно остывал стакан, только

вместо «скибочки» лежал надкусанный бутерброд, состоящий из кусочка отрубного хлеба и криво изогнувшегося на свежем воздухе хвостика селёдки.

Люба показала на соседку глазами и, слегка наклонившись корпусом, ответила:

– Ошиблись адресом. Вам – туда.

Котц перехватил взгляд и, скривив губы, быстро среагировал:

– Я столько не выпью!

Замешательство собеседницы Котца отразилось на её облике: красивые брови поползли вверх, в зрачках стали разгораться огоньки удивления, а нижняя губа распоясалась и решила жить сама по себе, независимо от остального лица.

Возникла некоторая пауза, которой не замедлил воспользоваться Любин телефон.

– Да, – откликнулась Люба, не совсем соображая, что происходит вокруг.

– Я по объявлению, – сказали в ответ приличным баритоном. – Нам необходимо где-то встретиться.

Котц, покачив растрёпанной сединой, сочувственно посоветовал:

– Для интимных переговоров существует туалет, – и добавил со вздохом: – Идите, я не ревнив, хотя в ваших глазах можно утонуть, сломя голову.

– Извините, – смутилась девушка, пряча телефон за спину, – но мне действительно надо выйти. Про себя же подумала: «Зато на твоём носу повеситься можно».

– Об чём речь, – согласился Котц и, поманив пальцем девочку со стразами, бодро успокоил: – Идите, а я без вас пока на стакане посижу.

12

Спеша по залу сквозь насыщенный событиями субботний полдень, Люба, с кулачком возле маленького уха, неровно дышала в трубку:

– А вы пьющий?

– Я за рулём, – строго парировал баритон. – Но ради вас могу поймать такси.

– Нет-нет! Никаких такси, – испуганно возмутилась Люба, закрываясь на защёлку в туалетной кабинке. – Верю вам на слово.

Баритон некоторое время осмысливал полученную информацию, затем ясно и чётко сформулировал:

– Где и когда?

«Здесь и сейчас», – хотела сказать Люба, но за фанерной перегородкой спустили в унитаз воду, и девушка, краснея от стыда в виду неудачной конспирации и переживая, что её ждут за столиком, назначила свидание в другом месте:

– Можете подъехать к скверу возле филармонии?

– Во сколько? – деловито уточнил баритон.

– Ближе к вечеру, – ответила Люба и, вспомнив о главном, спросила: – А как вы хотя бы выглядите, чтоб я могла узнать со стороны?

– Я буду выглядеть на красной «аудюшке» под номером триста сорок пять. Записали?

– Ага, – кивнула девушка. – Только я не совсем уяснила, что значит «на красной «аудюшке».

Баритон снисходительно хмыкнул, затем ёмко разъяснил:

– «Бочка», я на «бочке» приеду, – и, завершая разговор, задал наводящий вопрос: – А вас как зовут?

– Люба, – растерянно представилась девушка.

– Это хорошо, – услышала она в ответ, и трубка на другом конце отключилась.

13

Выйдя из кабинки, Люба увидела возле умывальника девичью фигурку в чёрных джинсиках, зелёной нейлоновой курточке и со шприцем в руках. Чёрные волосы на затылке были собраны в конский хвост. Не понимая, что происходит, Люба направилась к ней:

– Вам помочь?

– Меня плющит, как камбалу, – жалобно пропищала фигурка. – А на руках уже нет вен. Подержи раствор, – пластиковый шприц с какой-то коричневой жидкостью оказался у Любы. – Я штаны спущу, вот так, – тонкие пальцы девушки сжали собственную ногу чуть выше колена. – А ты ширяй.

– Я не умею, – бледнея от ужаса, призналась Люба, брезгливо возвращая шприц. До неё начал доходить смысл происходящего, но она в глубине души надеялась, что всё обернётся кошмарным сном. Однако, нет, не обернулось.

– Вы наркоманка? – произнесла Люба упавшим голосом.

Ответа не последовало, Люба шагнула к двери, норовя уйти, но юная брюнетка неожиданно зло и раздражённо приказала ей:

– Тогда хотя бы передави мне вену. Ну что стоишь, как овца, не видишь – меня накрывает!

Люба присела на корточки и двумя ладонями обхватила холодную ляжку наркоманки. Та нагнулась, чтобы сделать инъекцию, и её попа в белых трикотажных трусиках оказалась как раз напротив Любиного лица. Девушка отвернулась.

– Скоро? – прошептала она, сама не своя от липкого страха.

– Отпускай, – разрешила девчонка. – Попала, куда надо. Кумар начинается.

Люба встала, прижалась затёкшей спиной к розовым кафельным плиткам. Мелкая дрожь накатывала волнами, она почувствовала, что вспотела. Наркоманка, приводя себя в порядок, остановила на Любе пустой взгляд:

– Ну, ты молодец, вовремя подсуетились, – её почти неживой лоб так же покрывала мелкая испарина. – Курнёшь? – она достала из чёрной кожаной сумочки пачку «Пямура».

Люба отрицательно замотала головой и, зажмурившись, выскочила из туалета.

14

За столиком никакого Котца уже не было, зато её ждал сюрприз в образе официантки с пирсингом:

– А я думаю, куда все подевались? Счёт сейчас оплатите или по ходу чего-нибудь на десерт закажете?

Люба заглянула в вырванную из блокнота страничку, которую работница кафе поднесла ей на фарфоровом блюдечке, и не поверила самой себе:

– Откуда такие нереальные цифры? У вас что, мороженое теперь золотом покрывают?

– Почему нереальные, – возмутилась девушка. – Мороженое у нас обыкновенное, остальное ваш любовник накалдырил. Вот: четыре раза по сто, лимон, зажигалка и сигареты. Я, что ли, платить буду? – она надула подкрашенные блестящей помадой пухленькие губки: – Или администрацию позвать?

Едва не плача от досады и злясь на себя, Люба достала подаренный Ольгой кошелек «под крокодила» и, вынув из него несколько хрустящих купюр, разложила их пасьянсом:

– Пожалуйста, хотя могли бы и с мужчины получить.

– С него получишь, – пробурчала подавальщица. – Сейчас принесу сдачу, а вы не отчаивайтесь – ну, ушёл и ушёл, скатертью дорога. А то, может, к вечеру и объявится.

«Не дай Бог», – подумала Люба, а вслух сказала:

– Только таких любовников мне и не хватало. Материалист!

Последнее слово прозвучало как грубое ругательство, но его уже никто не услышал.

15

Предвечерняя пора бабьего лета особенно хороша. Звуки в прогретом за день городском пространстве становятся более отчётливыми, а очертания предметов словно размыты многочисленными дымами, тянущимися с окраин – там, на огородах, обыватели жгут ботву, листья и прочий мусор, накопившийся в результате разгульной и беспечной жизни, которая зародилась в провинциальных недрах весенних праздников и пышно цвела аж до сентября. Ни с чем не сравнимый привкус родных и обжитых мест горчит на губах, пропитывает одежду и волосы, кружит голову и откладывается в генетической памяти, чтоб когда-нибудь, возможно, через столетия, далёкий потомок вдохнул нечаянно глоток чёрт знает откуда взявшегося горьковатого дымка и с учащённым сердцебиением стал озираться вокруг, вспоминая, где же он слышал такой знакомый и задушевный аромат. И лишь вернувшись однажды из дальних странствий, он поймёт неожиданно для себя, что так опьяняюще может пахнуть только отчизна.

Какой-нибудь американец или француз в недоумении пожмут плечами, узнав, как нам становится больно и сладко в это чудесное время года, и сколько ни переводи им словосочетание «сладкая боль», они всё равно не поймут нашей странной эйфории и никогда не узнают, что это такое, если, конечно, их предки случайно не жили в местных краях.

16

Ближе к вечеру Люба спешила на очередное свидание. Водоворот страстей вокруг её персоны стремительной спиралью закручивался в омут, но романтически настроенная молодая женщина, околдованная чарами бабьего лета, решительно не хотела замечать опасных воронок – это бывает, когда к вам на улице привяжется ушлая цыганка и так заморочит рассудок своей хиромантией, что вы долго потом не в состоянии отличить, где кончается её вранье, а где начинается обыкновенная жизнь, полная непредсказуемых событий.

По дороге Люба позвонила Жоркиной:

– Привет, Оль.

– Ой, привет! – обрадовалась подруга – Как ты там, рассказывай.

– Да пока никак, сначала какой-то волдырь с идиотскими эсэмэсками вылез, я думаю, из хулиганских побуждений, а потом неудачник один, материалист... Созвонился... Ну, посидели...

– А где сидели-то? – с голодным нетерпением перебила Жоркина в предвкушении аппетитных подробностей.

– Неважно, – отмахнулась Люба. – У меня следующая встреча назначена с минуты на минуту, возможно, уже опаздываю.

– Отпад! – восхитилась Ольга. – Ты меняешься прямо на глазах. Он блондин?

– По голосу вроде брюнет, правда, сказал, что на бочке приедет. Ты, кстати, не в курсе, чё почём, в плане этой бочки?

– Постой, что-то знакомое... А-а-а! Вспомнила! По-моему, в Греции проживал мужчина – фамилия у него такая интересная, нерусская, на языке, зараза, вертится... Да и хрен с ней, с фамилией! Холостой он был, это точно – в общем, он тоже в бочке жил.

– То жил, а этот – приедет. Две большие разницы, и разговором на грека не похож, – озабоченно делилась Люба своими мыслями.

– А может, шутка? – предположила Ольга.

– Я уточняла по поводу выпивки, – не сдавалась Люба. – И он чёрным по белому сказал: я, говорит, за рулём спиртное не употребляю. Гаишники, Оль, это не шутка.

– Слушай, – осенило подругу. – Как же я сразу не догадалась! Вот ворона! Бочка – это молоковоз, ну, машина такая.

– Типа цистерна?

– Типа да, раньше в таких пиво и даже разливное вино транспортировали. Моего дядьку двоюродного из-за этого на четыре года посадили – он при цистерне шофёром числился и вино некипячёной водой разбавлял, чтобы разницу с друзьями пропивать.

– Вино? – насторожилась Люба.

– Раньше, – успокоила её Жоркина. – При коммунистах. Дядька уже давно на свободе и закодирован, а бочки теперь в основном для молока. Значит, он в «Казмолсервиспродукте» тоже шофёром или экспедитором разруливает, если к тебе на молоковозе едет. Видать, график у него такой – с корабля на бал, зато, говорят, там оклады хорошие.

– В Греции? – невпопад поинтересовалась Люба.

– В какой Греции! – возмутилась Ольга – Тебе что, в Греции «Казмолсервис-продукт» есть?

– Я слышала, там всё есть, – заупрямилась Люба.

– Не спорю, – согласилась Жоркина и тут же возразила: – Всё есть, кроме «Казмолсервиспродукта».

17

Вопреки Ольгиным прогнозам возле сквера притормозила не цистерна с молоком, а красная иномарка, из которой энергично выскользнул наружу среднего роста широкоплечий лысый мужчина в фирменных джинсах и турецком свитере. В его правой руке, словно красавица после бурной ночи, поникла бордовая растрёпанная роза. На сияющем поле госномера иномарки под конвоем букв чётко выделялись цифры – 345. Лысый человек уверенно подошёл к Любе, слегка наклонил голову, сверкнув на солнце бритым темечком, и, протягивая ей цветок, представился:

– Глеб Федулович.

– Люба, – смущённая девушка не знала, куда девать колючую розу, а та, пользуясь случаем, уже поранила ей палец. – Ой! Откуда вы узнали меня?

Глеб Федулович оглянулся по сторонам и, разведя руки в стороны, удивился женской наивности:

– Так здесь, кроме вас, больше никого и нет.

Он взял Любу за локоть и жестом указал на автомобиль:

– Прокатимся?

– Нет-нет, – запротестовала девушка. – Я к незнакомым мужчинам в иномарки не сажусь.

– Но мы-то с вами знакомы, – форсировал отношения Глеб Федулович. – Или боитесь, что увезу вас в Эмираты?

– Боюсь, – с вызовом сказала Люба. – Такие случаи бывали. И потом, где же ваша бочка?

Мужчина расхохотался:

– «Бочка» – это модель «тачки» такая. Так между собой называются некоторые «аудиошки», типа моей, только я её сейчас продаю – деньги нужны. А вы очень даже ничего.

– Всё равно не сяду, – твердила Люба. – Для меня все иномарки на одно лицо, но, в принципе, можете пообщаться на этой садовой скамейке или, например, просто пройтись. Кстати, вечер очень хорош.

– Бабье лето, – подтвердил Глеб Федулович и взял Любу под руку. – Вы не против?

Люба не возражала, но Глеб Федулович почувствовал, как она напряглась. Некоторое время шли молча, наконец, девушка не выдержала:

– А вы случайно не бандит?

Мужчина остановился, оторопев:

– Удивительные мысли. Откройте тему.

– Тогда почему ходите по улицам с бритой головой? – не сдавалась Люба.

– Это кредо моей причёски, – отчаянно защищался Глеб Федулович. – А ещё удобства по линии рода занятий. Вам не понять.

Люба кокетливо стрельнула глазами:

– Я что, на дурочку похожа?

Глеб Федулович, слегка порозовев, от растерянности проглотил язык. Люба же, в свою очередь, развеселилась и осмелела:

– Если не секрет, чем же мы занимаемся?

Глеб Федулович встряхнулся и вернул проглоченный язык на прежнее место:

– Давайте лучше начнём с вас. Очень мне интересно, где могут вкалывать такие модельные женщины?

– А вот угадайте с трёх раз, – продолжала кокетничать девушка, – хотя могу облегчить задачу – на работе приходится постоянно общаться с людьми.

– Они с материальным достатком? – уточнил новый знакомый.

– В основном да.

– Всё ясно! Вы, Люба, в налоговой службе сотрудничаете. А я-то думаю, ну где я вас видел! Жилплощадью, надеюсь, обеспечены по полной программе?

Люба развеселилась. Её белозубый смех понравился встречным прохожим, и те невольно стали на неё оглядываться.

– Хорошо! Вот вам последняя подсказка: мои клиентки – это особы женского пола, а насчёт жилплощади... Ну, естественно, не на улице живу.

Глеб Федулович в запале хлопнул себя ладонью по блестящему лбу:

– Как же я раньше не догадался! Вы акушерите в гинекологии, именно там я как-то вас и видел.

Люба посерьёзнела:

– Нигде я не акушерю. Я всю жизнь числюсь в швейном производстве. И часто вы в гинекологии девушек запоминаете?

– Чисто по коммерческим вопросам, так, заглядываю иногда для деловой переписки. А что, одежда на заказ прилично оплачивается?

– Смотря кому шьём, – уклончиво ответила Люба, – но вообще-то хватает. На себя работаем.

– О-о-о! Вы соучредитель фирмы?

– Да, – с оттенком гордости подтвердила девушка, – оборудование выкупили, а помещение арендуем. Доходы растут, особенно в последние годы.

18

Глеб Федулович на некоторое время ушёл в молчание. Лёгкий застенчивый ветерок слегка шевелил позолочённые уплывающим за горизонт солнцем листья городских деревьев, из дворов многоэтажек доносились звонкие детские голоса, в крупнопанельной высотке на пятом этаже было распахнуто окно, через которое жильцы демонстрировали всей улице нарядную музыку, а балкон в доме через дорогу оккупировала влюблённая парочка.

Такие чудесные вечера бабье лето щедро дарит горожанам каждую осень, но всякий раз кажется, что ничего подобного ты не встречал и всё происходит впервые. Особенно впечатлительные барышни даже могут всплакнуть ни с того ни с сего, по дурости, а через минуту-другую, промокнув глаза кружевным платочком, вдруг засмотрятся на первого встречного, отчего в его душе произойдёт смятение, а в мыслях полнейший разлад. И, долго держа в памяти загадочный взгляд незнакомой девушки, парень и сам не заметит, как окажется у стойки летнего павильона, где наконец-то придёт в себя от кружки холодного чимкентского пива.

19

– Вам везёт, – вернулся на грешную землю Глеб Федулович, – зато мне приходится выкручиваться, как белке под колесом. На сегодняшний день имею в голове один проект, куда и вас приглашаю соучастницей. Хотите пополнить сбережения?

Люба насторожилась:

– Значит, как женщина, я вас не интересую?

– Наоборот, – горячо запротестовал Глеб Федулович. – Вы такая хлебная. И именно в плане личных симпатий нам с вами нужно увеличить прожиточный минимум до реальной возможности совместного существования. Короче, есть в Европе места, где круглый год продаётся недвижимость обыкновенным людям, типа я и вы. Ваша квартира ещё не в залоге?

– Вы предлагаете жить за границей? – удивилась Люба.

– Ну не в Россию же ехать, – парировал кавалер. – Я понимаю – Москва, ещё как-то тудым-судым, но Россия – это в сто раз хуже, чем здесь. С казахом всяко-разно можно договориться, а там всю жизнь две беды, особенно с дураками «везёт».

Люба вспомнила измышления Котца и, пользуясь случаем, выставила аргумент:

– Чем же хуже, если Путин вроде бы навёл порядок в стране, и даже программа переселения есть, с жильём и подъёмными в зависимости от географии. Вы, извиняюсь, давно холостой?

– По такой географии раньше на каторгу высылали, – не сдавался Глеб Федулович, – а холостой я всегда, с малых лет, потому что вся моя жизненная энергия тратилась на достойное выживание самого себя. И вы, Люба, как мудрая женщина, тоже не дёргаетесь в тюменский Север или на юг Дальнего Востока.

– Мне, может, Назарбаев нравится, – скокетничала девушка. – В крайнем случае, сейчас намного лучше, чем было, тем более, я тут когда-то родилась.

– Сейчас – да, – согласился оппонент. – Только наш президент, хотя и с пожизненным сроком, но всё же не Кощей Бессмертный, и что будет с Казахстаном после него, никто не знает, а где вы родились, никто и не спросит.

20

Одноэтажная пристройка из красного кирпича левым боком жалась к серому бетону «хрущёвки». Вывеска над входом подсвечивала сумрак витиеватой надписью на двух языках. Слева мерцало восточное слово «Демхана», справа, по-русски, «Кафе», а ниже большими разноцветными буквами танцевало название «Юсисапайл».

– Кавказская кухня, – сказала Люба. – У них лепёшки классные, а из блюд – мясо в лаваше. Вам, Глеб Федулович, надоела одинокая жизнь или мучает меркантильный вопрос к женскому полу в плане любви?

– Их диаспора нигде не пропадёт, – занервничал Глеб Федулович, – а что касается любви, так у меня есть предложение вернуться к машине и подъехать в более приличные места.

Пока Люба искала, что придумать в ответ, рядом завизжали тормоза, и тёмно-синий джип резко бросил тень к её ногам. Обряженный в ковбойскую соломенную шляпу, с пышными усами, солидно серебриющимися на концах, выбежал из джипа низенький армянин и воодушевлённо кинулся пожимать руку Глебу Федуловичу. В свете уличных фонарей лицо последнего, однако, выражало явное недовольство.

– Здравствуй, дарагой! – приплясывал армянин. – Как делищкы? Как здаровье? Захады в «Юсисапайл», пакущай, дэвушкэ захочит шашлык-машлык – пажалста, каньяк-маньяк – пажалста, толка очен парашю – долг давай, рассчитайся уже, а!

– Скучное меню, – поморщился Глеб Федулович. – У тебя, Гена, что, денег нет? Сказал ведь, как продам «тачку», сразу отдам.

Кредитор Глеба Федуловича, забавно жестикулируя, тут же наябедничал девушке:

– Дэнги должен, давно, да! Тэлефон атключиль, где паймат – нэ знаю! А мина Гурген завут, скажи Галебу, пуст рассчитаитца уже, а!

– Ты не мельтеши, – миролюбиво предложил Глеб Федулович. – Лучше помоги копейкой в Астану смотаться. Там покупатель сидит, оттуда приеду – сразу отдам.

– Сколка? – чуть ли не плача, спросил Гурген.

– Ну, там бензин-мензин, машину подшаманить, пожрать в дороге, в общем, тудым-судым – как раз полштуки.

– Вай! – взвизгнул усатый ковбой, словно обварившись кипятком. – А триста «баксов» тудым-судым нэ хватят?

Глеб Федулович возмущился:

– За триста сам езжай, я что, для себя прошу? Тебе стараюсь долг скорее отдать. Приплюсуй в кучу и все дела.

– Аканчатэлна четырэста, да! Толка пабыстрэй долг вэзи, – махнул рукой Гурген и полез в автомобиль за барсеткой.

21

В Любиной сумочке завибрировал телефон (девушка специально убрала звук, чтобы не смущать Глеба Федуловича). Она отступила с бордюра на тротуар и медленным шагом направилась в ту сторону, откуда они с Глебом Федуловичем подошли к кафе. Она не хотела отвечать, но кто-то очень настойчиво пытался услышать её голос.

– Алё, – не выдержала Люба.

– Вы писали в газету? – строго спросил её неизвестный мужчина.

– Да, а что?

– В таком случае давайте проведём очную ставку, чтобы, значит, запротоколлировать этот эпизод.

– А вы, собственно, кто? – насторожилась Люба.

– Майор финполиции Гребанутый, а Вас как зовут?

– Меня зовут Люба, – представилась девушка, – а «гребанутый» – это фамилия или как?

– Что вы имеете в виду? – поскучнел майор. – Само собой не псевдоним.

– Тогда скажите мне, господин Гребанутый... майор, с какого боку я интересую финполицию – в плане личного одиночества или по службе? И вообще, хотя бы имя своё назовите.

– По службе я бы вас повесткой вызвал, а так получается, что я имею к вам конфиденциальный разговор интимного характера, зовут меня, значит, Николай Арсентьевич, в настоящее время у меня в оперативной разработке три адреса, в смысле объявлений, из них двое женщин отпадают по причине многодетности.

– И что? – растерялась Люба.

– Ничего, – успокоил её Гребанутый. – Ваша кандидатура вне подозрений.

– Спасибо, – пролепетала девушка, шокированная таким исчерпывающим докладом.

– Рад стараться, – по-военному отрапортовал майор.

В это время Любу догнал запыхавшийся Глеб Федулович и стал оправдываться:

– Какой трудный человек – ему говоришь одно, а он: «Дэнги, дэнги». Помешались они на «бабках». Вот тебе и нация!

– Перезвоните через час, – ответила полицейскому девушка и убрала телефон в сумочку.

– Подруга звякнула? – полюбопытствовал Глеб Федулович, аккуратно складывая американские купюры Гургена в свой пухлый бумажник из потёртой свиной кожи. – А то, может, махнём куда, заодно и о любви подробнее расскажем.

– Поздно уже, – отказалась Люба. – Из финполиции интересовались, я сказала, что с вами на «бочке» доеду.

– Куда «доеду»? – вскинулся должник Гургена.

– Домой, – устало ответила девушка. – Если что, лучше продолжим завтра, но не с утра пораньше. И много вы Гургену должны?

– Да больше понтов, – озабоченно пробормотал Глеб Федулович. – А кто из финполиции интересовался?

– Майор Гребанутый, – отчеканила Люба и посмотрела сбоку на своего спутника.

– Откуда вы его знаете? – с беспокойством произнёс Глеб Федулович.

– Так, – неопределённо выразилась Люба, – общаемся иногда. Вы уже ревнуете?

– Что вы, – торопливо разочаровал её Глеб Федулович, – просто фамилия очень известная. В широких коммерческих субстанциях.

До Любиного дома доехали быстро – ночные улицы угодливо расстилали под колёсами автомобиля мягкое полотно нагретого за день асфальта. «Русское радио» выдавало в эфир очередное шоу Романа Трахтенберга, а в салоне водитель и пассажирка дружно молчали, каждый о своём. У подъезда Люба сказала: «Пока». И, не оглядываясь, взбежала на четвёртый этаж. Она слышала, как машина развернулась во дворе и тут же исчезла в тополинном сумраке переуллка.

Люба, стараясь не шуметь, на цыпочках пробралась к себе в спальню, разделась и пошла в ванную, захватив сотку. Но, едва она включила кран с горячей водой, мобильник властно принудил её к переговорам – майор Гребанутый добросовестно исполнял её же инструкцию.

Чтобы не разбудить родителей, Люба шёпотом назначила силовика встречу всё в том же «Салеме», прокралась из ванной комнаты обратно в спальню и упала на кровать.

23

Воскресное утро уже пропитало солнечным соком бежевые стены, белый двухуровневый потолок, цветной линолеум пола и даже воздух в Любиной светёлке, когда девушка наконец позволила себе проснуться по-настоящему. Некоторое время она лежала на спине, раскинув руки и шурясь в сторону яркого света, потом к ней запрыгнул кот, и от его громкого мурлыканья ей сделалось особенно хорошо. Она отбросила к ногам жаркое верблюжье одеяло в пёстром пододеяльнике и подошла к сияющему окну.

Неизвестно от чего возбуждаясь, Люба стояла у открытой форточки, прокручивая в памяти вчерашний день. Неожиданная популярность не только не пугала её, но даже настраивала на новые приключения. «Азарт охотницы?» – мысленно спросила она у себя. В это время солнечный зайчик скользнул по её груди. Подняв глаза, Люба обнаружила, что какой-то озорник с балкона соседней десятиэтажки, наискосок от Любиного окна, заигрывает с ней посредством маленького зеркальца или чего-то в этом смысле. «Бабье лето», – прошептала она и, вспомнив, что её наготу сейчас видят все, кому не лень, схватила халат, наскоро запахнувшись и вышла в кухню.

– Когда свадьба? – спросил отец, шумно отхлёбывая горячий чай.

– Как только, так сразу, – весело откликнулась дочь, намазывая крестьянским маслом кусок багета с поджаристой корочкой.

– Вчера по телеку на российском канале следил за судебным процессом, так один умудрился жениться сразу на двух, после чего квартиры ихние обманом сунул в банк, а сам с кредитами смылся к любовнице, которую также обчехвостил.

– И что дальше? – поинтересовалась Люба.

– А ничего, – пожал плечами родитель, – те на улице с голой задницей, а с этого, как с гуся вода: мол, сами виноваты, зачем подписывались, а денег я, говорит, и вовсе не брал. Сегодня пойдёшь куда?

– Пойду, – сказала Люба. – Только непонятно, зачем они ему всё доверили?

– Так я тебе про что и толкую, – оживился отец. – Тем более, квартира наша записана на троих. К обеду будешь?

– Вряд ли, – отмахнулась девушка. – Если что, пообедайте без меня. И вообще, папа, ты слишком трезво смотришь на жизнь.

– Что поделаешь, дочь, – вздохнул глава семьи. – Видимо, алкоголь меня уже не берёт.

24

Майор Гребанутый явился на свидание точно к назначенному часу. В кафе было жарко, и Люба, сбросив лёгкий светлый плащ, удачно купленный по случаю в секонд-хэнде (кстати, очень приличные вещи от кутюр попадают в таких магазинчиках), осталась в маленьком чёрном платье, плотно облегающем её стройную девичью фигуру.

Люба понимала, что в этом наряде она выглядит на все сто, потому и оделась к смотринам именно так.

Своего будущего кавалера она узнала сразу по синей форменной одежде. Ещё пробираясь между столиками, девушка поймала на себе его заинтересованный изучающий взгляд.

Майор неуклюже привстал, подвигая в её сторону блестящий стул с никелированными ножками и спинкой.

– Я вас давно дожидаясь, – знакомым голосом сообщил он, однако унылое поле стола с взъерошенной скатертью и сиротливо торчащими салфетками, наполовину выдерганными прежними завсегдатаями, никак не подтвердило его слов.

Люба шевельнула краешком губ:

– Мне нравится ваша искренность. Вы что, уже всё съели?

– Ково? – не понял претендент на её руку и сердце.

Девушка пропустила его вопрос мимо ушей. На данный момент её интересовало другое:

– Я бы не отказалась от клубничного с молочным коктейлем. И давно вы в поиске внеслужебных расследований одиноких женщин?

Силовик, наморщив лоб, словно подсчитывая что-то в уме, проделал в воздухе замысловатый жест:

– Так вы, значит, уже проинформированы?

Люба взглянула на него, приподняв брови, а про себя подумала: «Запутался мужик, видать, забыл, чего мне вчера по телефону плёл». Не скрывая удивления, она кивнула утвердительно:

– Вообще-то, да.

Полицейский моргнул с явным облегчением, достал из кармана брюк красный носовой платок в крупную клетку и, вытерев им вспотевший лоб, шумно высморкался, после чего скомкал и засунул обратно:

– Это меняет дело. Вы, Люба, даже не представляете, насколько облегчаете нам задачу.

– Да ладно, чего уж там, – зарделась девушка. – Буду рада выслушать вас до конца.

Вчерашней официантки не было, вместо неё порхала по залу шустрая девчонка, у которой, кроме стразов на пупке, сверкал фальшивыми гранями крохотный кристаллик в ноздре симпатичного носика, а с краю выщипанной правой бровки сопелькой болталась стеклянная висюлька. Кроме того, она вместо «р» выговаривала «г».

– Могоженое у нас в шагиках, вам сколько погций?

Гребанутый показал в Любину сторону:

– Порции ей, а мне кофе с коньяком, только по отдельности.

– Из коньяков гекомендую «Тугкестан», дугото всё гавно нет, а его хогошо бегут и даже хвалят. Газгешите, я скатёжку подговняю.

Майор слегка отодвинулся, позволив девчонке привести в порядок стол, соорудил из своей физиономии умный вид и махнул рукой:

– Валяйте, тащите сюда ваше... «Туркестан».

– Пюмку? – деловито уточнила подавальщица.

Гребанутый поспешно возразил, передразнив официантку:

– Какую «гюмку»? Ты мне поставь, как положено – двести фронтowych.

– Я, между прочим, на габоте, – с неожиданным апломбом урезонила пересмешника девчонка и тут же подскочила к другому столику, откуда донеслось: «Могоженое у нас в шагиках...».

Люба, наблюдавшая бесплатную сценку, невольно рассмеялась. Николай Арсентьевич, дабы не отставать от неё, тоже по-человечески засветился изнутри.

– Говорит, как нецензурным матом выражается, – беззлобно проворчал он, затем, помолчав немного, прибавил: – Ишь ты, «могоженое в шагиках». Школу, поди, на тройки еле кончила, зато, наверно, курит хлеще, чем разговаривает. Молодёжь – ядрёна вошь.

Подавальщица, выполнив заказ, подчёркнуто вежливо осведомилась:

– Надеюсь, пгетензий нет?

– Всё нормально, – добродушно констатировал полицейский. – Если понадобишься, вызовем, только имя сообщи, чтоб, значит, знать, кого в протокол вписывать.

– Меня Гая зовут, можно – Гаечкой, – видно было, что девчонка несколько смутилась. – Не пойму, пго какой такой пгтокол вы намекаете.

– Куришь? – неожиданно и официально спросил майор, наливая коньяк в хрустальную рюмку.

– Изгедка, гади газвлечения, – вчерашняя школьница совсем растерялась и покраснела. – Но на габоте не кугю, – еле слышно прогнусавила она и потупилась.

– Молодец, – одобрил Николай Арсентьевич и дал отеческий совет: – И не пей.

25

Люба, помешивая соломинкой молочный коктейль в высоком стакане, недвусмысленно поглядывала на принесённый Раечкой коньяк. Между тем Николай Арсентьевич, заметив Любин пытливый взгляд, понял его по-своему:

– Думаете, палёный?

Девушка пожала плечами.

– А вы разве не за рулём? – не выдержав, спросила она.

Майор снисходительно, отчасти даже свысока, глянул на Любу, затем, пропустив ей очевидную глупость, указательным и средним пальцами правой руки хлопнул себя по левому плечу, где сияла на погоне золотым украшением крупная звезда, и доложил:

– Я на госслужбе.

Однако недоумение не исчезло с Любиного лица, тогда полицейский снизошёл до банальности:

– Если я в мундире, то для внутренних органов как бы, значит, свой, а менты своих не доят. Ну, как говорил генерал Булдаков, за дам-с, – выпив рюмку, Гребанутый зажмурился от удовольствия, крикнул и сказал загадочно: – И как её татары пьют?

– Не в курсе, – пролепетала девушка.

– Правильно, – согласился Николай Арсентьевич, – так вообще-то после водки принято, но под коньяк тоже катит. Значит, говорите, осуществляете поиск рентабельных мужчин?

– А у вас что, жены нет? – ответила Люба вопросом на вопрос.

– Нет, – развёл руками Гребанутый. – С дочкой в Турцию уехавши.

– А вы?

– А меня тёща контролирует: обтянет, как тыква, свои жиры и – спасайся, кто может. Дня через три приедет.

– Кто? – ошарашенно пробормотала девушка.

– Жена с дочкой, – удивился её заторможенности силовик. – Итак, вернёмся, значит, к нашим баранам, – перешёл он на чиновничий тон, одновременно доставая из внутреннего кармана кителя цветную фотографию. – Вам знакомы особые приметы данного лица?

С фотографии по-свойски смотрел на Любу Глеб Федулович.

– В некотором роде, – ответила окончательно сбита с толку девушка. – Он мне уехать предлагал. В дальнее зарубежье.

– Отлично! – нетерпеливо потёр ладонью об ладонь полицейский и наполнил рюмку «Туркестаном». – Мы этого выхухоля скоро год, как пасём, давайте-ка, значит, отсюдава поподробней, с описанием всех улик.

26

Пока Люба пересказывала нехитрую историю своего знакомства с Глебом Федуловичем, майор Гребанутый, смакуя, маленькими глотками наслаждался горячим кофе без сливок и даже без сахара. Люба была в замешательстве, она не совсем понимала, чего от неё хотят, и потому, нервничая, сбивалась и путалась. В таких случаях искушённый Николай Арсентьевич задавал ей наводящие вопросы:

– Значит, иногда в гинекологию заглядывает, – уточнял майор.

– Да, – с готовностью подтверждала девушка. – Для деловой переписки.

– Прямо так и пояснил? – удивлялся Гребанутый.

– Прямо так, я ещё, помню, подумала про себя, о чём там можно переписываться?

– Ну а на армянина как вышли? – допытывался майор.

– Случайно, он ему, оказывается, деньги должен.

– Армянин?

– Нет, Глеб Федулович, – активно помогала восстановить истину Люба.

– Суммы озвучивались?

– Когда я спросила, он сказал, что больше понтов, а много это или мало, я никак не соображу.

– Кто сказал, армянин?

– Армянин шашлык предлагал и просил деньги вернуть, а про понты Глеб Федулович говорил.

– Отлично! – тёр ладони Гребанутый – Теперь ему от нас не уйти.

– Армянину? – робко любопытствовала девушка.

– Да при чём тут армянин, – в этот момент майор походил на гладкошёрстного легавого пса: слегка морщинистое удлинённое лицо, отвислые губы, широкие, словно висячие, уши, блестящие глаза, направленные вперёд, зачёсанные на затылок лоснящиеся, с вороным отливом волосы – всё выдавало в нём страстного охотника от рождения. Добавьте мысленно к этому портрету прямой хвост палкой – и вот вам классическая стойка старой опытной собаки.

– Армянин тут ни при чём, – рассуждал сам с собой полицейский. – Мы его теперь тёпленьким возьмём.

27

А вокруг кипела обыкновенная суeta выходного дня: стайка девушек облепила дальний столик, и временами оттуда накатывали звонкие волны невинной пирушки; пожилая чета, уединившись в углу, вспоминала молодость за бутылкой «Киндзмараули»; шумная группа студентов распивала пиво по случаю начала учебного года; юные Ромео с Джульеттой, забыв про лакомство, не уставали с трогательным умилением и молча разглядывать друг друга; диковинные огромные рыбы в ярко освещённом аквариуме внимательно изучали посетителей выпученными от снобизма глазами, и над всеми плыла из мощных динамиков качественная современная музыка.

Вот открылась входная дверь, и на празднике жизни стало тремя гостями больше – двое мужчин «послевчерашнего» вида и мальчик лет семи-восьми уселись за соседний стол. Один из взрослых, видимо, друг отца малыша, оказался наиболее уязвим в плане похмельного синдрома. Судя по всему, именно он и увёл своего приятеля от семейного очага, обманом отпросив его у бдительной супруги. Она заподозрила подвох и согласилась на компромисс, лишь вручив друзьям обузу, от которой им теперь не избавиться при всём желании.

Выслушав полезные сведения о «шагиках», папа тут же заказал сыну аж три штуки, но для себя и друга выразился скромно:

– А нам по пиву.

Однако приятель тут же подкорректировал заказ:

– Пиво без водки – деньги на ветер. Флакон «Гармонии» для разгона, а из горячего две еды, – и лишь когда официантка упорхнула к раздаче, оправдался перед товарищем: – Меня, в натуре, с вечера колбасит, как высоковольтный столб, а ты «по пиву». У нас в Екатеринбурге давно уже пивом не лечатся.

Николай Арсентьевич, по привычке чутко улавливая обрывки чужих фраз, наострил слух.

– А ведь последняя ориентировка на Федулывча пришла именно из Екатеринбурга, – будто сам себе сказал он, глядя сквозь Любу, которая при этом зябко поёжилась. – Он там столько баб... извините, женщин, бул, сколько нашим кобелям и не снилось, а две дурочки вообще без квартир остались.

– Так вы подозреваете, что Глеб Федулович неспроста мне позвонил? – ужаснулась страшной догадке Люба.

– Почему подозреваю, – обиделся майор. – Я не подозреваю, я уверен в этом, как дважды два.

Сидевший в соседях мальчик, услышав про дважды два, вдруг заорал громко:

– Четыре!

Его папа с приятелем, уже успевшие «разогнаться», от неожиданности чуть не выронили вилки.

– К-к-каких четыре? – слегка запинаясь языком, строго спросил отец.

– Дважды два – будет четыре! – выпалил сын, используя на полную катушку подаренную судьбой возможность блеснуть школьными знаниями.

– Вундеркинд! – восхитился папин друг. – Банкиром станешь. За это надо выпить.

Но у отца будущего банкира возникли сомнения:

– К-к-конечно, – предположил основатель рода финансовых воротил, – деньги считать мы его так и так научим, только без казахского языка он дальше д-д-дворника ни бум-бум.

– Освоит, – поддержал вундеркинда екатеринбуржец, – это ж не китайский.

– Ну, по-китайски, допустим, мы все когда-нибудь зашпыхаем, – настаивал несговорчивый папа, – а на государственном уже с-с-сегодня требуют вывески читать.

– Зато матерятся все по-русски, – нашёлся гость. – За это пьём до дна. А насчёт учёбы – поощрять надо.

– Я поощряю, – с теплотой в голосе сказал родитель, ласково глядя своё чадо по круглой стриженной голове. – П.....й каждый д-д-день даю.

– Без них, как без пряников, – согласился приятель и заговорщицки подмигнул мальчугану. – Ну, Фантомас, скажи чего-нибудь, чтоб мы за тебя выпили.

– Какать хочу, – с готовностью откликнулся на просьбу малыш и отодвинул в сторону добросовестно опустошённую вазочку из-под мороженого.

Потрясение, которое испытала Люба, узнав подноготную Глеба Федуловича, граничило с шоком. Как же так, думала она, с виду приличный человек, холостой и даже, чего греха таить, весьма интересный мужчина (во всяком случае видно, что не алкоголик вроде Котца), а на поверку оказался типичным мошенником, чуть было не залучившим в свои тенёта Любино сердце с материальными ценностями в придачу.

– Он в самом деле холостой? – сокрушалась Люба.

– Как судак на сковородке, – подтверждал Николай Арсентьевич. – Так сказать, издержки криминального таланта.

– И что мне теперь делать? – заметалась девушка. – Я почему-то начала его бояться.

– А вот это зря, – урезонил её майор. – Живите, как жили, и даже виду не показывайте, что обладаете детективной тайной. Кем, вы говорите, работаете?

Хотя Люба про свою работу и словом не обмолвилась, вопрос полицейского не застал её врасплох.

– Швей, – быстро ответила она. – В индпошиве.

– Отлично! – похвалил Гребанутый. – Сошьёте по благу моей дочери платье на осенний бал, а жене... ну и, значит, жене чего-нибудь. Обсудите при случае. В общем, обычная жизнь в обычном режиме. Всё, как всегда.

Прятели за соседним столиком уже разгонялись по второму кругу, а перед вундеркиндом была поставлена непростая задача: осилить огромный кусок пирожного. Судя по всему, трудности не пугали малыша. Пыхтя, как паровоз, он отважно поглощал кондитерские изыски, открывая своему отцу перспективы досконально обсудить с другом-россиянином наболевшие проблемы.

– Построить бы у нас американскую демократию, – мечтательно вздыхал россиянин, – тогда каждый второй стал бы миллионером – пей, не хочу!

– Оно, к-к-конечно, базара нет, – прикидывал казахстанец, – д-д-да где взять столько американцев?

– Ну, жить в России можно даже сейчас, без американцев, – доказывал свою правоту екатеринбуржец, – но везде приходится давать на «лапу».

– Аналогично, – соглашался папа будущего казахстанского банкира. – Я бы эти лапы с к-к-корнем отрубал.

– Тогда пол-России без рук ходить будет, – неожиданно вступился за отечественных коррупционеров политически подкованный собутыльник.

– Это н-н-надо отметить, – к месту вставил казахстанец и звякнул своей рюмкой об рюмку товарища.

Майор Гребанутый с подозрением покосился на соседей.

– Пол-России, – недовольно хмыкнул полицейский и тоже выпил остатки коньяка. – А у нас все, значит, инвалидами станут, – после чего майора передёрнуло, и он шепнул себе в нос: – Разве это по-людски – человека его корней лишать? М-м-м-да!

Инструкции, полученные Любой от Гребанутого, в сущности были просты, как домашний веник: ничего не предпринимать без его консультаций, смело идти на контакт и соглашаться на всякие авантюры, которые придут в голову Глебу Федуловичу.

– Главное, сразу ставить меня в известность, – напутствовал Любу майор, – и не вздумайте, значит, кого-то из наших посвятить, его должен именно я взять за рога.

– А что будет, если другие за рога возьмут? – несмело спрашивала девушка.
– Откупится, – уверенно резюмировал силовик. – А мне за него к пенсии подполковника обещали. Вопросы есть?

– Есть, – сказала Люба. – Я недопоняла, как у выхухоля рога появились.
Майор провёл широкой ладонью по волосам – от лба к затылку – и фило-софски изрёк:

– Рога могут появиться у каждого, даже у северного оленя.

Его лаконичная фраза окончательно завела девушку в тупик.

На предложение Гребанутого подвезти её до дома Люба ответила отказом – хотелось пройтись одной по тёплым и ярким сентябрьским улицам, чтобы на-едине с собой привести в порядок сумбурные мысли и чувства.

Возможно ли в принципе, размышляла молодая женщина, обрести любовь, публично загадав и растиражировав своё заветное желание? И что для неё сей-час важнее – открыть любовь в ком-то или в себе самой? Интуиция подсказыва-ла ей, что человек должен стремиться раскрыть это чувство прежде всего в соб-ственной душе, но как раскрыться без помощи извне? Где взять другого челове-ка, который разбудит в ней спящую царевну? А ведь без этого, без другого чело-века, любовь бессмысленна, бессмысленна до тех пор, пока её, любовь, человек не поделит с другим человеком. С кем именно? На этот вопрос ответа не было, ведь всякий мужчина, пусть теоретически, но мог использовать святыне чувства и женскую доверчивость в корыстных целях.

Мелодия «сотки» вывела Любу из задумчивости. Она вздрогнула, полезла в сумочку и достала оттуда трубку, а достав, с опаской раскрыла её. «Глеб Федуло-вич», – мелькнуло в сознании, но вслух сказала неожиданно спокойно: «Слушаю».

– Это я вас слушаю, – вкрадчиво сказали в ответ незнакомым голосом. – Говорите.

– О чём? – опешила девушка.

– Не имеет значения, для меня важно слышать вас и ваше прерывистое дыхание. Лучше, конечно, если страстным шёпотом.

– А вы – кто? – попыталась прийти в себя Люба.

– Эдик Пеструхин, – певуче представилась трубка. – Спросите меня ещё раз, только шёпотом, шёпотом...

Девушка невольно снизила тон:

– Вы работаете?

– Да, – прошелестел мобильник. – Флористом.

Люба насторожилась. Коровья фамилия в сочетании с загадочной профес-сией побуждали тут же позвонить Гребанутому и рассказать ему всё, как есть. Но что, собственно, есть? «Фактов мало», – решила девушка и стала выяснять под-робности:

– Флорист – это специальность или профессия? – выпытывала она вполго-лоса, настраиваясь на волну Пеструхина. – Философией, случайно, не промыш-ляете?

– В моей работе случайности исключены, – туманно и жарко вещал Эдик. – Тут всё взаимосвязано и одно другому не помеха. Не стесняйтесь. Расскажите о себе: чем увлекаетесь, цвет волос, глаз, какое на вас бельё. Говорите, говорите, не останавливаясь.

– Зачем вам это, Пеструхин, – расстроилась Люба. – Не проще ли встретить-ся и всё увидеть наяву?

– Ни в коем случае, – тревожно заволновались в ответ. – Меня интересует только ваш голос. Говорите, говорите, – простонала трубка, но Люба уже нажала красную кнопку.

И почти одновременно телефон озвучил аранжировку популярной песни.

- Вы по объявлению? – заученно спросила девушка.
- И как вы догадались! – хриловато пошутили на другом конце. – Назначайте встречу, я готов хоть сейчас украсить вашу жизнь.
- Тогда вечером возле центрального супермаркета, – не вдаваясь в подробности, заявила Люба и добавила, словно черту подвела: – Я буду возле входа в светлом плаще, чёрных сапожках и с чёрной сумочкой.
- О'кей, – услышала она, затем уточнили: – В девятнадцать ноль-ноль.

30

Ровно в семь вечера Люба взшла на высокое крыльцо торгового центра. Конкретного плана действий у неё не имелось, похоже, череда разочарований стала превращать её в пессимистку. А с другой стороны, оправдывалась сама перед собой Люба, терять всё равно нечего, будь что будет! Однако пора бы уже и кавалеру быть. Девушка попыталась угадать, в какой из подъезжающих машин явится очередной претендент её руки и сердца, но в этот момент встрепенулся мобильник.

- Ждёте? – спросил хриловатый голос.
- Ага, – простодушно ответила Люба.
- В таком случае перейдите на другую сторону улицы и заходите прямо в «Евразию». Я тут столик ради знакомства организовал – так что вместе чем-нибудь поужинаем.
- Я сыта! – крикнула девушка в «сотку», которая цинично плакала короткими гудками.

И Любе ничего не оставалось делать, как исполнить приказ неизвестного господина.

В ресторанчике, кстати, не так давно выросшем на месте бывшей прачечной, было немногочисленно. Искусственные пальмы создавали иллюзию курортной романтики, пластиковые лианы мёртвой хваткой цеплялись за потолок и оттуда расползались по стенам и перегородкам, отсекая желающих уединиться от чересчур внимательного народа.

На импровизированной эстраде три женщины в длинных и блестящих концертных платьях (скрипка, саксофон и контрабас), сливаясь с интерьером, под фонограмму ударных задумчиво пряли негритянский блюз.

Оставив плащ в гардеробе, Люба встала у входа красивым изваянием – к маленькому чёрному платью добавилась нитка жемчуга, выгодно украсившая декольте. А от самого дальнего столика, продуманно укрытого в уютном углу синтетической зеленью, уже спешил к ней немолодой мужчина с напоказ выставленным солидным брюшком.

– Разве это джаз, – обратился он к Любе, одновременно подхватывая её под руку и кивая головой в сторону трио. – Мне приходилось бывать в джаз-клубах Бостона и слушать самого Сонни Роллинза.

– А вы кто? – озадаченно спросила Люба.

Возраст мужчины явно превышал заявленный в газете лет на десять. «Да где там десять, – подумала девушка, рассмотрев в деталях, пока шли к столу, своего спутника. – Больше. На десять с гаком».

– Как, вы не знаете о Сонни Роллинзе? – мужчина, казалось, совсем не слышал Любу, он остановился на мгновение и взглянул на неё так, будто её только что вынули из кунсткамеры. – В пятидесятые годы двадцатого века он гремел вместе с Майлзом Дэйвисом на всю Америку. Вы были в Америке?

– Только в Москве, – смущённо призналась Люба, вешая сумочку на спинку стула, который галантно поставил перед ней любитель джаза.

– Ничего, – обнадѣжил он девушку. – Я положу её к вашим ногам Бродвеем кверху, а на Брайтоне мы станцуем под музыку Глена Миллера.

– Так кто же вы? – ошеломлённая нарисованными горизонтами, Люба терялась в догадках. – Артист или музыкант?

– Мой профиль – валютный демпинг. Кузьмич, – скромно произнёс покоритель Америки, разливая в высокие фужеры золотистое вино, в котором вспыхивали искры от массивного перстня с огромным изумрудом. Казалось, безымянный палец очень гордился возложенной на него миссией и потому как-то обособленно от остальных топорщился в сторону, а те, в свою очередь, подражая удачливому собрату, раскинулись всеором.

– Тырин, Вениамин Кузьмич, это если официозно, скажем, для таможи или какого-нибудь департамента, но для близких мне людей – просто Кузьмич.

– Я не употребляю, – подала голос Люба, пытаясь отодвинуть от себя искрящийся фужер.

– А тут никто не употребляет, – съюморил Кузьмич. – Культурно отдыхаем с пользой, вот и всё. Короче, давай на «ты», мы же не в прокуратуре.

– Чуть позже, – уклонила девушка. – Неудобно как-то вот так, сразу... Тем более, разница в возрасте... Но вы можете на «ты», без проблем.

– Тогда, Люба, давай выпьем за обоюдное «без проблем», ну и за встречу, конечно, а разницу оставим прислуге – на чай!

Неожиданно в глазах девушки появились озорные чѣртики, которые тут же стали отчебучивать зажигательный степ.

Она с готовностью подняла бокал:

– В таком случае, давайте отметим знакомство.

Вино взбудоражило Любу. Она встряхнулась и больше не чувствовала себя скованно, тем более что Кузьмич оказался не только интересным собеседником, но и как мужчина держался на высоте. Танцую танго, Люба уже с нескрываемой симпатией держала руку на его плече, а когда Тырин, разговаривая полушёпотом, слегка касался губами её ушка, Люба испытывала странное состояние. Истома, разливавшаяся по телу, невольно заставляла касаться истомившейся грудью партнёра, сердце трепыхалось, как пойманная в силки синица, взгляд становился томным, с поволокой.

Молодая женщина была близка к незапланированному обмороку.

За столом Вениамин Кузьмич опять принялся радушно ухаживать:

– Ты мне уже в телефоне понравилась, – льстил он своей гостье, одновременно наполняя фужеры. – Голос у тебя приятный, а на внешность – вылитая королева.

– Спасибо, – таяла королева, прижимая ладони к пунцовым щекам. – Вы тоже хорошо выбранный.

– Спасибом сыт не будешь, давай тост поднимем, чтоб у нас всё было, а нам за это ничего не было.

Люба оценила каламбур, сказала: «Давай!» и, отчаянно запрокинув голову, смело отпила несколько глотков. Чучело зелёного попугая над её головой качнулось, словно собиралось взлететь, но потом передумало и доброжелательно посмотрело сверху круглыми стеклянными глазами. Девушка отплатила заморской птице благодарностью, незаметно подмигнув. Мол, всё в порядке, Ара, и лично ты очень мне симпатичен.

Попугай принял комплимент как должное, он тут видел и не такое.

Выйдя из ресторана, Кузьмич взял Любу под руку и направился к огромному серебристому джипу. Люба послушно воспользовалась мужской услужливостью и удобно устроилась на заднем сиденье, а Тырин сел рядом с водителем – долговязым типом со шрамом на правой щеке.

– Знакомься, Люба, – обернулся к девушке Кузьмич. – Мотыль, мой шофёр и телохранитель.

Мотыль подмигнул Любе и, ощерившись фиксой, отрекомендовался:

– Витёк, если чё, а Мотылём только шеф меня погоняет и кореша. В резиденцию, босс? – обратился он к хозяину. Тот кивнул и пояснил:

– У меня за городом типа дачи, ну, там сад, огород, джазовая коллекция и всё такое, короче, сама увидишь.

Машина бесшумно закачалась на уличных выбоинах, за окном разноцветной цепочкой потянулись рекламные огни, негритянский блюз из ресторана переключал в салон, и Любе стало необычайно хорошо.

– Фрукты хочу, – сказала она в сторону Кузьмича.

– У нас есть фрукты? – деловито осведомился Тырин у Мотыля.

– Из фруктов только «Виноградная лоза», – откликнулся шофёр.

– Как это? – не понял Люба.

– Это вино такое, – со знанием дела прокомментировал Витёк, – специально для дамского общества.

Тырин указательным пальцем ткнул куда-то вбок:

– Давай заскочим в круглосуточный, там даже зимой клубнику продают.

В ночном супермаркете Люба оказалась впервые, и поэтому ярко освещённый торговый зал представился ей феерическим праздником в её честь. Она, по-детски восторгаясь, переходила от стеллажей с фруктами и овощами к морозильным витринам, оттуда – к полкам с напитками, потом – к шоколадному Клондайку, затем – в рыбный отдел...

Кузьмич вышагивал рядом, животом двигая перед собой тележку, которая, казалось, наполняется сама собой, как скатерть-самобранка. Уже перед кассой он увенчал пирамиду из покупок дорогим французским коньяком.

Нагруженные пакетами, Тырин и Люба смотрелись со стороны уживчивой семейной парой, решившей затариться минимум на неделю.

Входная дверь автоматически раздвинула створки и сдвинула их только после того, как выпустила покупателей наружу. Оказалось, что Мотыль неправильно припарковал технику и теперь пытается отделаться от наседавшего на него гаишника.

Кузьмич пожелал оказать посильную помощь:

– Что за террор против собственного народа? Могу для исчерпания конфликта посодействовать материально.

– Я взятки не беру, – услышала Люба заинтересованный шёпот полицейского.

– Тогда продай чего-нибудь, – нашёлся Тырин, – совесть, например, или Родину.

В ночной тишине отчётливо и вкусно захрустели дензнаки.

– Родина не продаётся, – неуверенным голосом начал сдаваться гаишник.

Тырин хрустнул купюрами ещё пару раз:

– Но, полагаю, совесть-то купить всё-таки можно?

Страж дорожного порядка профессионально пересчитал сумму и невозможно подытожил:

– Если на то пошло, купить можно всё, а вот правила нарушать – не советую. Счастливого пути, – грамотно козырнул офицер ладонью в перчатке. Пристёгнутый ошейником к запястью регулировочный жезл мотнулся и вытянул во всю длину светящийся полосатый хвост.

– Ты смотри, куда едешь, – стал отчитывать Кузьмич Мотыля, – в следующий раз удержу из премиальных, не обижайся. Думать надо, а иначе для чего тебе голова?

– Я в неё ем, – стал оправдываться Витёк, – а думаю я, откуда третья нога росла.

Люба с Кузьмичом переглянулись недоумённо.

– Останови машину, – приказал шеф. – Какая третья нога?

– У нас на малолетке, когда строевым по плацу гоняли, «бугор» командовал: «Раз! Раз! Раз, два, три!». Вот я с тех пор и думаю: «Может, до нашей эры у первобытных пацанов была третья нога?».

Кузьмич распечатал коньяк, плеснул в пластиковый стаканчик и Любе подал такой же, правда, с вином.

Мотыль виновато очистил банан.

– Дурак, – сказал Тырин и залпом осушил посуду. – В армии тоже «раз-два-три», везде «раз-два-три», так принято, на «раз-два» никто строевым не ходит.

– Так ведь и в армии такие же пацаны, – не сдавался Витёк. – Значит, в доисторические времена росла у пацанов третья нога, но не пойму, куда она потом подевалась?

Никогда в своей жизни Люба так не смеялась. Подыгрывая ей, разошёлся и Кузьмич.

– Третья... – закатывался он, отстраняясь от Мотыля, как от наваждения, и вытирая слёзы.

– Нога... – всплёскивала руками Люба и откидывалась головой на спинку сиденья. – Росла, росла...

– А потом исчезла! – подхватывал Кузьмич.

И только Витёк был не ко времени серьёзен.

32

Убранство загородного дома поразило Любу роскошью и запущенностью: на дорогих коврах живописно цвели окурки и апельсиновая кожура, с дубовой мебели давно не вытиралась пыль, одежда валялась где попало.

Пока Витёк разжигал камин, а Тырин гоношил у стола, девушка успела подмести пол и помыть посуду. Оказывается, одиночество преследовало её всю жизнь: дома, на работе, во время прогулок и даже гуляний в компании друзей и подруг. Но теперь она не чувствовала себя одинокой и никому не нужной. Напротив, смысл жизни, так открылось Любе, состоит именно в том, чтобы подмести пол и создать уют не для себя, а для человека, который неожиданно стал понятным и даже близким. В какой-то момент неуклюжий и смешной Кузьмич обернулся, подобно сказочному Иван-царевичу, завидным кавалером, рубахой-парнем, готовым ради Любы даже на такие подвиги, как собственноручное изготовление салата из огурцов и слегка пережаренной яичницы с беконом.

– Я пойду покемарю, босс, – вклинился в Любины мысли Мотыль. – Если чё, ищи в гараже.

Босс не возражал:

– Утром чтоб как штык! – после чего Тырин съязвил специально для Любы: – А то я тебе махом третью ногу приделаю.

Люба в это время звонила домой:

– Мам, ты не волнуйся, кажется, у меня всё в порядке, поэтому задержусь чуть-чуть. Папа спит?

– Не совсем, – голос матери встревоженно прерывался. – Тебе утром на работу, а уже за полночь.

– Всё нормально, – заверила дочь и добавила, снизив тон, – верблюдатник мне не грозит.

Мать на другом конце выразительно промолчала и положила трубку.

Любин взгляд упал на миниатюрный цифровой фотоаппарат, небрежно оставленный кем-то на краю антикварного трюмо.

– Кузьмич, – по-свойски обратилась она к хозяину дома, – сфотографируйте нас с Витьком у камина.

Витёк тут же запротестовал:

– Я вообще не фотогигиеничен. Меня, когда в розыск подавали, два года не могли найти. Лучше я вас щёлкну на пару с боссом.

Тырин с вилкой в левой руке бодро подскочил и слегка приобнял девушку:

– Давай, Мотыль, устрой фотосессию.

Витёк, шумно сопя, осторожно взял в руки блестящую штуковину, повертел её так и сяк и беспомощно уставился на Кузьмича:

– Я чё-то не вкурил, босс, куда нажимать.

– Там сверху кнопочка продолговатая, – объяснил Кузьмич, – жми на неё. В полный рост захватывай.

– В полный не влезает, – пререкался Мотыль.

– А ты стоймя бери, фотик стоймя делай.

От напряжения Мотыль даже взмок. Наконец общими усилиями сфотографировались.

– Теперь ужин при свечах, – сказал Кузьмич.

Стали искать свечи, нашли какие-то церковные – тонкие и жёлтые.

– Поминальные, – определил Мотыль. – Когда моего поделщика менты завалили, мы с братвой ему такие же брали.

– Типун тебе на язык, – рассердился хозяин дома. – И вообще, почему ты всё ещё здесь? – при этом на Витьку упал такой грозный взгляд, что тот невольно попятился и натурально растворился в проёме резной, выполненной под лак сосновой двери.

33

За ужином в необычной для непривычного слуха атмосфере джазовых мелодий – в доме звучало соло гитары на фоне пианино («Это Чарли выделяет свои штуки», – заметил Тырин, Люба в ответ кивнула, мол, я так и предполагала) – девушка попыталась выяснить для себя некоторые подробности.

– Я, конечно, не понимаю про валютный демпинг, поэтому хочу спросить: это коммерция или производство?

Хозяин, наливая себе рюмочку, ответил уклончиво:

– Производство для меня пройденный этап. Я ещё со времён Горбачёва и Ельцина зарёкся им заниматься.

– Почему? – удивилась Люба.

– Потому, что не хочу связываться с государством, – сказал Тырин и выпил коньяк.

Люба тоже отпила плоток грузинского дорогого вина.

– Я тогда предприятием руководил, – продолжил Кузьмич. – Само собой, при общем развале оно было убыточным, но когда государство сказала: «Работайте теперь на себя», мы поднапряглись и по итогам года вышли на прибыль, небольшую, скажем, тысяч на двести. Хотя, по тем временам, в пересчёте на советские рубли цифра была интересной.

– И что же случилось? – девушка была заинтригована.

Кузьмич, почувствовав неподдельное любопытство со стороны своей госты, взбодрился и продолжил:

– А вот что. Мы посчитали, что за минусом налога нам остаётся сто тридцать тысяч. И это хорошо, пойдёт для первого раза. Но финотдел содрал с нас такой налог, что мы остались должны в казну аж семьдесят три тысячи.

– Как это! – искренне удивилась Люба.

– Так, – приосанился Тын, довольный произведённым впечатлением. – Страна дураков. Финотдел приплюсовал нашу прибыль к нашим же убыткам и уже с этой суммы вычел налог. Похожий случай описан в «Ниве», а столичный журнал врать не будет. Короче, не хочу, чтобы на мои деньги улицы переименовывали и памятники сносили, потому стараюсь налоги не платить совсем, ну там оффшоры и тому подобное.

Люба поддержала разговор:

– Я лично верю вам на двести процентов. Нас тоже норовят обобрать – то пожарные, то санэпидстанция, то ещё непонятно какие проверяющие, а про налоговую вообще молчу, и всем кушать хочется, – но бухгалтер, слава Богу, сильный, не даёт в обиду.

– Ну что ты всё на «вы» да на «вы», – укоризненно сказал Кузьмич и предложил: – Потанцуем?

И опять Любе стало хорошо. Тоненькие свечки догорали, но когда они с Тынными проходили в танце мимо, их язычки тоже пытались танцевать. Постепенно комната погружалась во мрак, и девушка невольно всё сильнее и сильнее прижималась к новому знакомому.

Кузьмич бережно и нежно гладил твёрдой ладонью по её волосам и осторожно целовал горячие Любины губы.

34

Утром Мотыль привёз Любу прямо к Дому быта. Когда она выходила из красивой большой машины, ей пригрезилось, что в каждое окно её рассматривают по несколько пар глаз. На самом же деле только Алина да одна из заказчиц случайно заметили, как выскочил на цырлах Витёк из-за руля и услужливо распахнул перед ней заднюю дверцу. Но и этого оказалось достаточно.

– Неужели нашла кого-то? – игриво спросила Татьяна Егоровна и добавила уже серьёзно: – На свадьбу не забудь пригласить.

Женщины вообще склонны интересоваться личной жизнью подруг, соседок и коллег по работе. Уже через час все без исключения знали про Любин роман.

– Поздравляю, – восторженно кричала в телефон Ольга. – Я, прикинь, пробила по своим каналам, оказалось, мужик очень крутой, но с характером. Любит отварной картофель и селёдку в уксусе. До тебя у него была какая-то стерва, а законная жена «ласты склеила» незадолго перед тем; настроен на американскую жизнь, если позовёт, соглашайся, я к вам в гости приеду.

Любе никогда не нравилось ругаться вслух, хотя в исключительных случаях и могла выразиться, но и тут мат из её уст получался каким-то застенчивым. А вот Ольгино словечко девушку даже заинтриговало, тем более, что вышеупомянутую «стерву» она видела на фотографии в спальне, когда утром приводила себя в порядок.

– Кто это? – спросила Люба ревниво.

– Так, любовница от первого брака, – отмахнулся Кузьмич и, поцеловав Любин пушистый затылок, убрал портрет чужой женщины в комод.

Люба почему-то успокоилась и уже почти забыла неприятный эпизод, но однажды вечером, когда они с Кузьмичом жарили на электроплите котлеты по-киевски, вдруг зазвонил телефон.

– Пойди, узнай, в чём дело, – сказал Тырин, переворачивая на чугунной сковороде шипящие в раскалённом масле полуфабрикаты.

Люба поспешила в холл.

– И где эта морда пузатая? – услышала она незнакомый женский голос и, само собой, ничего не поняла.

– Кто на проводе? – крикнул, не отходя от плиты, Кузьмич.

– Какую-то морду спрашивают, – ответила девушка и добавила растерянно: – Пузатую.

– Это я, – появился на пороге Тырин и, вытерев о фартук руки, принял от Любы трубку: – Тырин у аппарата.

Голос закручивался в крик, поэтому Люба практически слышала всё:

– Значит, я теперь не при делах?

– Ну чего ты никак не уймёшься? Денег тебе дали, начинай новую жизнь.

– Этих денег даже маслом на хлеб не намажешь, а ты мечтаешь, чтоб я с них обед приготовила.

– Сколько же ты хочешь?

– Хочу: чем больше, тем лучше.

– А я уже давно ничего от тебя не хочу, тем более, что люблю другую.

– И откуда эта гангрена взялась?!

– Неважно.

– Ни фиги себе – неважно! Я ему детей настроилась родить, а эта сумка позолоченная теперь спит с тобой припеваючи без отрыва от производства.

– Давай без оскорблений.

– Хрен тебе в мочу без оскорблений, я тоже не прочь в Америке пожить...

Тырин раздражённо сунул трубку в гнездо и резко выдернул штепсель. Поглядев на оцепеневшую Любу, неожиданно рассмеялся:

– Не бери в голову, она – моё пьяное недоразумение, так сказать, фрагмент истории.

35

Всю неделю Люба жила как во сне. Дома она появилась лишь один раз – приехала взять кое-что из белья, косметики и предметов гигиены. Отец ради такого случая оторвался от телевизора и вышел в кухню, где Люба вдвоём с матерью шептались по-своему и пили полезный травяной чай.

– Тут вчера фрукт в мундире приезжал, тебя спрашивал и вообще... Я так понял, что нашим внутренним органам ты теперь небезразлична, – впервые за много лет глава семьи посмотрел на дочь с нескрываемым интересом. – Звание майор, а фамилия какая-то неприличная – то ли Ё..., то ли Е...

– Гребанутый, – подсказала Люба.

– Вот именно, – подчеркнул отец. – Гребанутый и есть.

По настоянию Кузьмича Люба заменила сим-карту, и теперь ей могли звонить лишь самые близкие люди. Майор Гребанутый был не из их числа.

– Не хочу никого видеть, – сказала девушка и, прихватив пакет с вещами, уехала с Мотылём на дачу к Тырину.

Заказчицы наперебой старались показать Любе свою нескрываемую радость за её удачно складывавшуюся судьбу и даже прощали ей незначительные огрехи:

– Тут вроде левый рукавчик, я не знаю, насколько шире правого. Ну-ка, со стороны гляньте. А так? А со спины?

Люба добросовестно рассматривала изделие и так, и со спины, но ничего крамольного не находила, однако, чтобы успокоить клиентку, как бы соглашалась:

– Если вы непременно настаиваете, рукавчик ваш никуда не денется, обеспечим полную идентификацию.

Довольная заказчица вела себя заговорщицки и, вытянув губы трубочкой, подковыривала швею:

– Разве ж я не понимаю. Такое событие в плане любви кого хочешь из колеи выбьет. У меня на этот счёт тоже с нервами было нехорошо.

Между тем бабье лето пошло на убыль. По ночам случались заморозки, ветки деревьев почти полностью обнажились. Небо иногда затягивалось томительной сыростью, и осень начинала плакать мелким грустным дождиком.

В один из таких дней, а точнее – в пятницу вечером, Кузьмич выключил телевизор, повернулся к Любе и неуклюже чмокнул её в висок:

– Отъехать мне надо недельки на две-три, факс пришёл из Манхэттена, срочно вызывают по делам.

У Любы почему-то сжалось сердце, будто кто стиснул его раскалёнными клещами.

– А как же я? – спросила она полушёпотом.

– Нет проблем, – ответил Тырин, – останешься на хозяйстве, а Витёк с машиной в твоём полном распоряжении.

– Когда? – выдохнула девушка.

– Завтра в Омск, оттуда во Франкфурт самолётом, ну и... так далее.

– Я буду ждать, – сказала Люба и, обняв Кузьмича за шею, уткнулась ему лицом в грудь, скрывая горечь разлуки. Но мужчину не обманешь. Он почувствовал, как становится мокрой его рубашка, и стал беспомощно озираться вокруг.

– Перестань, слышишь, перестань, – монотонно твердил Тырин, совершенно не в состоянии что-либо предпринять по данному поводу. Выручил кстати появившийся Мотыль:

– Босс, Жанболат маякнул, просил закинуть, что с билетами всё в ажуре, пакуйте, грит, чемоданы и завтра, если чё, после обеда с вещами на выход.

– О'кей, – принял доклад шеф. – А с утра мы устроим барбекю на природе, так что тебе, Мотыль, задание – обеспечить костёр и мясо.

– Шашлык, что ли, замутить? – уточнил Витёк и, проявив инициативу, согласовал с шефом ещё один важный момент:

– А гитару брать?

– Обязательно, – кивнул Тырин и прижал к себе доверчиво прильнувшую Любу.

36

В субботу с рассветом распогодилось: серые тучи сбились в отару и ушли за лесополосу искать другое джайлау, на синее-пресинее небо, словно старательно отмытое ради такого случая, выкатилось ослепительное солнце и согрело мокрую опавшую листву – в ноздри ударил сладковатый запах тлена, и ожившие паучки вновь принялись летать по тёплому воздуху на тоненьких серебряных нитях.

Выехали двумя машинами. Вдоль Омской трассы тянулись порыжелые поля под колючей стерней вперемежку с непричёсанными и голыми берёзовыми рощами. Кое-где попадались чёрные клинья паров, на которых разбитыми окнами стеклянно блестели огромные лужи. Проезжая мимо одной из них, передний внедорожник свернул налево и по лесной дороге устремился в берёзовую

рапсодию. Мотыль аккуратно последовал за ним, и через несколько минут кортеж оказался на живописной поляне с торчащим посередине в виде индейского вигвама стогом сена и чудом уцелевшим с ещё союзных времён полувыцветшим плакатом на опушке. Кусок фанеры крупными и кривыми буквами убеждал приезжих, что «Вода и леса – наша общая краса!».

– Ну дальше ехать времени нет, а тут более-менее, – одобрил Кузьмич и, подойдя к стогу, выдернул из него клочок, который стал с удовольствием нюхать. Витёк, руководя помощниками, уже разводил костёр.

– А что, отложить Америку никак нельзя? – робко спросила Люба, опираясь на сильное мужское плечо.

– Никак, – замотал головой Тырин. – По моим данным, бен Ладен хочет подарить Бушу под занавес небольшой экономический кризис, так сказать, своеобразный теракт, но не исключено, что аукнется в разных точках нашего глобуса. Короче, надо денежки свои аккуратно сосчитать и на время в кубышку сунуть. Вернусь, как закопаю кубышку поглубже, чтоб целее была.

А Витёк добросовестно настраивал гитару, звеня аккордами на разные лады. Его обступили ребята из первой машины:

– Давай, Мотыль!

– Про зону сбацай!

– Делай, Витёк!

От костра распространялся вкусный запах жареного мяса, сдобренный дымком недогоревших поленьев. На складных походных столах не хуже, чем в приличном ресторане, блестела сервировка.

– «Вологодский конвой», – сипло объявил Мотыль и, поставив левую ногу на пень, тронул струны.

Инструмент тут же откликнулся задушевым перебором:

А я бы водочки сейчас немного выпил,

Чтоб к небесам воспрянула душа,

Но в даль таёжную везёт меня «столыпин»,

И на мешках кемарят кореша.

Неожиданно для Любы у Витька оказался красивый, чуть с хрипотцой, голос:

Вологодский конвой –

Беспредел по вагону.

Мы этапом на зону

Едем, словно домой.

Вологодский конвой,

Вологодский конвой.

Неизвестной ранее и потому захватывающей дух тоской повеяло вдруг от костра, от песни, от самого Витька и от окружающих его парней.

Сгорают жизнь, как от огня сгорают спичка,

А впереди у каждого свой срок.

На остановках лай собак и перекличка,

И пьяный грохот кованых сапог.

Вологодский конвой –

Беспредел по вагону.

Мы этапом на зону

Едем, словно домой.

Вологодский конвой,

Вологодский конвой.

Почему-то Любе захотелось плакать. Она украдкой, чтоб никто не видел, заморгала неестественно часто.

* Стихи автора.

Не могу никак без грусти видеть это –
Постучалось в моё сердце

бабье лето.

Потому что в вышине,

густой и синей,

Тает облако,

что промельк лебединый.

Потому что в тихом-тихом

звоне света

Даже к девушкам приходит

бабье лето.

И врывается печально-беспричинно

Бабье лето

и к сидящим мужчинам.

Горькой зрелости

отчётливее мета –

Поселилось в каждом сердце

бабье лето.

Как хочу я,

чтоб всё время пламенело

И обманывать ты, сердце,

не умело.

Мною вечно пусть любимая любима,

Чтобы наше бабье лето

долгим было**...

На ресницах у Любы дрожали росинки слёз, а в них голубело лазурное небо.
– Я не хочу, чтобы ты уезжал, – прошептала она и, отвернувшись от остальной публики, пронзительно, по-женски, заплакала.

38

Первое время Люба вообще не могла прийти в себя. И хотя Кузьмич регулярно звонил ей, спрашивал, как дела, что-то советовал по хозяйству, докладывал о своих передвижениях, она физически ощущала вокруг холодную пустоту. Кроме того, бабье лето умирало прямо на глазах, и на заре тяжело было просыпаться и видеть в окно свинцовую хмарь неожиданно враждебного и злого небесного океана.

Да и со здоровьем творилось что-то неладное: частые полуобморочные состояния отразились на лице – оно стало бледным и некрасивым, особенно по утрам – Люба даже перестала подходить к зеркалу, лишь бы не видеть отёкших век. А в пятницу вечером, когда из открытой форточки неожиданно пахло чем-то прелым, её вообще стошнило, после чего самочувствие ухудшилось совсем.

В субботу, находясь в угнетённом состоянии, девушка не выдержала и набрала номер подруги. Та, не задумываясь, сразу же поставила диагноз:

– Это депресняк!

– И что теперь? – напугалась Люба.

– Ничего, бывает и хуже, – утешила Ольга, – я, например, когда со своим разбежалась (она не уточнила, с каким по счёту, но Любе это было неважно), тоже, как жужелица, маршировала всю ночь по комнате, а назавтра к вечеру взяла и расслабилась. Как рукой сняло.

Кончилось тем, что Жоркина уговорила-таки Любу выбраться из дома и «снять стресс». Мотыль повёз девушку в «Салем». По дороге он осторожно пытался выведать последние новости:

** Стихи В. Гундарева.

- Как там Америка? – его напускное безразличие только усилило волнение, и Люба пожаловалась:
- Второй день почему-то не звонит. Может, случилось что?
- Деньги счёт любят, – неопределённо ответил Витёк и резко затормозил, – кушайте не в кипиш, если чё – я на подхвате.

39

В ярком импортном свитере и в красных сапогах на шпильках Ольга выглядела нарядной, и настроение у Любы несколько улучшилось. Ей неожиданно захотелось съесть много вишнёвого йогурта, и ещё почему-то пришло на ум пить гранатовый сок, а ведь прежде никогда о нём и не думала.

– Что с тобой? – поинтересовалась подруга, глядя, как Люба жадно уплетает диетический продукт.

– Понятия не имею, на нервной почве, наверное. Переживаю за Вениамина Кузьмича, давление скачет и вообще...

– Нам надо сходить в тир и выпустить пар, – неожиданно заявила Жоркина, наливая коньяк в маленькую рюмочку. – Тебе нравится стрелять в тире?

– Да, – кивнула Люба, – только я там ни разу не была.

– Зайдём, – пообещала Ольга и вопросительно уставилась на Любу, задержав при этом руку с графинчиком над пустой рюмкой. – Будешь?

– Что ты, – испугалась девушка, – меня уже мутит, непонятно как.

– Тогда за тебя, – сказала Ольга, пригубила алкоголь и, положив на язык квадратик горького шоколада, озабоченно продолжила:

– И с чего вдруг тебя на йогурт прибило?

– Не знаю, – почему-то плаксиво ответила Люба, после чего зажала рот ладонью и опрометью кинулась в туалет, где её снова вывернуло наизнанку.

Жоркина стояла рядом и сочувственно курила. Свою красную сумку она повесила на плечо вместе с модной Любиной. Когда Люба наклонилась над умывальником, чтобы ополоснуться, Ольга помогла ей придержать волосы, затем подала бумажное полотенце, сорвав с рулона сразу несколько слоёв.

Несмотря на то что Люба побелела, как мел, Ольга не унывала:

– Токсикоз, конечно, штука неприятная, но современная медицина творит чудеса.

– Ты о чём? – не поняла Люба.

– Да всё о том же, – подруга набрала в пригоршню воды и отпила глоток, – УЗИ покажет, кого твой Кузьмич забубенил – мальчика или девочку.

У Любы перехватило дыхание, закружилась голова, и она в глубоком обмороке стала скользить по кафельной стене на пол.

Жоркина едва успела подхватить её за подмышки.

40

Уже неделю, как Люба взяла больничный и приходила в себя с помощью Ольги и Мотыля, который разбивался в доску, лишь бы угодить подругам – Жоркина на время поселилась в особняке Тырина, решив ни на минуту не оставлять Любу одну. С утра до вечера они крутили джазовую коллекцию, ели фрукты и ждали вестей из Америки. Но оттуда – чёрт возьми! – ни слуху ни духу. По вечерам всей толпой жадно просматривали программу теленовостей, однако про Кузьмича даже намёка не было.

Раз в день, после обеда, Витёк уезжал в женскую консультацию и привозил обаятельную патронажную сестру. Асель, так звали медичку, неутомимо нянчилась с Любой, словно с маленьким ребёнком. Она терпеливо разъясняла молодой женщине значение правильного питания и соблюдения режима, давала ценные рекомендации по подготовке к будущему материнству. На вопрос Любы,

почему врачи ошиблись, приговорив её к бездетности, Асель мудро отвечала: «Детей дают не врачи, а Бог».

На улицу выходить совсем не хотелось: собачий холод и пронизывающий ветер обтрепали ветви деревьев, тополя и клёны стали похожи на уродливые скелеты, а чёрные космы мокрых берёз навевали мысли о каких-то безумных старухах, с горящими глазами воздевающих костлявые руки к тусклому диску солнца в жуткой и непонятной мольбе. Но, несмотря ни на что, Асель заставляла Любу бродить полчаса, укрываясь капюшоном и зонтиком, в аллеях обнажённого сада.

Хорошо что дорожки были заботливо посыпаны речным песком с галькой, иначе бы не миновать девушке простуды из-за промокших ног.

Телефон Кузьмича по-прежнему не реагировал на отчаянные позывные, отправлявшиеся Любой в течение дня через каждые пять-десять минут. Неясные предчувствия угнетали и сводили на нет усилия окружающих вывести беременную из состояния апатии. А тут ещё спозаранок начались непонятные для Любы движения: Витёк старательно отводил взгляд в сторону и словно избегал общения, Ольга оказалась зарёванной, и даже толстый слой пудры ничего не смог с этим поделать; горничная, которую Жоркина специально наняла для наведения в доме порядка, ходила на цыпочках бесшумно, как тень.

Ожидали Жанболата, и, едва уселись завтракать, тот не замедлил явиться, подъехав к воротам на шикарном авто в сопровождении немногочисленной, но серьёзной свиты.

У Любы замерло сердечко, когда Жанболат подошёл к ней и поставил на стол коричневый кожаный портфель, тот самый, в котором Тырин возил важные документы и ключи от сейфа.

– Здесь, Любовь Анатольевна, активы и весь бизнес. По бумагам, – Жанболат протянул Любе доверенность на её имя и что-то в листках, написанное рукой Тырина, – вы теперь единственная наследница и хозяйка.

– А где же сам Вениамин Кузьмич? – прошептала Люба непослушными губами.

– Босс из окна небоскрёба выплыл, – мрачно сказал Витёк. – Скоро узнаем, кто помог, тогда не просто бивни из репы вышибем, а вместе с мозгами.

Жанболат укоризненно посмотрел на Витьку:

– Чего жути нагоняешь, ты же не Интерпол.

Не до конца понимая, что происходит, Люба пыталась взять себя в руки:

– Как это выплыл? Там что, наводнение или цунами?

– Конкуренты, – бесстрастно произнёс Жанболат, – поэтому мы решили установить круглосуточную охрану, а вот он, – Жанболат кивнул в сторону пожилого мужчины, одетого со вкусом и дорого, – поможет вам, Любовь Анатольевна, побыстрее войти в курс дела.

Жанболат открыл портфель, вынул оттуда бархатную коробочку и подал её Любе в раскрытой ладони:

– Это вам на память о нём.

Люба машинально приняла подарок, так же машинально открыла крышку, и в глазах вспыхнули изумрудные искры золотого перстня, который носил на безымянном пальце Кузьмич.

Зажав кулачком драгоценную вещь, Люба медленно подошла к арочному окну и отодвинула штору. Сначала сквозь слёзы она не рассмотрела ничего, но когда перестала плакать, увидела ослепительно белое покрывало, будто сава-ном укрывшее деревья и измученную преддизьем землю.

Снег продолжал сыпаться сверху огромными хлопьями, и Люба подумала: «Вот и закончилось бабье лето», а вслух сказала, опираясь животом на пластиковый подоконник:

– В июле всё будет по-другому.

г. Петропавловск.

Иосиф БРЕЙДО

И вечность за спиной...

В Боровом

Небес пронзительная просинь,
Мальки резвятся над водой
Под сенью древних скал и сосен,
Где жизнь счастливой чередой
Идёт. И вечность за спиной...
Так начинался день седьмой,
А дней всего-то было восемь.

Старый город

В дождливую погоду ломит кости,
Рубцуются всё медленнее раны,
Дурной травой заросли поляны
На старом и заброшенном погосте.
Здесь был ещё недавно город старый,
Он, в сущности, не протянул полвека,
Следов уже не видно человека,
И снесены землянки и хибары,
А в зарослях щеглы поют привольно...
Да, слава Богу, что по белу свету
Разъехались, кто выжил в ссылке этой...
Сюда не приезжали добровольно,
Но чтобы выжить, в землю зарывались,
Как много их осталось на погосте,
А у живых так часто ломит кости,
И очень долго не уходит старость.

**Иосиф
Вульфович
БРЕЙДО**

родился в 1947 г. в Киргизии на берегу озера Иссык-Куль. Окончил Ленинградский электротехнический институт. Служил на Тихоокеанском флоте. С 1974 г. постоянно живёт в Караганде и работает в государственном техническом университете заведующим кафедрой автоматизации производственных процессов, доктор технических наук, профессор. Публикации в книгах "Метки и осколки бытия..." (2002), "Наворожи, гадалка, нам..."

(2004), "Дорожная молитва" (2006), "Когда бы осень ни пришла..." (2010), в коллективных сборниках "Я вижу сны на русском языке" (2007), "Сквозь наслоения лет" (2009), в литературных журналах России и Казахстана "Сибирские огни", "Нива" и "Простор", в республиканских и областных периодических изданиях.

В.М.

Нарушить слово — проглотить отраву,
что сказано — быть сделанным должно,
тобою так давно заведено,
иные варианты не по нраву.

Чужие целовать не станешь губы,
чего бы ни шептал лукаво чёрт,
остались в Красной книге однолюбы:
они давным-давно наперечёт.

И кто с тобою рядом, тот под крышей,
когда вокруг хаос и суета,
здесь тихо и спокойно: неспроста
даровано тебе всё это свыше.

Конечно, слишком быстро мчится время,
часы безостановочно спешат,
блестит давно уже на солнце темя,
но долго пусть не старится душа.

Вот так случилось, что за двадцать лет
Мы затерялись в прошлом безвозвратно.
Не потому, что было всё приятно:
Мы плоть его — вот правильный ответ,
А прошлого для будущего нет.

Где превратилась речь в сигналы только
желаний тела жадных и простых,
и где забыт легко смысл слов иных,
а вместо школ дворцы возводят бойко
с благословения отцов святых,
подальше от центральных магистралей,
и обходя сторонкой казино,
не убивая время в домино:
меж этими и теми нам едва ли
найдётся место. Только всё равно,
печалась средь беспамятства глухого,
до шрамов, обожжённые огнём,
омытые слезами и дождём,
с наивной верой в первородство слова
ещё живём.

Если чёрный и глазастый мастодонт
По степному бездорожью танком прёт,
Встанет пыль до горизонта и столбом,
Там кочевник рвётся к цели напролом.
Поменял номад табун своих коней
На блестящий джип бензиновых кровей...
Может быть, вот так и надо рваться вдаль,
Только всё-таки коней немного жаль.

Качаются три пальмы за окном,
И слышен постоянный гул прибора,
Хоть толща туч пропитана свинцом,
Но изредка мелькает голубое,
Не то чтобы штормит, но нет покоя
Ни в море, ни в душе, и кажется тогда,
Так временами ветер страшно воет,
Что миг всего до главного суда...
И может, потому, само собой,
Из времени бегущего потока
Волною набегают за волной
Воспоминанья юности далёкой...
Рождённому в глуши провинциальной
И от столиц и от морей вдали,
Казалось, что моря и корабли —
Свободы верный признак и реальный...
С наивной верою промчались годы,
Ну вот и море, лишь подать рукой,
Но только, оказалось, до свободы,
Как в юности, всё так же далеко.
А видно, нет её и в дальних странах...
Коль сердцу больно и душа горит,
Свобода — не в морях и океанах,
И в прошлом и сейчас — она внутри.

Пойми, настала жизнь другая,
А наше время истекло,
Оно слепых нас довело
До самой пропасти, до края,
Да между пальцев утекло...
И снисходительные внуки,
Хоть заняты своей судьбой,
Пусть им и некогда порой,
Испытывая молча муки,
Долг исполняют честно свой.

К чему ворчать, нам было проще,
Когда на сорок лет вперёд
Расписан жизни смысл и ход,
Не надо мучиться о прочем,
И старикам всегда почёт...
Перемениться слишком поздно,
Менять других не хватит сил,
Так не тяни из близких жил
И не пугай гримасой грозной:
Живи как жил.

На весеннюю лужу глядя,
только грязь видит хмурый дядя,
но романтик об этой луже
гимн весенний напишет тут же,
И, наверное, оба правы,
если видят, что им по нраву.

Терял друзей, плодил врагов
И обижал бездумно милых.
Для глупостей и пустяков
Хватало времени и силы.
Растратил жизнь на дураков,
А на себя-то не хватило.

Язык безмолвный женских взглядов и улыбок
Для понимания мужского слишком зыбок...
Она причёски вдруг коснётся лёгким жестом,
Но глянет сквозь тебя как сквозь пустое место.
Пронзит до дрожи, до глубин коротким взглядом
И снова отдалит, но будет вроде рядом.
Не нужно слов, когда на грани и по краю
С тобою инстинктивно женщина играет.
Неважно, что она жена или невеста,
Господь не зря слепил из одного нас теста.
Она боится просто, но имеет виды...
Пойми её язык, и сгладятся обиды.
Когда усвоишь праязык Лилит и Евы,
Добьётся, наконец, чтоб ты открылся первым.
И ведь она права, она источник жизни,
Ей это право дал не кто-нибудь — Всевышний!

Дуракам закон не писан, если писан, то не читан,
Если читан, то не понят, если понят, то засчитан,
Дураку закон засчитан, значит, кто писал — дурак.
Да и где другому взяться: эдак смотришь или так.

Это было со всеми,
И происходит сейчас:
Мы убиваем время,
Оно убивает нас.

И где б ни задержался взгляд —
Везде привычная картина:
Баранами руководят
Самовлюблённые павлины.

Паразиты

Живёт себе: ни листьев, ни корней,
Сосёт чужие соки всё сильнее
До той поры, покуда зелен лист,
Который он высасывает лихо.
Среди поэтов — это пародист,
Среди растений — это зарази́ха.

Неполноценность мучит нас, а при её наличии
один лишь маленький шажок до мании величия.

Лачуги жалкие, грязища, кругом развал,
Но всё прекрасно в королевстве кривых зеркал.

Попал в фавор или в опалу у сатрапа:
Ты всё равно зажат в его железных лапах.

Пусть вам подвластны страны и народы,
Людей судьба, рождение, исход —
Всё в вашей власти, — мнится вам порой,
Но отменить явления природы,
Весенний дождь и осени приход
Не в силах ни сатрап и ни герой
Любой божественной породы.

Девять встреч с поэтом

Так получилось, что моя последняя встреча с Владимиром Романовичем Гундаревым произошла 22 мая 2011 года. Я приносил ему на рецензию свой рассказ «18 километров и 14 минут, или Дорога домой». В этот раз, как и в прошлые встречи, состоялась душевная беседа о творчестве, о жизни, о планах на будущее. На прощанье Владимир Романович пожелал мне творческих успехов в прозе. Вдохновлённый встречей с поэтом, я даже в мыслях не держал того, что эта встреча может оказаться последней. Не было никакого предчувствия непоправимой беды.

Первая встреча с Гундаревым состоялась 30 марта 2004 года. Когда мне позвонила поэтесса Смирнова Людмила Васильевна и сказала, что есть возможность встретиться с Владимиром Романовичем Гундаревым, я не поверил, что это в принципе возможно. Что известный казахстанский поэт и публицист, главный редактор республиканского литературно-художественного и общественно-политического журнала «Нива», автор стихов знаменитой песни «Деревенька моя», с его колоссальной занятостью, уделит нам внимание – да это из области фантастики! Но ничего в жизни невозможного нет! Встреча состоялась у него в офисе по улице Бейбитшилик в здании типографии. Так как поэт был очень загружен, он сам назначил нам время аудиенции (так было всегда и в последующие встречи). Конечно, я сильно волновался, но как только мы переступили порог его кабинета, собрался, сконцентрировался и старался не показывать свои эмоции. А они меня переполняли. Напрасно я переживал, встреча прошла в дружеской атмосфере, полчаса, которые поэт нам уделил, пролетели как одна минута. Я подготовился к встрече и захватил с собой его поэтический сборник «Продолжение жизни» (издательство «Жазушы», Алма-Ата, 1987 г.). Когда я попросил сделать дарственную надпись в книжке, он был приятно удивлён, что до сих пор этот старый экземпляр хранится так бережно. Сказал, что у него осталось два экземпляра, один он отдал в архив редакции журнала «Нива».

Владимир Романович сделал в книжке такую надпись: *«Сергею Яковлевичу Колесникову – в память о знакомстве, весьма приятном, с признательностью за то, что так долго хранит эту книжку, с сердечным пожеланием успехов в творчестве. Вл. Гундарев. 30.3.2004 г. Астана».*

В конце встречи, как и договаривались ранее, я отдал ему свой первый поэтический сборник «Белый штрих», вышедший в 2003 году в издательстве «Парасат», и попросил дать свои замечания и советы. Владимир Романович обещал позвонить после того, как прочтёт книгу.

Я ожидал новой встречи с поэтом, надеясь, что она состоится скоро, но она произошла только 4 июня 2004 года. В томительном ожидании прошло более двух месяцев. Как и первая встреча, вторая пролетела так же быстро, только в этот раз эйфория улетучилась сразу. Я получил уйму критических замечаний, советов о необходимости работы над правильностью размера, тактом и точностью рифм. А

замечания и советы такого мастера пера, как Гундарев, были бесценны. Владимир Романович отдал мне мою книгу со своими пометками, а взамен попросил подарить ему другой экземпляр этой же книги с дарственной надписью. Я так был взволнован, что совершенно не помню текста, но слова были от всего сердца. Много работы впоследствии я проделал над своими стихами, пока не добился удовлетворительного результата. Итог этой работы – диплом лауреата поэтического конкурса газеты «Столичный проспект» (сентябрь 2005 г.).

Третья встреча состоялась 12 ноября 2004 года в Русском драматическом театре им. М. Горького на творческом вечере «Я живу на планете Любви», посвящённом 60-летию поэта. На память о том вечере у меня остался пригласительный билет Департамента культуры города Астана с дарственной надписью поэта: *«Сергею Яковлевичу – участнику данного творческого вечера с самыми добрыми пожеланиями творческих успехов, счастья и здоровья, новых хороших стихов. Гундарев»*.

Четвёртая встреча произошла 28 октября 2006 года на презентации-возрождении клуба творческой интеллигенции г. Астана «Вдохновение», почётным гостем которого был В.Р. Гундарев. После презентации мы поговорили с Владимиром Романовичем, он поинтересовался моими успехами в поэзии, на работе, спросил, как в семье. Он всегда был внимателен к собеседнику.

Пятая встреча состоялась 8 декабря 2004 года, по предварительной договорённости, я приехал к В. Гундареву в офис и отдал ему подборку своих стихов. Он пообещал выбрать лучшие и опубликовать в журнале «Нива». Мы поговорили о поэзии, о его творческом вечере в Русском драматическом театре. Затем он сделал надпись на принесённом мной пригласительном билете с этого юбилейного вечера.

Я старался ему не докучать и позвонил только 19 июля 2005 года, чтобы поздравить с днём рождения. Владимир Романович поблагодарил меня за внимание и сообщил, что в седьмом номере журнала «Нива» за 2005 год напечатаны мои два стихотворения. Это было приятным для меня сюрпризом, радости не было предела. В ответ я высказал ему слова благодарности.

Следующая, шестая встреча доставила радость общения через шесть лет, 19 июля 2010 года в день рождения Владимира Романовича, в новом офисе, что расположен по проспекту Победы. До этого были только телефонные звонки. На встречу с поэтом мы ходили с Людмилой Васильевной Смирновой. Офис расположен на первом этаже жилого дома. Из форточки доносился запах приятного табачного дыма, Владимир Романович был заядлым курильщиком, но курил он не простые сигареты, а трубку. Табак употреблял какой-то особенный, душистый, запах которого пьянил голову. Сам я давно бросил курить, но этот запах табака мне был приятен.

Владимир Романович открыл дверь и как добродушный хозяин пригласил нас пройти внутрь офиса-квартиры. Усадив нас, поинтересовался, как добрались, дал время на адаптацию, и только после этого стал нас внимательно слушать. Людмила Васильевна прочитала свои поздравительные стихи, затем я посвятил поэту стихотворение и эпиграмму. Он с

благодарностью принял поэтические поздравления и был очень рад нашей встрече и открыт в общении. На прощанье подписал мне книгу Сергея Котлярова «Футбольный мяч с острыми углами»: *«Страстному футбольному болельщику Сергею Колесникову, с искренними пожеланиями. Вл. Гундарев. 19.07.2010 г.»*.

Следующая встреча состоялась 12 февраля 2011 года, в связи с выходом в свет его книги «Душа стремится к небесам...». На встречу с поэтом мы вновь отправились с Людмилой Васильевной Смирновой. От всей души поздравили Владимира Романовича с выходом очередной его книги. С пустыми руками он нас не отпустил, подарил по экземпляру своей новоиспечённой книги с дарственной надписью. Я эту книгу храню как святую реликвию.

«Сергею Колесникову – с добрыми пожеланиями творческих успехов в прозе и сердечной благодарностью за стихи, посвящённые мне. С уважением, Вл. Гундарев. 12.02.2011 г. Астана».

Предпоследняя встреча с поэтом состоялась 6 марта 2011 года. Мы с Людмилой Васильевной представили ему свои рецензии на его книгу «Душа стремится к небесам...». Гундарев поблагодарил нас за оказанное ему внимание и сказал, что у него скопилось много таких работ, есть намерение когда-нибудь их выпустить отдельной книгой.

За последнее время я увлёкся написанием прозы, и мне необходима была творческая критика моих творений, в особенности такого мастера пера как Гундарев. Мне запали в душу его слова: «Если есть желание писать прозу, то обязательно пиши, успехи никуда не денутся, они обязательно придут».

25 августа 2012 года Владимир Романович Гундарев скоропостижно скончался на 69-м году жизни. Об этой печальной новости я узнал, будучи в Новосибирске, крае, где родился замечательный русский поэт В.Р. Гундарев.

Я благодарен судьбе за то, что был знаком и общался с этим великим человеком, он был для меня наставником и учителем.

Сергей КОЛЕСНИКОВ .

г. Новосибирск.

Марат ИСКАКОВ

Долг памяти

Акбастау остался позади. Приехали домой. Двери открыты настежь – и так всегда. А если в нём ещё и твои близкие, то дом – твоё сокровище, полон радости. Избыток ответных чувств охватывает тебя. Постепенно они, конечно, улягутся где-то в глубине твоего подсознания, а вернее, сердца. Так я думаю. Когда-нибудь вырвутся наружу, на свободу. И тогда какими они будут? Обветренными, злыми, не помнящими себя, своё прошлое, или светлыми, несущими луч торжества и искренней благодарности той сцене жизни, занавес над которой давно опустился и ты уже, словом, «актёр», да не тот.

И ты, и только ты имеешь право через годы и расстояния коснуться того занавеса, раздвинуть его и приобщиться к тайнописи своей души. Вот так или почти так начнутся воспоминания из прошлого...

Прежде всего хочу сказать о своей матери. Её трудно описать. Вот даже сейчас с фотографии годов сороковых, хорошо сохранившейся, смотрит на меня её молодость.

Широкое лицо. Чёрные густые брови над слегка прищуренными карими глазами. Темноволосая. Заплетённые аккуратно косы, как водопадные струи, льются по спине.

В её характере превалировала одна особенность. Она ни перед кем не любила лебезить, стараясь кому-то в чём-то угодить, прийтись, так сказать, по душе.

Могла – чем очень отличалась от других – дать отпор, порою даже неожиданный, или отповедь вознёсшемуся нескромному и несносному говору.

Конечно, близкие люди знали её крутой нрав и небезосновательно остерегались.

В то же время мать моя была довольно доверчивой, проникалась искренней жалостью к униженным, как она считала, и обделённым, тем проявляла величие простоты своей души.

И тому подтверждений по жизни было немало...

Однажды мои родители, рано поднявшись, уехали в Караганду на так называемую «большую барахолку». Её постоянное место находилось в старой части города. Там шла бойкая торговля. Хорошие ходовые импортные вещи продавались из-под полы. Но в основном большая часть всех реализуемых вещей представляла, как бы ныне сказали, «бэу».

В выходные дни сюда съезжалась из разных частей довольно многолюдного города вся торгашеская «элита». Со своей продукцией животноводства и земледелия прибывали из отдалённых уголков и сельчане.

Конечно, все те, кого я включаю в торгашескую элиту того времени, не идут ни в какое сравнение с нынешними, более оборотистыми

торговцами, обретшими право открыто следовать своей цели. Поэтому я выражаю сожаление по поводу сказанного. Торговцы прошлых лет жили мечтою обеспечить себя, своих близких, окружение, то есть жить по-человечески, опираясь на существующую послевоенную экономику страны. С такими понятиями они стояли, безусловно, выше на голову нынешних, пропитанных вульгарным пониманием обеспеченности.

Их бросал на базар низкий уровень жизни, хоть и работали многие тогда, но нехватка ощущалась.

У нынешних дельцов главная движущая сила иная – ненасытность. Причём, площадка обогащения их гораздо шире – вся страна. Все частные предприятия и компании вроде ТОО, АО и так далее – это неперенные и непомерные источники доходов и прибылей...

Впрочем, от намеченного курса я отклонился. Возвращаюсь к исходной позиции.

Итак, родители вернулись с базара. Да не одни. С ними два человека. Моя мать, вижу, довольна. В чём же причина? Оказывается, дело в том, что эти двое – мейманы, то есть путники, находящиеся в дороге. Они были, по их рассказам, невинно осуждены в своё время. Только вот недавно реабилитировали их, оправдали и отпустили на свободу. Возвращаются в родные места.

Родители к мейманам проявили великодушие и пригласили домой. Да и по виду они были похожи на странников, измученных долгим пребыванием в дороге.

Но причина, побудившая к такому шагу, была ещё и другая. Путники сообщили, что наказание они в лагерях отбывали вместе с «врагом народа» Сакеном Сейфуллиным, что он жив и скоро его отпустят. От этих слов больше всего радовалась мать. И не случайно. Общая родословная единила мою мать с этим великим человеком где-то на дальних подступах – были они из одного рода.

«Слава Аллаху! – шептала она, вытирая накатывавшиеся на глаза слёзы, – Освободили!».

Позже выяснилось, эти двое, находясь в кругу доверчивых простолудинов, вели свой разговор не совсем искренне, возможно, с умыслом, а возможно, и нет. Как знать. Но тем не менее изюминка в разговоре их была: они говорили об известном всему бывшему Союзу человеке, чьё имя было опущено в недавнем прошлом и предано забвению как «врага народа».

Пробившись, как долгожданный луч счастья, это имя вновь всплыло в беседе у присутствовавших и затронуло их до самой глубины сердца. Это было незабвенное имя революционера Сакена Сейфуллина – известного советского писателя и поэта. Как позже стало известно, он был расстрелян ещё в 1938 году. Но о факте его смерти в подробностях никто толком не знал. И вот говорили те, видевшие его якобы собственными глазами. Как же этому было не поверить, да и на дворе стояла всеобщая по стране хрущёвская «оттепель», которая и способствовала этому. Из этого можно сделать и другой вывод: простые люди, то есть народ, помнят и чтят своих выдающихся сынов, насколько бы ни была глубока и продолжительна по времени приключившаяся с ними трагедия...

... А вот действо, которое было раньше, когда мы жили в старом городе Караганды. В один из погожих летних дней по нашему маленькому «аульцу» прошёл «большой» слух, что появился-де лекарь, умеющий снять, утихомирить и обуздать любые недуги.

Способы были у него разные: где настойками лечил, где заговором, а также в «запаснике» хранил шаманские приёмы, словом, если выразиться на нашем нынешнем языке, это был экстрасенс.

В общем, пошла молва, что он лучше нынешних докторов, до которых ещё нужно дойти, а знахарь тут, рядом. Сам объявился.

После таких слов и восторженных отзывов грешно не побывать у лекаря. Мать тоже поддалась искушению и поверила, что лекарь избавит её от боли в зубах, появившейся буквально недавно. А вообще-то она временами себя плохо чувствовала, с осени прошлого года. У неё тогда случилась внезапная потеря сознания. Растапливая с утра печурку в прихожей, она вдруг внезапно упала, как подкошенная. Я испугался не на шутку, хотя и растерялся, но побежал к соседям. Они оказали посильную помощь. Казалось, эта болезнь довольно скоро прошла. Но вот теперь начали побаливать зубы. Это тоже серьёзный недуг...

И мать пришла к нему на приём. Осмотрев её больные зубы, лекарь дал ей несколько остролистых пучков какой-то травы, усеянной чёрно-зелёными коробочками. От неё стоял какой-то дурноватый запах. Лекарь объяснил, как пользоваться этим снадобьем. Надо, мол, взять эмалированную чашечку с предварительно вскипячённой водой, опустить туда пару пучков травы и через некоторое время подышать над исходящим от неё паром, пропуская обязательно через рот.

Придя домой, мать немедленно приступила к лечению. Когда ей показалось, что она достаточно подышала паром, естественно, отодвинула чашечку. Но прежде заглянула в неё. И что же вы думаете? Она остолбенела! Там копошилась масса светлых мелких червячков. «Откуда у меня столько этих червячков, как я с ними ходила всё это время?» – подумала потрясённая мать.

Знахарь не был таким уж неосведомлённым человеком в свойствах лечебных трав и использовал их по назначению, в общем-то, «грамотно». Ведь растение-сорняк дурман действительно используется в медицине, а его белые и с неприятным запахом цветы в условиях плохой их сохранности портятся и обзаводятся такими вот червячками.

Однако на следующий день зубные боли у матери прекратились. Это было как библейское чудо. Невозможно объяснить. Выше всех в объяснении эффективности проведённой лечебной процедуры оказалась сама мать: «На всё воля Аллаха!». И на этом успокоилась и успокоила всех...

Первыми нашими соседями, когда мы стали жить в Малой Сарани, были калмыки. Вначале я думал, что они казахи, и только потом, спустя некоторое время, начал их отличать от «своих». Глаза с более узкими прорезями, более выдвинутые скулы лица, а у некоторых довольно плоский нос придавали им отличительные черты.

Мы общались. Жили дружно. У них был возле дома довольно большой огород. Вот где спорилась работа! Глава семьи в летнее время, можно сказать, постоянно находился там. Супруга хозяина от него не отставала. Это заразительно действовало подчас и на нас – на их сына, моего друга и на меня. Мы помогали им как могли, то брались за прополку картофельных рядков, то за полив, а то прореживали землянику, заросшую сорняками. Впервые я почувствовал настоящую связь с землёй, увидел как появляются тонкие побеги растений, раздвигают почву и затем становятся плодоносящими кустами и кустарниками.

Через некоторое время многие репрессированные народы стали возвращаться на свои исконные земли. Наши соседи тоже покинули нас. Отбыли в Калмыкию, по которой тосковали многие годы и часто вспоминали в своих разговорах. Мы понимали их ностальгию по родине, нескладную их судьбу. Сочувствовали.

Прощались с ними за нашим казахским столом – дастарханом и у них за калмыцким чаепитием.

Вспоминаю, как впервые попробовал калмыцкий чай. Это обыкновенный чай с молоком, как казахский, только добавляется туда щепотка соли. Конечно, приятного в моём представлении мало, но зато напиток национальный.

О подобном калмыцком чае есть упоминание и у Пушкина в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года»: «... в котле варился чай с бараньим жиром. Она (имеется в виду калмычка) предложила ковшик. Я не хотел отказаться и хлебнул, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что-нибудь гаже. Я попросил чем-нибудь заесть. Мне подали кусочек сушёной конины: я был тому рад»...

Вскоре появились новые соседи. Это была семья мастера буровой службы геологической партии. Вместе с ней жили его родители, а также братишка хозяина – моего возраста. Спустя незначительное время мы с ним подружились. Он был горазд на всякие выдумки и игры. Благодаря такой его «хватке», мы с ним в скором времени узнали весь наш посёлок, всю округу до самых излучин реки Сокур на юго-западе от места жительства до основания терриконника 120-й шахты (ныне «Саранская»).

Дороги, исхоженные нами, куда только нас ни заводили. Ознакомились мы вдоль и поперёк где с прямыми, где с кривыми, а где и с колдобинами улицами и переулками шахтёрского посёлка Дубовка, побывали на его «барахолке», обзоредали единственный в то время промтоварный магазин, а также успели узреть строящееся здание будущей средней школы № 2 города Сарани, в которой нам ещё предстояло учиться.

Побывали на поверхности таких шахт, как 120-я, 107-я, 101-я. Любовались надшахтными копрами. Они были для нас чем-то, поражающим наше сознание, видели шахтёров в касках с мигающими лампами, электровозы на поверхности с гремящими на стыках рельсов гружёнными и порожними вагонетками.

Видели с возвышенного места, на котором находилась наша школа в посёлке Дубовка, и посёлок Байтам, и Байтамовскую обогатительную фабрику.

Обратный путь наш лежал вдоль лесопосадочной полосы. С деревьев мы срывали съедобные серенькие ягодки...

На нашем пути давненько «сиротела» одна буровая вышка. Железный её каркас чернел в степи. Видели мы её и ранее. 24 метра её высота, говорили буровики.

Однажды всё-таки мы подошли к ней и решили «взять» её, как некую вершину, залезть на самый верх.

Пренебрегая опасностями, мы поднялись до верхней площадки. Как таковой её там не было, – деревянные настилы убраны, и на их месте зияла крутая пустота.

Но мы с товарищем довольствовались тем, что видели: окрестности, пусть с птичьего полёта, но высоты. Далеко во все стороны простиралась яркая синева. Всё это поражало нас и отпугивало. А вдруг – одно неверное движение корпусом тела, перевес его в ту или иную сторону от вертикали подъёма. Не так обхватил руками железную перекладину, ступил ногами – и так далее. Нет, мы об этом особо и не думали, иначе наше изначальное желание «взять!» не восторжествовало бы...

Отцу меня по своему характеру был довольно спокойным и сдержанным человеком. Противоположность матери. Умел выслушивать людей и давать дельные советы, когда в этом нуждались. Его уважали за это, и не только.

Он был достаточно грамотным для своего времени человеком. Я помню, какие книги проходили через его руки. Вот только некоторые из них, что на памяти: «Путь Абая», «Девять богатырей», «Манас», «Цусима». Сказки Шехерезады «Тысяча и одна ночь» были вообще настольной книгой. Эти сказки были доступны всем, кто слушал. Он любил их пересказывать в часы досуга, в длинные зимние вечера. Немало времени он посвящал чтению священного Корана, знал наизусть многие суры из него, давал толкования несведущим в шариате.

Рассказывал отец, что свои первые уроки знания получил у аульных мулл. Писать научился по-арабски, используя арабскую графику правописания. Когда он рассказывал о том времени, у него на лице была заметна слабая улыбка. Он вспоминал своих школьных ровесников, наказанных «светочами знаний» за их неспособность осваивать изучаемый предмет, вычитывать и произносить как положено арабские тексты.

Позднее, идя в ногу со временем, отец освоил латинский алфавит, затем и русский. Тем не менее считался малограмотным.

Зато его родственники были от него без ума. Авторитет!

Но он ничем не выказывал свою «особенность». Это было в его характере. Таков природный его склад. Однако люди, соприкоснувшись с ним хотя бы раз, сами убеждались в этом и выделяли его.

Однажды, в начале 1966 года, я стал невольным свидетелем того, как известный учёный-химик Е.А. Букетов, находившийся в гостях у своего земляка, нашего соседа по дому, главного геолога разведывательной партии С.Б. Байпакова, который позже много лет работал главным геологом п/о «Карагандауголь», а затем и компании ОАО «Миттал Стил

Темиртау», лестно отозвался о моём отце при всех присутствующих. Одобрительные возгласы послышались за гостевым столом. Это я помню хорошо.

Начальник геологической партии А.С. Сулейменов тоже не остался в долгу, одоблив слова гостя, тем более что моего отца он знал не понаслышке, а по длительной совместной работе.

Кстати, узнав, что я его сын и что буквально недавно окончил Карагандинский политехнический институт, а теперь собираюсь по направлению выехать на работу в посёлок Хромтау (тогда ещё не город) Актюбинской области, он пожелал мне здоровья, успехов и большого трудолюбия, чем бы я ни занимался...

Недалече от нас, ближе к конторе разведки, жили ещё одни наши знакомые. Глава семьи заведовал продовольственным магазином, который был чуть ли не единственным на всю разведку. А сын его Турсун, года на два старше меня, помогал ему. Но кое-что из общения с ним можно вспомнить. Почему? А вот почему: близких нам и знакомых в посёлке было предостаточно. Где-то поблизости, возможно, на другой улице и так далее жили и Дюйсены, и Утебаи, и Коваленко, и Юдины...

Знакомство с Турсуном позволило мне научиться играть на мандолине. Где он научился – не знаю, но играл он, как мне казалось, замечательно. Русские мелодии впечатляли, ну а частушки и музыкальные наигрыши были просто живыми и притягательными.

Металлические струны мандолины, кажется, одухотворялись. Они были равнодушны и к казахским мелодиям и песням, передавали бурю эмоций. Широко, как бескрайняя степь, разливались казахские народные песни.

Но однажды, безусловно под влиянием игры на мандолине, я потянулся к домбре, которая у нас постоянно висела на стене, на фоне ковра.

Что я помню ещё из общения с Турсуном, это то, что он оказался довольно неплохим игроком в шахматы. Я премного обязан ему за эту умную игру.

А вот играть в шашки меня научил отец. Это вроде на вид простая, но на самом деле сложная игра. Отец играл хорошо. Я почти всегда проигрывал ему...

У начальника геологоразведки, чью фамилию я назвал выше, были дочь Назия и сын Максут. Их было всего в доме четыре человека, учитывая их мать, тётю Катю, которая поражала меня всегда своей добронравностью и необычайной серьёзностью своих суждений о чём или о ком-либо. Она, как мне кажется, не умела давать плохие советы. Такой я её помню. Дружили мы с ними долго и вне «разведки», до середины 90-х годов. По возрасту Максут был младше меня на два года.

Познакомились с ним зимой в 1953 году, на ледяном катке возле водонапорной башни. К ней была пристроена баня.

Так сказать, «башня-баня» стояла на возвышении, на берегу местной малой речушки, о нраве которой я ранее рассказывал.

И вот зимой вдруг я увидел на катке «чужака», глазастого смутлого мальчугана. Он поднимался на горку, за ним на верёвке тащились санки. Пальто на нём, валенки на ногах – всё в снегу. Вот такую была наша первая встреча с ним. Через какое-то время, когда партия сдала в эксплуатацию сразу несколько двухквартирных домов по улице Геологической, наши семьи стали близкими соседями, а мы, дети, стали, естественно, ещё больше общаться.

Наши увлечения и занятия в те далёкие годы были самыми разными. С Максutom мы очень часто и долгое время засиживались за шахматами. Так было или у него дома, либо у нас. Он играл значительно сильнее меня. Мне всегда приходилось догонять его по количеству выигранных партий. Самое главное моё достижение со временем это то, что я стал меньше уступать ему.

Занимались и музыкой. Кстати, играть на баяне я научился у него. Он мне дал самоучитель игры на этом инструменте. Самостоятельно пришлось ознакомиться с азами нотной грамоты. Не шибко, но всё же получилось и это.

Сам же Максut хорошо играл и на аккордеоне.

Лето наше проходило не так уж скучно. Разве можно предаваться скуке, когда кругом такая благодать? Солнце светит, деревья благоухают. Мирная тишь да гладь. В это самое время с ватагой дружных поселковых ребят мы доходим до блистающих в степи рукавов реки Сокур, а в другие дни, поменяв маршрут, оказываемся у зоны отдыха шахтёров, что недалече от 120-й шахты.

А зимней порой мы совершали иногда глубокие лыжные рейды, не смотря на то, что погода не всегда была на нашей стороне.

Учился Максut на класс ниже меня, но в институт мы поступили в один год, на один факультет и, окончив его в декабре 1965 года, получили одну специальность. Но это уже отдельное повествование...

Екатерина МОСИНА

Когда реки текли в гору

Воспоминания о том, чего многие не заметили

(Окончание. Начало в №№ 1-3 за 2013 г.)

Как я не стала учёной дамой

Кроме сборника Габита Мусрепова я выпускала книги русскоязычных казахов: Бахытжана Момыш-Улы, автора из Уральска Энгельса Габбасова, декана факультета журналистики КазГУ Марата Барманкулова и немца Герольда Бельгера, критика, выросшего в Казахстане, отлично знавшего три языка: русский, немецкий и казахский. Его книга и называлась соответственно «Мотивы трёх струн». Работа с каждым из этих писателей была интересной, эмоциональной, запоминающейся. Также «моим» автором некоторое время был и киргизский писатель Чингиз Айтматов.

Роман Чингиза Айтматова «Плаха» выходил экспресс-методом. Тот же, как и при издании романа «Новое назначение» А. Бека, «молниеносный» проект, те же сроки и та же запредельная недоступность автора. Но Бек – умерший классик, а Айтматов был жив и готовился вступить или уже вступил в новую для него должность российского посла в Швейцарии. Кажется, этот классик общался только с кем-то из Госкомиздата, даже не с директором Саином Муратбековым. Хотя мне очень хотелось пообщаться с писателем, которого я любила ещё со школьной скамьи, ещё с его повести «Тополёк мой в красной косынке». Любила его произведения и моя мама, и как-то мне повезло купить его толстую-претолстую книгу, которую я подарила маме в день рождения. С того момента прошло очень много времени, уже нет в живых моей мамочки, но книга, которую ей тогда я подписала, так и стоит в шкафу старого родительского дома, порядком потрёпанная.

Очень хотелось увидеть вживую любимого писателя. Но книгу печатали с готовых фотоформ другого издательства. Это означало, что работы с автором не будет. И никаких изменений делать никто не будет. Только в исключительных случаях, при явных несуразицах можно вносить изменения. Я добросовестно читала корректуру и подписывала листы в свет. Хотя, умудрённая опытом работы с Бахытжаном Момыш-Улы, я жаждала спросить у автора, почему публикуется журнальный вариант его романа. Я надолго запомнила, как негодовал Бахытжан, когда ему предложили издать журнальный вариант его романа «Когда ты рядом».

Чингиз Айтматов для меня был недоступен, как снежные вершины гор, окружавших Алма-Ату. Книга вышла, издательство рассчиталось с автором по договору, который с ним был заключён. При этом никто и никогда не ставил в известность нас, коллектив, издававший книгу, сколько и когда автор получит свой гонорар. А нас это и не интересовало: зачем считать деньги в чужом кармане. Только директор издательства да бухгалтерия всегда были в курсе, кому и сколько выплачивалось. Я спокойно уехала в Воронеж, а спустя некоторое время наш младший редактор Алёна Швыдко прислала мне письмо. С некоторой долей злорадства она мне поведала следующее:

«На днях разыгралась буря по поводу выпущенного тобой Ч. Айтматова. Книга-то вышла урезанная, да гонорар автор получил сполна за 34 п. л. [печатных листа], две с лишком тысячи переплатили, и отдавать их он отказывается.

Лихорадочно ищут теперь виновного. Благодарю бога, что тебя здесь уже нет, а то бы угодила в долговую яму, вряд ли бы наскребла такую сумму».

Это дословная цитата. Алёна всегда была немного ядовитым человеком. У неё рано не стало матери, воспитывала её в основном бабушка, отец её, кажется, был журналист. И я всегда поражалась её жёсткости. Внешне она была просто красавица, как-то ухитрялась одеваться по моде и вполне прилично: дешёвых вещей у неё почти не было. Посмотришь на неё – просто божий одуванчик. Но мне довелось ближе с нею познакомиться, и я ценю это знакомство, поскольку мне приятна искренность людская. Но такое знакомство и позволяет мне сказать, что Алёна не даст себя в обиду ни при каких обстоятельствах. А это и хорошо. Она рано стала жёстко отвечать на наш несовершенный мир. Это значит, что наивной и доверчивой она никогда не была. Молодец!

С «Плахой», насколько я помню, как раз и было обязанностью младшего редактора считать объём произведения. Меня озадачило письмо Алёны. Этот объём считали ещё в предыдущем издательстве, откуда были взяты готовые формы. И она должна была знать об этом, поэтому писать мне такое «злорадное» письмо не стоило. Я тут была ни при чём.

Думаю, что ещё в предшествующем издании произошёл этот подлог: вместо полной рукописи взяли журнальный вариант, да так и запустили его дальше. А писатель предполагал, что ему оплачивается весь объём его романа. По-хорошему, тут крайний и есть редактор. Но я не представляю, как бы я смогла вмешаться в этот процесс. Издательство по производственной необходимости воспользовалось готовыми формами. Для того чтобы я, как редактор, поняла, что эти готовые формы не соответствуют полному объёму авторской версии романа, я, как минимум, должна была иметь и полный вариант и журнальный, чтобы могла предостеречь производителей, что они не те формы взяли. Но никаких вариантов не было. Мне принесли уже корректуру, которую даже сверять было не с чем.

Полагаю, что кто-то захотел издать роман автора, только предложив ему договор. Автор, подумав, согласился, но не догадался предоставить свой вариант рукописи. А тот, кто решил его издать, дал задание редакции добыть оригинал. Редактор пошёл простым путём, даже не догадываясь, что могут быть неприятности: он взял два экземпляра журнала и сделал расклейку. Затем роман был выпущен, объём никто не пересчитывал в предыдущем издательстве и оплатили столько, сколько было в договоре. У нас эти «готовые формы» решили пересчитать, оказалось, что это не тот объём, на который был заключён договор.

Мои действия как редактора этой книги должны быть такими. Сначала бы я должна была смотреть договор, о каком объёме идёт речь. Затем я должна была дать задание младшему редактору считать объём, чтобы убедиться, что это правильно. А тут оказалось бы неправильно, потому что был сокращённый вариант. И я должна была «лечь на рельсы»: либо требовать полный объём, что повлекло бы новую вёрстку и затягивание производственного процесса минимум на полгода, что, конечно же, не считалось бы уже экспресс-изданием. Либо добиваться изменения объёма в договоре, что в принципе было невозможно. Автор мог бы отказаться от издания, и тогда вся книга стояла бы под вопросом. Издательство не получило бы прибыли.

Вот к какой суете приводит первоначальная ошибка одного редактора и неумение директора, идущего на заключение договора, всё держать под контролем, полагаясь только на убеждение автора. Формально виновен редактор, но условия таковы, что исправить такую ошибку было бы невозможно, поскольку в издательстве была порочная практика «заламывания шапок» перед маститыми авторами.

В поезде «Алма-Ата – Москва» я всякий раз вспоминала знаменитого писателя. Он ведь не летает самолётом, а ездит только поездом. В своих черновиках я нашла запись об одной такой поездке. На память приходят отдельные эпизоды, но целиком картину восстановить уже невозможно.

Из черновиков:

Бедная скудная земля. Дома людей похожи на эти склепы, только там нет окон...

Уныл пейзаж за окном: пустыня, солончаки – ничего. Почти как на Боралы-Буранном. (Кажется, мы его проехали... Айтматов всегда ездит здесь, ...я сказала Женечке, чтобы он прочёл «И дольше века длится день»). По обочинам дороги встречались могильники. Если Кзыл-Орда старинная столица казахов (а их [захоронений] здесь больше всего и было), то следует предположить, как стары эти захоронения, не считая явно новых...

Тот пробел в общении с живым классиком Чингизом Айтматовым был частично компенсирован работой с казахским русскоязычным писателем Энгельсом Габбасовым. Его проза очень мне напоминала айтматовскую. Жил он в то время в Уральске, когда приезжал в издательство, то непременно заходил к нам в редакцию поздороваться. С ним было приятно работать: простота, уважение, отсутствие амбиций – это всегда располагает людей по-доброму. С ним мы выпустили две книги.

Из коллекции:

Одну из них «Маленький мальчик и двое мужчин» Энгельс Габбасович написал кратко, без лишних слов, но душевно: «Екатерине Ивановне – от всей души! Э. Габбасов, 27.10.86».

Мне всегда была важна книга, над которой я работала. Если писатель дарит её и делает интересную надпись, то это дорогого стоило. Таких книг в моей библиотеке много.

Даже названия его повестей: «Одно дерево на всю степь», «Зелёный лист на белом снегу», «В то лето и эту зиму» также длинные, многозначны и поэтичны, как у Айтматова. Похожесть изображаемых этносов также напоминает язык и стиль Айтматова. Но подражательности, а тем более мелкотемья в творчестве Габбасова я не обнаружила.

Кстати:

В сентябре 2007 года, когда я отдыхала в санатории имени Сеченова в Ессентуках, я страстно обращала внимание на восточные луноликие лица в надежде рассмотреть в них своих знакомцев из Казахстана. На вечере отдыха меня очень удивила одна казашка, которая изумительно пела национальные песни. Голос был чистый, сильный, свободный. Звуки песни в самом деле напоминали и соловья, и степной колокольчик, и переливы горной речки Весновки... Я спросила её, занимается ли она профессионально пением. Это было её хобби, а сама она работает экономистом. Но женщина была не из Алма-Аты, из Уральска. Обещала передать Энгельсу Габбасову от меня привет. Но это, скорее, только дань вежливости...

Издание книг русскоязычных казахских авторов было интересно тем, что я могла соприкоснуться с казахскими традициями и обычаями, отражёнными в их произведениях. Но сотрудничество с Маратом Карибаевичем Барманкуловым у меня вызвало совсем иные ассоциации, которые живо напомнили мне любимый мой Московский государственный университет, родной факультет журналистики и «свою» кафедру радио и телевидения. Ещё до поступления на

факультет журналистики МГУ школьницей я часто читала профессиональный журнал «Журналист», который мне очень нравился. Я прочитывала его от корки до корки и хорошо разбиралась в проблемах современной журналистики, получала некоторые знания, впоследствии мне так пригодившиеся во время обучения в Московском университете имени М.В. Ломоносова. Одним из постоянных авторов этого издания был Марат Барманкулов. Я запомнила это имя. И вдруг в тематическом плане издательства я увидела аннотацию на его повесть «Горный инженер». Конечно же, я взяла рукопись этого автора себе и стала над нею работать. На встречах с ним мы долго беседовали о нашей с ним альма-матер – кафедре телевидения и радиовещания журфака МГУ. Оказывается, он там в своё время учился в аспирантуре. Много говорили о преподавателях, о декане Ясене Николаевиче Засурском. Казалось, что нашим воспоминаниям не будет конца. Мне было интересно знать, что было на факультете до того, как я туда поступила, а Марату был интересен мой рассказ о моём курсе. Наверное, он понял, что я не забыла основы радиожурналистики, потому что предложил мне вести семинары у студентов журфака КазГУ.

Я была польщена и очень обрадовалась такому предложению. У меня образовался некоторый застой в моей жизни: брачные узы едва-едва держались, бесконечные простуды маленьких моих детей меня уже одолели совсем, карьерного роста почти никакого не было. Я как-то случайно встретила Гулю Тайжанову, бывшую однокашницу по МГУ, которая училась на два курса ниже меня. Она работала в издательстве «Казахстан», защитила диссертацию. Меня подзадорила:

– А ты почему не пишешь труды? Уже бы давно стала кандидатом наук.

И предложение декана факультета оказалось весьма кстати. Я робко высказала сомнение по поводу того, смогу ли я без аспирантуры вести семинары.

У Барманкулова всё решалось просто и быстро. Он часто ездил в Москву, в МГУ всегда встречался с профессором Засурским. Перед очередной поездкой он отправил меня в приёмную комиссию для сдачи документов. Затем на заседании кафедры утвердили мне научного руководителя, и я стала соискательницей. До сих пор лежит в моём архиве документ – выписка из приказа по Казахскому ордена Трудового Красного Знамени государственному университету им. С.М. Кирова от 04 ноября 1982 г. № 3-3050, в которой говорится: «Мосину Е.И. – зачислить соискателем для сдачи кандидатских экзаменов и написания диссертации по теме «Против информационного империализма» при кафедре телевидения и радиовещания с 20.10.82 г. до 20.10.1985 г. Научным руководителем назначить канд. филол. наук, доц. Барманкулова М.К. Основание: заявление тов. Мосиной Е.И., согласие зав. каф.». Подписи, печать. Заверено.

В одном из блокнотов читаю записи о впечатлениях от первого занятия и некоторые соображения.

«1984 год, 13 октября (суббота). Первое занятие в университете со студентами. Ещё вчера я звонила на кафедру, узнавала, что? когда? и как? Меня успокоила Жанат: «Ещё не скоро». А сегодня утром позвонила за два часа до занятий. Кто-то заболел, надо заменить. Но ведь я без подготовки! Всё позабыла. Да и дома много дел. Ведь суббота. Согласилась. В вихре вальса стала собираться, спешно искала книги, судорожно их хватала, раскрывала, пробежала строчки глазами – и ничто не шло на ум. А только мысль одна: что я им скажу? А самое главное – кто они? Равнодушные и тупые, или пижонистые всезнайки, молчуны? Или такие, как мои юниановцы – доверчивые, любознательные, доброжелательные. Ехала в троллейбусе, и опять эти вопросы: что сказать и кто они...

Хотела по пути прочитать что-нибудь полезное. Вытащила книгу из сумки и рукой махнула. Второпях прихватила не то, что надо было, какой-то «Телетатр». Зачем мне это сейчас? Всё равно на ум не идёт ничего.

Приехала. На кафедре меня начали напутствовать: «Что-нибудь расскажи об МГУ, радиожурналистике, практике...». И я пошла искать своих студентов и аудиторию. Пришла раньше них. Сидела и ждала. Наконец они собрались. Не все, а половина ожидаемых – 8 человек.

Проговорила я с ними весь час, прихватив и перерыв. Никакого волнения не было. Симпатичные, добрые, неравнодушные, отзывчивые. Они мне очень помогли. Так и прошло моё первое занятие».

Также сохранился и конспект на скорую руку, и даже списки присутствующих. Судя по этому конспекту, речь шла о профессии радиожурналиста. Хотя тогда она как-то «сникла» на фоне теле- и газетной журналистики. Каналов общедоступных, кроме «Маяка» и первой программы, почти и не было. Но нас в университете преподаватели учили, что лучшей профессии нет в журналистике как радиорепортёр. Спецкурс у нас вела Вера Соколовская, которую я слышу и сейчас иногда на радио «России», спустя 25 лет после нашего выпуска. Встречи с классиком советского радиовещания и основателем династии радио- и тележурналистов Аркадием Ревенко запомнились мне с его коронной фразы: «Работать на радио радостно». И это я тоже должна была передать студентам, которые смотрели на меня с любопытством и ожиданием открытий.

«Что для вас радио? Если случайность, то это и козняязычие, и серость, и горе корреспондента, а каково тому, кто его слушает? И о путях профессиональных: если идти торной тропой, то вряд ли что-либо новое скажешь. Пути у радиожурналиста могут проходить и там, где до него никто не ходил. Шире надо смотреть. Ведь мы – глаза и уши народа, который хочет знать о себе всё до мелочей».

Также я говорила им о важности чувства уверенности в магнитофоне, с которым работаешь, об умении «разговорить» собеседника: «Не спешите задавать самые главные вопросы сразу, побеседуйте с человеком перед микрофоном, он сам и раскроется». О своём опыте рассказывала, как делала радиопередачи, какие были у меня промахи.

Студенты с интересом слушали, что я им говорила об учёбе на журфаке в МГУ и о кафедре радиожурналистики, и своим вниманием меня очень ободряли. На следующее занятие уже пришли все, кто был в этой группе. Они мне напоминали моих «юниановцев», которые были у меня, когда я училась в десятом классе моей родной шестой школы в Калаче. Это был юнкоровский клуб «Юниана», созданный мной после прочтения книги о Елене Ширман, ростовской поэтессе, руководившей таким же клубом ещё до войны.

В течение трёх лет я должна была сдать кандидатский минимум и написать диссертацию, которая была посвящена современному информационному империализму. В Москве Марат Карибаевич получил одобрение и утверждение этой темы у самого Ясена Николаевича Засурского, декана факультета журналистики МГУ, причём, как Барманкулов мне объяснил, такое бывало редко, чтобы тему признали сразу интересной и редкой.

Правда, до этого у меня были несколько иные планы и мечты. Поскольку я в Алма-Ате была очень несчастлива в браке и всегда ощущала одиночество вдвоём с мужем, без поддержки родных и самых близких мне там делать было нечего. Ни хорошие соседи, ни закадычные подруги, ни многочисленные добрые знакомые, ни даже любимая работа от душевного одиночества не спасали. Было желание уехать от всего, что тяготило, и сменить обстановку. Гуля Тайжанова подала мне интересную идею с аспирантурой, и я уже стала строить планы: как уеду в Москву, вернусь в свой любимый университет, который мне всегда снился, а тогда – особенно часто. Пока я мечтала, наводила справки, появился М. Барманкулов, и мои планы в отношении аспирантуры были скорректированы.

На работе мне дали разрешение отлучаться на час в неделю, чтобы вести семинары. Я обнаружила в своих бумагах даже заявление директору издательства «Жазушы» С.М. Муратбекову, где я прошу «разрешения на преподавательскую работу (1 час в неделю) в КазГУ по специальности, связанной с темой моего кандидатского сочинения».

Кроме моей подписи, на заявлении ещё стоят четыре: заведующего редакцией, зама главного редактора, главного редактора и, наконец, директора. Отчего оно у меня хранилось? Наверное, для того, чтобы в любой момент я могла оправдать своё отсутствие на работе. Хотя я этим никогда не злоупотребляла. Из-за болезней детей, а потом и своих, я и так много пропускала.

Ах, как крылаты были мои замыслы! Но как всё прозаично происходило в жизни. Начиналась осень, холода, дети простуживались в детсаду, сначала заболела младшая, дочь Алина, за ней – сын Саша, а после них – я. И так месяц за месяцем – до самого тепла. На лекции по философии ходить я не могла, а преподаватель был строг и всем «прогульщикам» обещал несдачу минимума. Его слова мной воспринимались всерьёз, и я прекращала свои посещения, надеясь, что со следующего первого сентября не пропущу ни одного занятия. Наступал сентябрь, и всё повторялось: простуды детей, мои болезни... Я даже работу по редактированию книг делала дома. Конечно, старалась, чтобы никто не чувствовал моего отсутствия, делала объёмы гораздо больше всех нормативов, существовавших для издания книг...

В общем, учёной дамы из меня не получилось. Возможно, я не приложила всего максимума своих усилий, чтобы сдать тот злополучный кандидатский минимум.

А лестница останется ль пуста?..

Жизнь в Алма-Ате не ограничивалась только работой, хотя она была для меня едва ли не самым важным способом существования – моя работа. Я часто ловила себя на том, что идя в издательство, пою песни. Такого не было ни до того, ни после. Какие бы склоки и склочки ни происходили в нашем «серпентарии», это нисколько не портило мне жизнь. У меня была другая тягость, которая вошла в такую стадию, когда невозможно было «собрать в кучку» свои мысли, нельзя было сосредоточиться на каком-нибудь деле, не было ни оптимизма, ни каких-либо планов... Это моя болезнь, возникшая, как мне казалось, на пустом месте. Но была она тяжёлой и, как говорила моя коллега Фаина Резвановна – продолжительной. Говорила она это так, что можно было начинать фразу, как в некрологе: «После тяжёлой и продолжительной болезни...» (Бывают и такие добрые люди, когда их доброта лучше бы оставалась простым равнодушием...).

Но всё же мне несказанно повезло. Я ли нашла себе врача, или это он почувствовал, что мне очень плохо, но в жизни моей был и остаётся Иван Павлович Коркан. Остаётся – с доброй памятью и бесконечной ему благодарностью, а был – с живым участием и сопереживанием моей беде. И я не могу не посвятить ему главу в моих воспоминаниях.

Мои нервы не выдержали, когда добрый, но дотошный Данечка Вигдорович, молодой кандидат медицинских наук, задал мне многозначный вопрос:

– А вы знаете, в каких случаях назначают капельницы с пять-фторурацилом?..

Поэтому когда я в очередной раз попала к своему лечащему врачу Ивану Павловичу Коркану, то просто закатила истерику:

– Мне одно «светило» медицинское сказало, что у меня рак. Почему вы мне об этом не говорите?

Иван Павлович моментально нашёл, что ответить:

– А ваше «светило» кто по специализации?

– Диетолог.

– Ну так если бы он был хирургом, то знал бы, что этот препарат мы назначаем и при сильнейших воспалениях жекатэ, что у вас и наблюдается.

Умнейший и любимейший из всех моих лечащих врачей Иван Павлович успокоил меня сразу. Но, если подумать, то такое воспаление всех внутренних органов – это ведь тоже следствие какой-то болезни их.

Об Иване Павловиче Коркане стоит рассказать отдельно.

Мой милый доктор! Он искренне старался вытащить меня из небытия, в которое я погружалась, стремительно и верно. Что это было? Я до сих пор не могу точно определить, что со мною случилось в Алма-Ате. Моя знакомая, помогающая мне устроиться в столице Казахстана ещё по нашему с мужем приезду, Таня Шурдук как-то увидела меня уже после развода и высказала предположение, что кто-то навёл на меня порчу... Не буду развивать мои подозрения, хотя основания есть.

Но здоровье, которое уже беспокоило меня ко времени развода, стало ухудшаться стремительно. И куда только меня ни отвозили на «скорой», где только ни пришлось лечиться. Но хорошего отношения к себе я не чувствовала. Сказать, что казахи не спешили оказывать мне помощь, это значит осложнить национальный вопрос. Думаю, этот вопрос касается всего здравоохранения, где много случайных и чёрствых людей, как и везде у нас. Но и профессия такова, что требует жертв: либо это должен доктор жертвовать своим здоровьем, либо жертвой становится пациент, что чаще всего и происходит.

Когда я жила в Алма-Ате, я написала статью о милосердии, в которой размышляла об отношении тех, кто лечит, к тем, кого лечат. Слово «милосердие» в 1987 году вслух ещё почти не произносили. Примерно в это время у нас стали говорить о матери Терезе и Ордене Милосердия. Моя статья, как у меня часто бывало, оказалась преждевременна. Как-то поэт Александр Шмидт, работавший в то время в журнале «Простор», предложил мне написать об Афганистане и солдатах-афганцах. Это было конкретное задание. Саша сжалился надо мной, хотел как-то помочь материально. Но не судьба. В статье я поставила вопрос ребром: кому это нужно? Я задавала этот вопрос героям моего повествования. Мальчики объясняли, но как-то неискренне. Статья была преждевременна, её Саша не напечатал. Не взяли и «О милосердии и не только о нём» в публицистический сборник «Вдохновение», который ежегодно издавался в издательстве «Жазушы», а я настаивать не стала, хотя вижу, что напрасно. Эту статью я написала, вдохновившись общением с моим любимым доктором Иваном Павловичем Корканом.

Я попала в очередной раз в стационар, и это оказалось третье хирургическое отделение двенадцатой горбольницы. Врач, молодой казах, назначил стандартное лечение, которое не давало никаких результатов. Пробыв в отделении положенные три недели, я выписалась в «удовлетворительном состоянии». И неудивительно, что уже через неделю меня опять привезла «скорая» по совпадению графика дежурства в то же самое место.

Во время «профессорского» обхода, который практиковался в этой больнице раз в неделю, один молодой доктор из его свиты как-то пристально и совсем по-особому посмотрел на меня. До этого взгляда меня уже ничто не интересовало, от постоянной боли моё внимание ни на чём долго не сосредотачивалось. А тут вдруг глаза, запавшие в душу. Я полагаю, что доктор, обведя взглядом нашу палату, нашёл мои глаза самыми потухшими. Я была почти его ровесница, ему тогда было около тридцати пяти лет. Думаю, что тут он и

проявил своё милосердие: увидел, что молодая и вполне ещё живая женщина лежит с безучастным взглядом и дожидается своей очереди, когда к ней подойдёт профессор со свитой, он решил как-то «реанимировать» эту безучастную страдальницу. Это ему удалось сразу же. Врач был молод, симпатичен, с карирами блестящими глазами. Не надо думать, что мы были порочны, обмениваясь взглядами. Со временем всё прояснилось, а я теперь считаю, что такого доктора мне послал Господь.

Я уже готовилась уходить в мир иной. Даже свои беседы с писателем Владимиром Берденниковым о Вселенском Разуме стала прокручивать в уме, как идеефикс: не страшно умирать, когда тебя ждёт этот Вселенский Разум, и ты своими мыслями присоединишься к нему, и тебе откроется Сокровенная Тайна, Абсолютная Истина!

Это даже интересно умереть. Ведь мне станет известно всё, что каждый обо мне думал, откроются искренность и лицемерие друзей. Не знаю отчего, но именно это меня более всего волновало в молодости. Наверное, оттого, что я ещё не умела разбираться в людях, и меня часто они разочаровывали. Интерес к познанию Абсолютной Истины был настолько велик, что я уже почти не огорчалась, когда видела мрачные сны, возвещающие о моём смертельном заболевании. Сны свои я запомнила и помню до сих пор, хотя прошло с тех пор двадцать лет.

Кстати:

Первый сон.

Чёрный Мрак и чёрный Ворон. Как можно спать и о каком отдыхе можно говорить, если, закрыв глаза, я вижу черноту – вечный Мрак, ощущаю в этой черноте мягкие взмахи крыльев чёрного Ворона. Я его не вижу, потому что чёрное в чёрном не различишь. Но далеко-далеко – тут не скажешь на горизонте, его ведь тоже нет, – горит факел, его пламя колеблется вперёд, словно тянет сильной струёй сквозняка. Факел – как призыв идти к нему, как знак, указующий выход из страшного Мрака. Мой сон прерывается, я в ужасе не могу долго уснуть.

Второй сон.

Ильинка – родовое село моих предков по отцовской линии. Ильинское кладбище, разрытые могилы моих бабушки и деда. Я стою на краю ямы, вот-вот готовая в неё упасть. Но из могилы моя бабушка сердито мне говорит: «Иди отсюда, тебе рано. Уходи!». Я помню запах чабреца, который растёт на кладбище, различаю окраску трав и цветов.

Третий сон.

Всё та же Ильинка. И то же кладбище. Оно там совсем рядом с домами. Только единственная улица отделяет его от дворов. Мимо этого унылого места едет телега. Лошадью правит Сергей, мой троюродный брат, трагически погибший в восемнадцатилетнем возрасте. В телеге сидят его дед с бабкой, которые тоже умерли. Ещё кто-то, кого тоже нет в живых. Повозка едет не спеша по улице, старики сидят в ней. Куда их везёт Сергей, куда они едут? Я стою на обочине и жду, когда же они остановятся и возьмут меня. Не остановились, не посмотрели в мою сторону, да и вообще меня не заметили. А я ждала, но когда не остановились, я пошла по дороге в противоположную от них сторону.

Совсем недавно я узнала о тайне своего первого сна. Оказывается, в православии чёрный ворон – символ жизни, стремления к ней. Так что первый сон очень символичен, он воистину – пророческий.

Я выжила. Меня возвращал к жизни мой милый и любимый доктор Иван Павлович, который к тому времени ещё не был моим лечащим врачом. Меня лечил интерн, молодой казах. Лечил по учебникам, не поставив окончательно диагноза. Наступил срок моей выписки, а у меня как болело, так и осталось.

Но три недели «койко-дней» были исчерпаны, и меня «выбрасывали» под наблюдение участкового врача. Хорошо что дети были у мамы в Калаче, и я была за них спокойна.

После профессорского обхода и того взгляда, так меня смутившего и заставившего думать о докторе, с сочувствием посмотревшем на меня, я стала разведывать, какую палату он ведёт, какая у него специализация, да и кто он вообще. Оказалось, что он уже кандидат медицины и работает над докторской диссертацией. Оказалось, что мой лечащий интерн пишет кандидатскую под его руководством, хотя официально был руководителем профессор, делавший обход. Оказалось, что Коркан – это молдаванская фамилия, следовательно, и мой любимый доктор – молдаванин. Но самое главное – это был хороший доктор, безотказный, и никто ничего о нём не мог плохо сказать.

Следующий приступ болезни не заставил себя ждать долго. Он случился через неделю после моей выписки. По счастью, дежурила та же больница и та же хирургия. Я лежала внизу в приёмном покое под капельницей с 5-фторурацилом. Боль постепенно утихала и проходила мерзкая дрожь, налаживалось дыхание. Ко мне пришла дежурная докторица, которая оказалась профессором. Она сделала в моём лечении открытие, спросив, не падала ли я навзничь спиной. И я вспомнила, что в Орле мы шли с мужем по скользким заснеженным ступеням, сапоги были на каблуках, и я упала не только спиной, но и затылком об эти ступени. Муж не успел поддержать, кажется, даже не сделал попытки. Было больно, но терпимо.

Докторица сказала, что характер моего панкреатита похож на травматический. Тогда я особенно не придавала словам доктора значения. Но она – умница, коль об этом спросила. Ни до неё, ни после никто об этом не спрашивал. Даже мой любимый доктор. Наверное, мало кто знает, что бывает травматический панкреатит. (Оказывается, не шаманы и колдуны были повинны). Только у меня не укладывалось в голове: упала я лет за семь до того.

После нелёгкой капельницы с цитостатиком, почти «химии», меня подняли в отделение. Медсёстры были знакомые, я попросила, чтобы меня положили в палату к доктору Коркану. Спасибо Саулеше, Гуле или Алме (я теперь уж и не помню имени сестрички), которая не стала упираться и указала мне свободное «койко-место». Как это обычно бывает, приступ застает врасплох, не учитывая дни недели. Была суббота. Вечер. Дежурный врач назначил лечение и ушёл. Я крепилась и ждала своего лечащего врача. Я о нём многое знала и много думала. Он обо мне даже не подозревал. Но когда в понедельник утром он делал обход, историю болезни он уже знал хорошо. Это был профессиональный доктор, он внимательно изучал истории болезни своих пациентов. Когда не нашлось лишнего флакона раствора для капельницы, он выговаривал медсестре:

– Мосиной чтобы все лекарства нашли. Она у нас самая тяжёлая. Выполняйте назначения.

Я почувствовала истинное докторское милосердие. Я знаю, что оно и было главнее всего в его отношении ко мне. Может быть, капельку я ему была симпатична, это допускаю. Может, я ему интересна была своей профессией, это в истории болезни тогда писали. Только для меня началась качественно новая медицина. Нет, дефицитными лекарствами меня не баловали, но лечили старательно, выполняли все предписания доктора.

Как потом я узнала, это было его правилом, и все его пациенты получали всё, что он назначал. Так что тут об особом ко мне отношении с его стороны речи не должно быть.

Кроме препаратов мне были назначены такие процедуры, как хвойно-жемчужные ванны, гипнотический сон, массаж. Я в больнице была, как в

санатории: едва успевала по кабинетам ходить. А после обеда ежедневные капельницы, под которыми приходилось лежать от двух до четырёх часов. Когда я освобождалась от лечения медикаментозного, начиналось лечение любовью. Тут не следует понимать превратно. Я была влюблена в своего доктора и жаждала его видеть. Но его рабочие часы в отделении были только до полудня. У меня хватало сил только добрести до лестницы, на которой я просто усаживалась в оконном проёме и ждала, когда же он пройдёт мимо, хотя прекрасно знала, что он уже ушёл.

Может, это глупо и наивно было, но я понимала, что эта любовь мне даёт. Впервые за долгие месяцы у меня появилось желание писать стихи. А это были признаки возвращения к жизни. Абсолютная Истина и Сокровенная Тайна – это хорошо, но лучше их постигать в процессе жизни, а не присоединившись безвременно ко Вселенскому Разуму. Ведь этот Разум мог меня и не принять, поскольку моего разума было маловато. Для меня Разум – это ведь не только знания, но и опыт. А закономерность жизни в том и состоит, чтобы мы, набравшись знаний и опыта, присоединили их туда, где собирается всё – во Вселенский Разум. В то время вряд ли я могла что-то туда вложить.

Так решив, что надо жить, любить, заботиться о детях, я стала потихоньку приходить в себя. Лёжа под капельницей, прилаженной на правую руку, я писала корявые строчки левой:

А лестница была пуста...

Это когда я кружила по ступенькам или сидела на лестничном подоконнике, не могла дожидаться своего любимого доктора. Зато он оставил на этой лестнице невидимые отпечатки своих шагов.

Шаги на ней твои остались...

И тихо в моём сердце неспроста

Две тоненькие ниточки сплетались...

Всё было правдой: эти две ниточки уже были, и они тянулись от моего сердца к его, и назад. А то, что я всё же зацепила и его ниточку, я очень хотела на это надеяться. События стали развиваться так, что у меня появилась и надежда, и глаза начали блестеть, и я уже хотела думать только о жизни и своих детях, которые были у мамы в России. Похоже, встреча со Вселенским Разумом стала откладываться.

Иван Павлович предложил мне редактировать диссертацию. Исключительно только на предмет русского языка. Я согласилась, потому что мне хотелось заниматься его делом, быть ему полезной. Но главное всё же здесь было то, что мои мысли из какого-то клубка стали превращаться в оформленные понятия, то есть моё рассеянное сознание концентрировалось на этой работе. До этого я ни на чём не сосредотачивалась. Начинала читать – и бросала, не понимая, о чём я читаю. Писать же вообще не тянуло. Даже письма детям получались короткими и как бы вымученными. А тут я могла вчитываться в какую-ту хирургическую заумь.

Но беда была в том, что режим дня в больнице не позволял мне засиживаться над работой, в палате выключали свет, из коридора тоже просили уйти в палату. Я сказала доктору, что у меня не получается работать, поскольку нет условий. Он тут же отдал мне ключ от своего кабинета, который по ночам был заперт. У меня появилось такое трепетное состояние, когда я садилась в кресло моего любимого доктора, за его стол и работала над его рукописью. Фетишизм сплошной! Конечно же, моя болезнь зашла очень далеко!

Как-то я пришла в его кабинет, а там, на столе, увядший букет из простых летников, украшенный зелёной аспарагуса, от которого у меня всегда наступает аллергия. Я засунула этот букет в мусорную корзину, а

потом подумала, что хорошо бы свежие цветы поставить в вазу. А перед этим моей соседке по палате дочь принесла прекрасные садовые розы. Я выпросила одну, самую красивую, для доктора, спрятала её под больничный халат, какой был на мне, и, порядком исколовшись о шипы, отнесла розу в кабинет доктора. Мне так не хотелось, чтобы о моих истинных к нему чувствах кто-нибудь знал.

Утром доктор попросил зайти к нему в кабинет, да я и сама готовилась отдать ему часть работы.

– Откуда здесь роза? – спросил он меня с лукавой улыбкой.

– У меня от вашего увядшего букета аллергия, пришлось выбросить. А роза взамен, – я чувствовала, что мои уши алеют, как и сама роза.

Иван Павлович ещё раз лукаво посмотрел на меня:

– Ой ли?..

Нет, нет, никаких рукопожатий, никаких поцелуев, ни намёков, ни просьб об уединении. Глаза говорили очень многое: и мои, и его. Мне было тридцать два, ему, думаю, около тридцати пяти. Я узнала, что он тоже учился в Москве. Как раз в том медицинском, который был неподалёку от нашего факультета журналистики. Мы ещё к ним ходили в анатомический музей во время начальной военной подготовки, где нам давали основы сестринского дела. И было это примерно в одно и то же время.

Свою жену, как говорили, дочь какого-то казахского чиновника, мой милый доктор встретил там, за нею и приехал в Алма-Ату. Где старательно делал свою карьеру, и карьеры ради, он ни на минуту не мог потерять голову. У меня не было ни малейшего шанса, да я и не претендовала ни на какую роль. Кем-кем, а разлучницей семей я никогда в своей жизни не была, и огорчилась бы, если б такое могло иметь место.

Мне, как в стихах у Новеллы Матвеевой, достаточно было и дырочки от гвоздя, на котором висел плащ любимого. Я же выискивала его следы на лестнице. Выписавшись из больницы, дома я долго не засиживалась. Болезнь не утихла, и снова «скорая» увозила меня в стационар. Теперь уже помня, что мой доктор при выписке сказал, что всегда надо настаивать на том, чтобы меня везли в любом случае только в его отделение, я объясняла фельдшеру «скорой помощи», что у меня есть лечащий врач, меня надо везти к нему. Мои последние два года жизни в Алма-Ате только и состояли из вызовов «скорой помощи», стационаров и капельниц. Да ещё были любимые сочувствующие глаза любимого доктора Коркана.

Как-то он мне посоветовал плавать в бассейне и при этом сказал, что и сам плавает. Я, сломя голову, помчалась покупать абонемент в открытый бассейн, где зимой плавала под звёздным небом, имея неумирающую надежду встретить там своего доктора. Но так ни разу и не встретила.

Потом он сказал, что бегает по утрам вдоль речки Весновки. Доктор жил недалеко, мой дом тоже стоял рядом с Весновкой. И я, нацепив тренировочный костюм, мчалась по первой травке вдоль набережной. Выгуливаемые собачки не понимали, что я бегу за тенью доктора в поисках своего здоровья, они со всех ног с жутким лаем кидались за мной. О! Чего только я не перетерпела из-за своей любви! Но это был сдвиг в сторону выздоровления, и я почувствовала в себе бешеное желание жить и наслаждаться жизнью! Спасибо моему милому доктору!

Как-то во время обхода я встретила своего избавителя едва ли не с истерикой – это когда мне другой кандидат медицинских наук, Данечка Вигдорович, задал такой жуткий вопрос:

– А вы знаете, когда назначают 5-фторурацил?

И я почти не слушала своего доктора, а твердила только одно:

– Делайте мне операцию. Я уже от боли не могу ни есть, ни спать.

Тогда Иван Павлович сказал:

– Вы думаете, это так просто сделать операцию? Давайте я вас с собой возьму, вы увидите. А потом мне скажете, будем ли мы и вас оперировать.

Сказано – сделано. Сестра-хозяйка выдала мне белейший новейший халат, колпак, бахилы, марлевую повязку. Оперировали мою соседку, у которой я брала розу для доктора. Я пошла в операционную. Да за своим любимым доктором я бы куда угодно пошла. А он, видя, что я неудобно стою, сказал:

– Подставку доктору! Она ничего не видит.

Я встала на подставку, но оказалась справа от стола, и я бы ничего так и не увидела, но Иван Павлович сам понял это и перешёл на другую сторону. Он стал делать операцию другой рукой: похоже, что мой доктор и левой и правой стороной владел одинаково. Делал операцию виртуозно. А мой первый в этом стационаре доктор-интерн ему ассистировал. Когда я увидела первые капли крови, мне стало плохо, комок подкатил к горлу, и закружилась голова. Я обернулась, чтобы видеть, куда могу упасть в обморок. Сзади у окна был чугунный радиатор: если бы случилось падать, то аккуратно головой об эту железяку. Потом я представила, что отвлечу доктора от операции, что моя соседка от этого может пострадать. Я взяла себя в руки: никаких обмороков!

Доктор провёл операцию блестяще, крови было мало, он шутил. Видно, что работу он свою делал с вдохновением и мастерством. Я что-то просила показать мне, он показывал, объяснял. Когда закончилась операция по удалению жёлчного пузыря, я даже задержалась с доктором, чтобы посмотреть, какие бывают камни внутри. Ассистент после окончания операции спросил у меня:

– А ты на каком курсе учишься?

Это так мне польстило. В тридцать два года я была похожа на студентку младших курсов мединститута. А мой любимый доктор похвалил:

– Вы себя вели мужественно. Я на первой учебной операции от кровищи потерял сознание. Но я старался сегодня, чтобы крови было мало.

Всё! С этих пор я стала сама едва ли не экспертом по удалению жёлчных пузырей. И после этой экскурсии уже не требовала «разрезать» меня, чтобы удалить мою боль.

Несмотря на все старания доктора, болезнь меня не покидала. Но меня держали только две вещи. Первая – это мысль о моих детях, как они останутся без меня. Вторая – это моя любовь к Ивану Павловичу, которую нормальной вряд ли назовёшь. Это был тот факел, который я видела во сне в самом начале болезни. И факел увлекал меня вперёд и манил. Я даже стала грезить наяву. Только закрывала глаза, открывалась дверь, и появлялся мой доктор. То, чего быть не могло, ведь это была дверь моей квартиры. Как только он присаживался на краешек моей софы, мы с ним беседовали. Никаких плотских сцен, как ни странно, не наблюдалось. Потом вдруг, предложив ему кофе, я вскакивала с постели, чтобы идти на кухню... Мираж исчезал. Я ещё никогда никого так часто не видела во сне. Он мне снился каждую ночь. Думаю, что на самом деле шла внутренняя борьба между болезнью и выздоровлением. Это то, что у Натальи Бехтеревой называется магией мозга.

Закончилась моя любовь гораздо быстрее, чем развилась. Я уехала в Ессентуки долечиваться. Получила там массу новых впечатлений. Заехала в Калач к детям и провела родителей. Проезжая через Москву, навестила московских родственников бывшего мужа. Их радушный приём меня растрогал. Возвращалась в Алма-Ату на поезде, почти трое суток. Впечатлений было много, после волшебной водички и строжайшей диеты наступило облегчение. С доктором мы не виделись больше месяца. Я о нём помнила, но успокоилась, с ума уже не сходила. Я отдавала себе отчёт в том, что это запретный для меня плод.

Однажды вечером в дверь позвонили. На пороге стоял Иван Павлович. Я была очень удивлена, потому что его я не приглашала, адреса ему своего не давала. Он смущённо улыбался.

– Вот, решил вас поведать, если вы к нам перестали ездить, значит, у вас что-то изменилось?

– Да вот, из санатория приехала.

Я предложила доктору чаю. Он аккуратно снял обувь, поставил в уголок. На нём были белоснежные носки, оттого мне и запомнились. Мы пили чай, разговаривали. То, о чём я так страстно долго-долго грезил, теперь происходило наяву: доктор ко мне пришёл, вдвоём мы пили чай и душевно беседовали. Но я была абсолютно спокойна. Настолько, что сказала:

– Иван Павлович! Я должна вам признаться, что вы меня вытащили из небытия на Божий свет. Я ведь так была в вас влюблена, как не бывает у нормальных людей.

Мой милый любимый доктор-умница заулыбался грустно и сказал:

– Я видел, что вы погибаете, решил вас влюбить в себя... Я старался...

Уходил он тихо и мягко. Аккуратно вытер рукой свои белые носки перед тем как надеть ботинки. Я такое никогда не наблюдала. Аккуратно проверил замки на своём чёрном кожаном «дипломате». Оделся. Движения мягкие, привычные жесты.

Отчего-то у меня осталось такое чувство, что всё он делал так, словно протестовал против этого. Мне показалось, он хотел остаться. Но я не предложила. Да и его карьера не давала ему расслабляться. Он ушёл к жене, к семье, к карьере. Ведь ещё никто не знал, что Советский Союз и его правила навсегда уходили от нас. И моему доктору, чтобы сделать свою карьеру, теперь не обязательно было быть примерным семьянином и безупречным коммунистом.

Случайно мы с ним ещё раз встретились возле гастронома, который был в нашем доме. Он меня окликнул. Встреча была радостной. Я ему сказала, что решила уехать из Алма-Аты, подыскиваю варианты обмена квартиры. Улыбка сошла с его лица, он растерянно повторил: – Уехать...

Потом сказал твёрдо:

– Не советую. Перемена климата вам не поможет.

Но я бы не была Катей Мосиной, если бы изменила своё решение. Я нашла вариант обмена квартиры в Алма-Ате на квартиру в Воронеже. И уехала. А строчки стихов, написанных корявым почерком, оттого что я писала их левой рукой, поскольку в правую была прилажена капельница (а ведь мой милый доктор левой рукой виртуозно оперировал!), остались долго в сердце, чтобы звучать там эхом сожаления:

Пылало море возле моих ног –
Шагнуть в него я так и не посмела.
О, милый мой, о, если бы ты смог
И первый шаг навстречу сделал!

Полагаю, что доктор всё же решился сделать этот шаг, но это уже были запоздалые цветы.

Из коричневой тетради:

«11 августа 1987 г. Алма-Ата. И опять из больницы. Лежала месяц. Всё там же, в 3-й хирургии. Неужели моя жизнь завершается? Ничего не сделано. 32 года – казалось всё ещё впереди. «Работать! Работать! Работать!» – это вчера чеховский дядя Ваня по ТВ в постановке Товстоногова, а дядя Ваня – Олег Басилашвили. Чудо!

Итак, работать! Но что делать? Опять влюблена. Сажу у телефона, как привязанная, и жду звонка. А он не звонит. Нервничаю. Не могу сосредоточиться ни на чём. Только и мыслей, что о своём любимом докторе Иване Павловиче...

Долго не писала стихов. А тут...

В московском парке у стен манежных,
Где толпы зевак бредут просто так,
Ты был с другою тихим и нежным,
Другую ты бережно нёс на руках.

А я сидела в стенах журфака –
Царевна в пыльном книжном плену.
Мы разминулись. И не заплакав,
Смирившись, пошла я не в ту сторону.

Дорога бежала и время летело.
Дерзкую зелень сменил листопад.
Вспомнив все песни, снова запела –
Это смутил меня грустный твой взгляд.

Мир раскололся! Всё было – прежде.
Новое сердце бьётся в груди!
Милый, любимый! Дай мне надежду
Рядом с тобою дальше идти.

20 сентября. Прошло достаточно времени. Можно бы и забыть его. Но никто так часто мне за один месяц не снился как он. Да и вообще никогда в жизни ни один мужчина не снился мне почти каждую ночь.

Как я Вам благодарна, Доктор! Пока я люблю – значит, живу.

Обычно, когда у меня зацветают комнатные цветы, кто-нибудь из хороших людей приходит в гости. А тут отцвели выскочки, кактусы, зацветают амариллисы. А ты не идёшь. Ты есть. Я думаю о тебе! Остальное ничего не значит. Только желаю большего. Ты сам сказал, что, хотя я маленькая, мне надо большую любовь...».

А лестница была пуста...
Следы на ней твои остались...
И тихо в моём сердце неспроста
Две тоненькие ниточки сплетались...

Пылало море возле моих ног –
Шагнуть в него я так и не посмела.
О, милый мой, о, если бы ты смог
И первый шаг навстречу сделал!

Теперь во мне тайфун забушевал
Пустых надежд, страстей и песен.
О, милый мой, о если бы ты знал,
Как жить хочу, как мир мне интересен!

А лестница?
Останется ль пуста?..

«Великий сатирик», или Долька арбуза

В нашей маленькой, состоявшей из трёх человек, но очень дружной семье, были свои традиции. Мой сын Саша определил всем собственные имена и графические изображения, – так сказать, родовые гербы. Начитавшись Фенимора Купера и насмотревшись приключений Гойко Митича в фильмах

про Чингачгука, он решил всем присвоить прозвища. Себя он называл Петушиной Шпорой, его символом была куриная лапа; Алина, его младшая сестрёнка, звалась Ясное Солнце, изображением её было солнышко; меня дети окрестили Великим Сатириком, моим знаком было что-то похожее на дольку арбуза – так изображалась улыбка. И так долго в нашей семье было, даже уже когда дети подросли, жили вдали от меня (потому что я часто лечилась в стационарах), мы переписывались и обязательно отмечали письма своими индейскими именами и знаками.

Конечно, великого сатирика из меня не вышло, но я писала какие-то рассказы на темы юмора, публиковала их в журнале «Шмель». Это знали на работе, и мне часто доставалось выпускать чей-нибудь сатирический сборник. Не всегда это доставляло удовольствие: хотелось более интересных и «престижных» авторов и книг. Но когда, переехав в Воронеж, я осталась без любимой работы и долго не могла найти хотя бы что-то, что отдалённо напоминало об обязанностях книжного редактора, то смогла оценить ту невосполнимую потерю, которая случилась в моей профессиональной деятельности. Всё, что было связано с работой над выпуском книг, стало дорогим и мило сердцу. А все авторы, с кем довелось работать, враз оказались для меня небожителями (а я так неосторожно сама себя от них отлучила).

Как-то в Воронеже у знакомых я увидела на полке книгу, которую выпускала ещё в Алма-Ате. Сердце защемило. Сатирический сборник московских юмористов-крокодилцев назывался «Сила смеха». Кто-то настойчиво проталкивал эти так называемые сатиру и юмор для издания в Казахстане. Всплывает в памяти имя художника Евгения Шабельника, который приезжал из Москвы в Алма-Ату, очевидно, чтобы участвовать в тиражировании книги. Он сделал весьма профессиональное оформление, но когда я в школе выпускала стенгазету, то наш художник Шурик Брёхов рисовал шаржи не хуже Шабельника. Помню, во время работы над рукописью мне было не смешно. Книга посредственная, но редакторское заключение должно было быть положительное – не восторженное, но допускающее такое издание. К тому же часто звонил какой-то автор из Москвы и всё боялся, что я исправлю текст, отчего никто не поймёт его юмора. Тот ещё был зануда! Марк Виленский, кажется. У него и рассказ назывался «Ошибка корректора Щукиной». Бедняга, ему досталось от редакторов в других местах, так он боялся, что и я чем-нибудь его огорчу. Для меня это была непамятная книга. И надо же: в Воронеже, когда я была в гостях у моей коллеги по новой работе Олечки Поповой, на полке стояла немилая моему сердцу «Сила смеха». Я ей небрежно сказала:

– Вот, возьми книжку и посмотри, кто там редактор.

Оля заахала и скоро вся её семья, включая кошку Люську, смотрела на меня, как на диковинку заморскую. А мне же было приятно то, что книгу, над которой когда-то давно трудилась в Алма-Ате, я встретила в Воронеже на полке у знакомого человека.

С сатирой и юмором мне приходилось работать много. Однажды юморист, Николай Иванович Шевцов, привёл меня в такое уныние своей будущей книгой, что я не смогла ничего положительного о его рукописи написать. Это был не столько могущественный, но могущий и влиятельный человек, бывший завод-делом, а может, и редактор республиканской партийной газеты «Казахстанская правда». Кто в те времена жил и работал, знает и помнит, каким непререкаемым авторитетом обладали журналисты таких изданий. К истинной литературе редко кто из них имел отношение, но книги они издавали весьма шустро и регулярно. Я уже к тому времени очень серьёзно болела, и мне было тяжело брать дополнительную нагрузку, а книга именно так и готовилась к изданию: вне всяких

графиков и очередей. Автор сам меня просил быть редактором его сборника. Очевидно, он думал, что коль и я пишу свои рассказы, то и его смогу пропустить без хлопот. (Я ещё не подозревала даже, что столь серьёзный человек, занимавший длительное время весьма солидный пост в главной газете республики, мог так непрофессионально и глупо, как мне тогда казалось, писать). Подкупило то, что он сам выбрал меня как возможного редактора его книги. Пришлось согласиться. А он, очевидно из чувства благодарности, видя, что я тяжело болею и практически почти всё время провожу в больницах, предложил мне консультации очень хорошего специалиста по иглотерапии, который работал в санатории Совета Министров КазССР. Явно не для простых смертных предлагалась мне терапия. Для него это было доступно, всё было «схвачено», он ведь тоже принадлежал к так называемой номенклатуре. Для меня же это было очень большим подарком. Я не соглашалась, считала, что это меня обяжет, и я не смогу быть объективной в оценке его книги. Но мои коллеги посмеялись надо мной, назвали меня непрактичной и посоветовали воспользоваться очень редкой возможностью поправить своё здоровье у серьёзного специалиста в таком серьёзном месте. Каюсь, грешна. Согласилась я ездить в санаторий, который находится в горах. Меня даже с работы туда отпускали, хотя я тратила на это около трёх часов ежедневно.

Несмотря на столь щедрую протекцию любезного автора, мне всё же пришлось написать отрицательное редакторское заключение. Мне очень было неловко перед ним, я жалела о том, что согласилась на это лечение, но против своих понятий о литературе я не могла идти. Сейчас мне это смешно. Издание книг по многим параметрам теперь больше тяготеет к средству удовлетворения самолюбия, к бизнесу, и только очень редко – к истинной литературе. Тогда же я по неопытности считала, что каждую художественную книгу следует рассматривать как литературное издание. И чего я добилась? Меня стали вызывать в кабинеты всех начальников нашего издательства, сам автор поднял кампанию против меня, обвинил меня в непрофессиональном подходе к такому серьёзному писателю, как он. И как резюме прозвучала его фраза, что я ничего не понимаю ни в юморе, ни в сатире. Другой редактор, Ольга Бреусова, более сговорчивая, эту книжку выпустила без проблем, даже не читая то, что там было написано. При этом она мне сказала:

– Ну оно тебе нужно было? Подписала бы и нервы не трепала.

О как она была права! Ведь плетью обуха не перешибёшь. Раз автор смог поставить свою рукопись в тематический план издательства, то тут уже никто не мог ему помешать её издать. Это был единичный случай, когда автор был недоволен всей моей работой. И произошёл он за месяц до моего отъезда из Алма-Аты. Наверное, мне не следовало быть столь настойчивой в отстаивании своих «принципов». Это ведь не о мировом шедевре речь шла. Мало ли такой «макулатуры» тогда выпускалось? Да и всё оценивается со временем. Нынешние «бестселлеры» заставляют только недоумевать: а где же литература? И теперь, я уверена, что книжка того алма-атинского фельетониста действительно смешна, она памятник тому, что было и чему мы откровенно поклонялись. И сегодня, по прошествии почти двадцати лет, мне бы хотелось повиниться перед Николаем Ивановичем Шевцовым и извиниться за те свои «принципы». Но, увы, сделать этого уже нельзя. Доброта должна быть своевременна, – жаль, что такие очевидные истины приходится постигать только после многочисленных шишек, набитых собственным лбом.

Я не противопоставляла своё творчество творчеству моих авторов-сатириков. Всегда знала место, вполне отдавала себе отчёт, что у меня не будет никаких протекций и радетей за меня некому в том, чтобы я поставила в

тематический план свою рукопись. Я писала стихи, рассказы и юморески, но не считала возможным это издать отдельной книгой. Некоторые мои стихи выпущены в коллективном сборнике поэзии, а сатирические рассказы – в двух коллективных книжках, довольно часто печатались в журнале «Шмель». Это казахстанский «Крокодил».

Его русскоязычным изданием занимался Станислав Малозёмов, очень и очень продуктивный и разносторонний автор, кстати, лауреат конкурса «Золотой телёнок», проводимого «Литературной газетой», многосторонне одарённый журналист. По стечению обстоятельств он оказался моим соседом, жил в доме неподалёку. Уже после того как я изрядно опубликовала своих рассказов в его журнале, когда мы уже были с ним накоротке, он как-то зашёл ко мне в гости. Жила я одна, с мужем мы уже расстались, детей забрала в Калач мама. В очередной раз отлежав в стационаре, только выписалась на дом. Стас пришёл довольно поздно, часу в двенадцатом ночи, чем меня весьма и весьма удивил. Но это объяснялось просто. Он был на концерте авторской песни в качестве барда, возвращался домой и вспомнил, что я живу ближе от остановки, чем он. Мы с ним поговорили, он поинтересовался моим здоровьем и сказал, что нельзя поддаваться никаким недугам. Захотел спеть мне, у него с собой была гитара. Но видя, что я никак не воодушевилась его песнями, высказал предположение, что я ничего не понимаю в авторской песне. Я покорно согласилась: мне на самом деле непонятно было, почему то, что он воспроизводил речитативом под аккомпанемент гитары, называлось песней. В таком случае, кто тогда бард? К тому же было поздно, и мне не хотелось беспокоить соседей, берeditь их воображение. Ничего предосудительного мы не делали, просто человеку очень надо было поделиться радостью после своего выступления на концерте.

Из коллекции:

Он подарил мне свой сборник сатирических рассказов «Как делают погоду», изданный в «Жалыне». Надпись на ней замысловатая, в духе истинного юмориста: «Уважаемой Екатерине от уважаемого автора, который всегда не прочь работать с хорошими редакторами дружественного издательства «Жазушы». Дек. - 85 г.».

Одна моя коллега, Лена Шкловская, усмотрела в этом прямой намёк на подкуп. Это не так, от меня совсем никогда не зависело, поставят того или иного автора в тематический план издательства или не поставят, как не зависело это от любого другого рядового редактора, будь он даже старшим. Эти «судьбоносные» решения принимались за толстыми двойными дверями кабинетов начальства. Нас же с Малозёмовым связывали дружеские отношения по общему делу. Я отослала рассказ в журнал, его напечатали. Это было для меня кстати, потому что гонорар был с четверть моей зарплаты. В конце года секретарь издательства принесла мне бандероль. Я была удивлена от неожиданности: это был мой приз – альбом об Алма-Ате.

«Екатерине Мосиной. Победителю творческого конкурса «Весёлое перо-1985». С новым творческим годом! Успехов, юмора в избытке, весёлого пера! «Шмель».

В моём дневнике, начатом ещё в школьные годы, куда я делала записи почти каждый день, но потом всё реже и реже, а позднее – и один раз за пятьдесят лет, как раз есть такая запись об этом призе: «30 декабря 1985 года. ...Предпраздничный день. Я надела новое платье. Ничего себе ещё... Секретарша Кама принесла мне бандероль. В ней приз от «Шмеля», как победителю конкурса «Весёлое перо-85». А я и не знала, что это у них конкурс такой, думала – рубрика. Такая маленькая приятность к Новому году».

Я отослала ещё рассказы, что-то было напечатано.

Судя по тому, что в конце 1986 года мне из журнала пришла открытка с текстом: «Уважаемая тов. Мосина Е.! Желаем Вам в Новом году всего самого наилучшего – счастья, здоровья, успеха! «Шмель».

Победителем конкурса в 1986 году мои рассказы не стали.

А через год мне пришло ещё одно письмо, где на фирменном бланке было написано: «23 марта 1988 г. Уважаемая тов. Мосина! Редакция журнала «Шмель» поздравляет Вас с почётным 3-м местом в конкурсе «Весёлое перо» за 1987 год. Просим Вас найти возможность и посетить редакцию: Вам будет вручён приз. Предварительно позвоните, пожалуйста, по телефону 63-69-74. Редактор отдела писем В. Дмитриев».

Оказывается, я опять участвовала в конкурсе, и мне вручили настенные часы, работающие от батареек.

Кстати:

С этими часами было сплошное недоразумение. Секундная стрелка по циферблату передвигалась с таким «шарканьем», что я, повесив их в своей комнате на стену, очень пожалела об этом. Я не могла спать от такого шумного отсчёта времени. Однажды в бессонную ночь я написала об этих часах юмореску «Почётный приз», которая, кстати сказать, вошла в коллективный сатирический сборник «Шутки в сторону», изданный в Алма-Ате уже после того, как я переехала в Воронеж. Я перевесила часы в прихожую. Когда я уезжала из Алма-Аты в Воронеж, то подарила эти часы моей родной редакции. «Пусть вам будет память обо мне», – сказала я своим товарищам по работе. Впоследствии, моя коллега Анна Павловна Тимофеева, уходя на пенсию, забрала с собой этот мой «почётный приз», о чём она мне в письме и написала. И изредка на протяжении нашей пятилетней переписки она сообщала, как они себя ведут: «А часики потихоньку ширкают, правда отстали уже, наверно, недели на две, батарейка садится, а в продаже нет. Остановятся на секунду-две и снова ширк-ширк».

То, что не было в продаже батареек, а за ними и много чего другого – это признак того времени всеобщего разрушения – Перестройки. Начиналось разрушение всего, что было до этого создано. Не минула чаша сия и издательство «Жазушы». Редакция русской литературы была то ли упразднена, то ли объединена с другой, переводной.

«Остались трое девчонок из русской редакции...» – написала мне Надежда Георгиевна Поведёнок из Алма-Аты 29.10.91 г. Ещё одна знакомая, Генриетта Даниэлевна Вигдорович, пишет о том, что в русской редакции редакторы – одна «перешла в Комитет», другая «не работает в издат[ельстве]. Я как-то звонила... Все другие». Старые кадры распустили, а новым мой «памятный подарок» был бессмысленным.

Когда я засобиравлась уезжать из Алма-Аты, ещё только теоретически, даже не были найдены никакие варианты обмена квартиры, Стас Малозёмов меня отговаривал от моей затеи.

– Ты думаешь, что там тебя кто-нибудь ждёт? Здесь ты уже человек, а там кто будешь?

Но я думала только о том, что, возможно, в Воронеже я буду чувствовать себя лучше, потому что алма-атинский климат для меня был очень тяжёлым.

Кстати:

О, как прав был Станислав Борисович Малозёмов. Ведь пока работаешь, кажется, что так и должно быть. Но когда пришлось оставить любимую работу в связи с переездом в Воронеж, то я смогла быстро оценить всю её значимость. В этом городе я всё начинала заново, с нуля. Были времена, когда я долго искала

работу. А мои знания и навыки, полученные в издательстве «Жазушы», здесь не удалось применить на практике. И горько и обидно это осознавать, но как профессионал-издатель я здесь длительное время оказалась невостребованной. Я делала судорожные «телодвижения», писала письма и рассылала их в разные московские издания в надежде где-либо быть опубликованной. Работы творческой не было, денег тоже. Я билась головой о стенку и набивала новые шишки.

Мои лавры сатирика в Воронеже тоже не пригодились, хотя я тогда получила телеграмму из Запорожья, где проводилась зональная «Юморина», с приглашением участвовать в ней. Но на «Юмороину» я не смогла поехать, наверное, туго было со средствами.

Это не была знаменитая одесская «Юморина», но объявили конкурс, в котором поясняли, что финалисты из Запорожья попадут в Одессу. Надо было подать заявку, что я и сделала.

«Председателю жюри конкурса «Юморина-89»

Георгию Горину

от просто Екатерины Мосиной

ЗАЯВКА

на участие в конкурсе «Юморина-89» в качестве автора сатирических и юмористических рассказов (выбрать можно, но мне хотелось бы предложить рассказ «Юдифь»).

Автохарактеристика прилагается, как того требуют условия конкурса, а вот рассказ я посылаю на всякий случай, ведь про это в условиях ничего не сказано.

19 февраля 1989 года».

В результате мне пришла телеграмма с приглашением выступить:

<МОСКВА 249140 24 03/03 1610=

ДОС 38 ВОРОНЕЖ 51 ПЕШЕСТРЕЛЕЦКАЯ Д 135 КВ 66 МОСИНОЙ=

ЮМОРИНА ПРИГЛАШАЕТ ГОРОД ЗАПОРОЖЬЕ ПРИЕЗД 18 МАРТА ГОСТИНИЦА ДНЕПР ОТЪЕЗД 20 МАРТА ЛИМИТ ВЫСТУПЛЕНИЯ 12 МИНУТ->

С сатирой и юмором у меня происходили в Алма-Ате такие истории, о которых надо бы вспомнить. Как-то звонит мне Станислав Малозёмов и приглашает прийти в редакцию журнала «Ара-Шмель» и забрать письмо, которое пришло на моё имя.

– Вот, тебе уже и почитатели пишут, – не без ехидства заметил он. До этого мне никогда никаких писем читатели не присылали, а тут из Москвы написал человек с очень редкостным именем – Авенир, его отчество я уже не помню, а фамилия была самая заурядная – Гончаров. Я купилась на то, что он прочёл мой рассказ и прислал на него свой отклик. Я ему ответила и поблагодарила за внимание. Стоило только один раз ответить. Авенир Гончаров не просто писал, он забрасывал меня всякий раз заказными письмами, и я, недовольная тем, что надо тратить время на стояние в очереди на почте, всякий раз раздражалась и на его бессмысленные заигрывания. Он прислал мне фото, где на фоне огромного осьминога-каруселей в Луна-парке стояли три дядечки, среди которых мой почитатель предлагал «узнать» его. Это его кокетство меня окончательно вывело из себя. Я не стала ничего писать, а только поставила на изображении чудища-осьминога зелёный крестик, и на обороте фотокарточки написала: «Я вас узнала...», и отослала её владельцу. Думала, что на этом его внимание ко мне и закончится. Ничуть! Он опять прислал мне письмо, где буквально написал следующее: «Я восторгаюсь Вашим чувством юмора! Искромётный юмор!» – и далее опять что-то о любви. Я уже жалела, что связалась в эту переписку, и больше не отвечала ни на какие письма от «почитателя».

Кстати:

Зато другой случай, также связанный с авторской «славой», оставил меня немного разочарованной. Когда я повышала свою квалификацию в Москве, мы с редактором из молодёжного издательства «Жалын» Леной Кузьминой поехали в Загорск (теперь Сергиев Посад) днём на пасхальную службу. Возвращались в электричке, не такой уж и полной. Была весна, воскресенье, дачный сезон не начался. Напротив нас сидело семейство: отец, мать и их сын, лет десяти. Все они с интересом и увлечением читали наш алма-атинский журнал «Шмель». Было удивительно, что журнал встретился так далеко от Казахстана. Я толкнула Лену:

– Смотри, мой рассказ читают.

Она хмыкнула:

– Мосина, тебе от славы не тошно?

Мы с ней засмеялись. В самом деле, попутчики читали мой рассказ. Меня немножко задело, что они не узнали меня по фотографии, которая была там напечатана. Хотелось спросить у них, понравился ли им мой рассказ, но я на это не решилась, зато увидела, как читают мой рассказ в московской электричке, а семейство даже не представляло, что живой автор сидит напротив них.

Кроме журнала «Ара-Шмель» мои юморески были опубликованы на радио в передаче для подростков «Ровесники». Это было очень давно, я ещё училась в школе. Я мечтала поступить в МГУ имени Ломоносова на факультет журналистики, поэтому писала в «Пионерскую зорьку», в «Пионерскую правду» и была членом юношеского совета радиопередачи для старшеклассников «Ровесники».

А самый первый мой опус прозвучал в эфире Всесоюзного радио в рубрике «Юмор в коротких штанишках», которую вёл поэт Михаил Либин. Я училась тогда в седьмом классе. Передача шла вечером, я уже легла спать, родители похрапывали, а мой младший братишка бодрствовал. У меня была привычка засыпать в обнимку с репродуктором. Я ложилась на свой диван, снимала радио со стены и прикладывала его к уху, делая громкость минимальной, чтобы никому не мешать в нашей однокомнатной квартире. Телевизоры тогда были только у тех, кто жил в достатке, чего в моей семье не было никогда, пока я там жила. Поэтому радио было моим «другом». И тут я услышала:

– Следующее письмо пришло из города Калач Воронежской области от нашей юной слушательницы Кати Косенко... – и имя, и письмо на весь Советский Союз огласил поэт Михаил Либин, ведущий рубрики. Я резко выключила приёмник, но братец заметил моё волнение, он услышал моё имя по радио и заорал:

– Про нашу Катьку что-то по радио говорят!

Хорошо что родители крепко спали. Так началась моя «слава сатирика и юмориста».

О несовпадении гороскопов

Ну никак мы с моей тогдашней коллегой по русской редакции издательства «Жазушы» Верой Галактионовой не должны были быть в гармонии: по несовпадению наших гороскопов. Она – Крыса по восточному и Дева – по западному, а я, соответственно, – Лошадь и Стрелец. По всем параметрам у нас с ней сплошные противопоказания, как излагают все толкователи и астрологи. Но как притягиваются плюсы к минусам, так и меня всё время к ней тянуло, пообщаться.

Из коллекции:

И я для неё была объектом, достойным внимания, ведь именно так – «человеку весьма любопытного психологического рисунка» – она в 1984 году подарила свою первую книгу «с любопытством и симпатией». Собственно, это не книга, а

коллективный сборник «Окно, распахнутое в мир». У неё замечательные оба произведения, вошедшие в этот сборник. Я недавно перечитала её повесть и рассказ, и в полной мере могу оценить даровитость тогда ещё начинающей писательницы Веры Галактионовой.

Наш заведующий редакцией Егоров нас с Верой попытался поссорить – она ещё и порог переступить не успела. Освободилась вакансия старшего редактора, так сказать, повышение по службе. Егоров меня одну оставил в редакции и так заговорщицки стал вкрадчиво говорить о том, что кроме меня некого на эту должность переводить, что я вполне её заслужила: давно работаю, хорошие книги выпускаю, но...

– Знаете, Екатерина Ивановна, мы принимаем на работу новую сотрудницу. Она, правда, без опыта. Переехала из Уральска в Алма-Ату. Одинокая, двое детей. Ей трудно. Так не могли бы вы, Екатерина Ивановна, уступить ей должность старшего редактора?

Меня просто перекосило от такой постановки вопроса. Для меня эта должность тоже была важной, и мне, уже почти одинокой, с двумя детьми, в чужом городе тоже те двадцать рублей к зарплате были очень желанными. Но я ещё и Стрелец – а это вечно радеющие за справедливость люди – и такое попираание моих заслуг было просто кощунственным. Сама постановка вопроса возмущала: я должна была отдать то, к чему стремилась, и при этом ещё проявить благородство к женщине, которая неизвестно откуда взялась, неизвестно что из себя представляет.

Теперь, с высоты моего возраста, мне не совсем ловко за мою приверженность к собственным идеям справедливости: из-за неё теперь уже известная писательница не получила в своё время должность старшего редактора, и этого шанса у неё больше никогда не было в нашем издательстве. (Кто знает, был бы такой шанс когда-нибудь у меня). Но из песни слов не выкинешь, что было, то было. При этом я абсолютно не считаю себя в чём-то виноватой перед Верой или ещё перед кем-то в Алма-Ате: я всегда была прямой и открытой, никаких закулисных историй не организовывала, исподтишка ничего не делала. Поэтому нашему заву я так и заявила:

– Нет! Нет и нет! Я не согласна!

– Всё-всё-всё, – стал успокаивать меня наш заведующий. – Я только должен был спросить.

Как я поняла, его вызывало руководство, речь такая там велась, но кто-то очень за меня заступился, коль решили надавить на моё «благородство», которого у меня... не оказалось. Я только теперь, спустя почти четверть века, поняла, что было именно так. Ведь спросили, а могли и не спрашивать, поставили бы перед фактом. А я так любила свою работу, что никуда бы и не делась, поплакала бы от обиды, да и дальше бы продолжала дело.

Этой новой сотрудницей, о которой так радел наш Егоров Александр Иванович, и была Вера – Вера Григорьевна Галактионова, тогда ещё никто из ниоткуда. По крайней мере в нашей редакции о ней мало кто чего знал.

Со временем я убеждалась, что Вере рано быть старшим редактором, опыт приходил только после того, как она выпустила несколько книг. И то, мне помнится, что Вера выпустила чью-то книгу стихов, так весь тираж уничтожили, или, как у нас говорили, – «пустили под нож». Сейчас это очень примечательная, заслуживающая аплодисментов страница из её жизни, а тогда это было катастрофой для всех: поэт не получил своей книги, издательство понесло убытки, Вера после этого случая в нашей редакции не работала. Самый большой здесь урон – моральный: резать готовую книгу – большего варварства не придумаешь!

Кстати:

Она хотела проявиться как лояльный редактор, выпустила стихи, которые директор издательства предпочёл пустить «под нож». Видно, кто-то вчитался в строки, а может, хотели кого-то унижить. Тут ей как раз опыта не хватило, на чём она и погорела. Смелость редактора должна быть оправдана. Незадолго до моего прихода в редакцию русской литературы там случился полнейший «разгон»: уволили редактора А. Арцишевского, выпустившего «Аз и Я» Олжаса Сулейменова. Но тираж уничтожен не был. Вещь смелая и спорная во многом, к несчастью, не понравилась академику Д.С. Лихачёву. Пришёл его протест, надо было как-то реагировать, вот и «полетели головы» в ответ на негодование учёного мужа. Так этот «подвиг» редактор совершил автоматически: Олжас Сулейменов в Казахстане величина бесспорная. У него до этого почти ежегодно издавалось по одной книге, лауреат премии Ленинского комсомола, а может, какой-либо другой, не менее значимой тогда. Как редактор мог идти против? Не он, так кто-нибудь другой, но выпустил бы это произведение. Тут он оказался между двумя величинами, по-своему трактующими «Слово о полку Игореве». Так за это и пострадать можно было. Я даже завидовала Арцишевскому, что ему выпало над такой редкостной вещью работать. У Веры случай был другой. Рисковать работой вряд ли стоило из-за поэтических упражнений малоизвестного автора. Но как бы там ни было, а её перевели в редакцию Фариды Жанузаковой на должность младшего редактора. С чем она долго мириться не стала, и вскоре уволилась сама.

Конечно же, Вере впоследствии передали всю историю с должностью старшего редактора, да и ещё как передали: со всеми возможными искажениями и разной отсебятиной. Отношения у нас были никакие. Хотя, когда у нас бывали редкие часы общения, то такое общение было и интересным и даже для меня с некоторыми последствиями. Помню, что у неё как-то болел зуб, она долго мучилась, а потом пошла и выдернула его у дантиста. При этом она очень страдала. Не знаю, какие у нас были биотоки, только зуб заболел и у меня и тоже буквально на следующий день. Вера дала мне сочувственный совет удалить его. Я опротестивно согласилась. Зная, что мне никакую местную анестезию делать нельзя, врач дала мне направление на операцию под общим наркозом для удаления зуба. Я жестоко поплатилась за свою «веру» Вере. Зуб оказался здоровым и крепким, наркоз был плохой. Меня, едва живую, отыскал мой муж после злодейства хирурга, и два дня я отходила от шока.

Я теперь даже и не вспомню, за каким же столом она сидела. В нашей небольшой редакции стояло шесть столов, три шкафа. Слава Богу, был кондиционер, иначе в огненном пекле летней Алма-Аты мы бы просто не выжили. И уж теперь не помню всех лиц, при которых она работала. У неё была странная привычка, связанная, как мы тогда полагали, с суеверием. Она никогда не выбрасывала свои недоеденные кусочки хлеба, а подкладывала их нам на наши рабочие столы. Я её за это готова была отругать. Это неприятно, когда находишь у себя на столе среди бумаг и рукописей огрызок со следами её помады. Хотела написать, что это она делала из уважения к хлебу – не могла его выбросить в урну. Но истинное уважение к хлебу, на мой взгляд, кроется в другом. Если бы это было уважение, то не было бы вообще никаких кусочков. А было неуважение к тем, кому она это подкладывала, а может, это у неё было связано с каким-нибудь ритуалом...

Во время моей семейной драмы – развода Вера была моей активной соперницей и слушательницей, хотя у нас были противоречивые отношения. Я ценила в ней умение анализировать и правильно оценивать ситуацию, и её игру словами, и особенно её юмор, который у неё просто фонтанировал. Когда

она рассказывала (не часто), что она пишет, она так увлекалась, и казалось, что слова, как зёрнышки, появлялись в её горстях, и она их переливала из ладони в ладонь, перекачивала, разглядывала и даже как бы пробовала на вес. Я догадываюсь, откуда у неё могла такая привычка появиться. В нашей редакции работал Толя Загородний, я была редактором его спорной и сложной вещи «Суд да дело». Когда мы с ним обсуждали текст, то он точно так же переливал слова из ладони в ладонь. Но вначале была его книга, а потом уже появилась Вера в редакции. Следовательно, это она от него переняла такую манеру. Ничего не скажешь: привычка полезная и красивая. Но часто её такой тщательный отбор слов переходил в самолюбование и похвальбу, что всегда меня тяготило в беседе. Я проявляла нетерпение, хотелось развивать тему, но Вера к этому относилась всегда одинаково – беседа наша завершалась. Я не думаю, что это было разыгрываемо, словно роли в спектакле, это – характеры. То, что у Фрейда называется подкоркой. И объясняется очень просто: хвастунов никто не любит. Мне было неинтересно. И она уже не могла поддерживать разговор, поскольку не встречала «оваций». Что ни говори, но создавать себе реноме талантливого литератора она умела, и до сих пор это делает блестяще.

Мы собирались с Верой вдвоём редко, но было всё же, было. И я потом всегда удивлялась, почему это я так с ней разоткровенничалась, ведь мы не были не то что закадычными, но просто хорошими подругами. У Веры был свой круг, у меня – свой. Она всегда была в компании с Надеждой Черновой и Любовью Шашковой. Так они и дружили: Вера, Надежда, Любовь. Две поэтессы и одна начинающая писательница. А я для них со своими муками творчества была ноль. Но всё же Вера меня вдохновляла к писательству. Я ей как-то пожаловалась, что не получается с книгой ничего. Она махнула рукой и сказала:

– Видела бы ты, сколько у меня писем из разных изданий с отказами накопилось, – целая гора.

Тогда ещё было принято в редакциях «толстых» журналов давать письменные ответы авторам, и в газетах в два конца работали отделы писем. Я посмотрела дома на свою тощую пачку отказов из разных журналов и вдохновилась: у меня ещё всё впереди, ещё могу писать и посылать свои рассказы куда только захочу.

Любили мы с Верой поговорить о жизни. Я как-то пошла к ней в гости, она недалеко от меня жила. Я теперь это так смутно припоминаю. Я была в красном топе и на мне была какого-то сине-бирюзового цвета юбка – странные «заскоки» памяти: помню такую ерунду и не помню, когда в издательстве появилась Вера. Было жарко. Мы с ней пили кофе и, кажется, курили. Я, вся в слезах и соплях, рассказывала ей про Мосина и нашу не сложившуюся с ним жизнь. Это было для меня большим и животрепещущим делом. Она спрашивала:

– Ну а у тебя есть кто-нибудь?

– Да нет... Я же кроме него никого вокруг не видела.

– Да, Катя, бабы гибнут на чистоте, – горячилась Вера, – если бы ты тоже погуливала, то у тебя бы просто совести не хватило устраивать ему допросы, где это он по ночам шляется. Да и незачем тебе это было бы знать.

Эти слова я очень хорошо запомнила. Но когда спустя лет двадцать я ей в письме об этом напомнила, она мне ответила, что неправда это, она так говорить не могла. Это странное свойство памяти: помнить, что сказали другие, и не помнить, что ты говорил сам. В связи с философской глубиной её творчества, – а я не сомневаюсь, что это в изобилии присутствует в прозе Галактионовой, – хочу вспомнить эпизод, который у меня отчего-то ассоциируется со знойной алма-атинской улицей, по которой мы шли к ней домой. Нам так не терпелось начать разговор о высоком и

вечном, что ещё на пыльной, залитой летним жаром дороге Вера завела беседу о Евангелии. Но как мне было поддерживать беседу, если я тогда ещё не читала Библии. Это же было советское время, мы не были приучены ни в церковь ходить, ни книги мудрые читать. Да и где их было брать? На днях смотрела на канале «Культура» выступление главного библиотекаря страны, так он поведал, что ни Библии, ни Евангелия, ни других религиозных книг просто так взять и почитать было невозможно. Библиотека ухитрилась их поставить в раздел «Легенды», кто бы ещё догадался искать там Библию. Но Вера ведь где-то взяла... Как раз о том, что мы не читали Библии, у меня есть юмористический рассказ «Юдифь».

Вера, словно фехтовальщица, манипулирующая шпагой, самозабвенно цитировала нетленные строки и поражала меня своими познаниями.

– В Евангелии от Иоанна сказано: «В начале было слово, и слово было от Бога, и слово было Бог» – ведь в этом все споры философов теряются.

А дальше пошло перекладывание слов с ладони на ладонь, ощупывание каждой буквы и прислушивание к каждому произнесённому звуку. Казалось, она любит сказанным. Я перестала замечать и жар алма-атинской улицы, и все неровности на дороге. Осталась только Вера, моё тайное ею восхищение и музыка этой вечной формулы Начала: ...слово было Бог.

– У тебя оно есть? – спросила я, робко надеясь хотя бы одним глазом взглянуть на это чудо.

– Евангелие? Нет, я только могла немного с ним поработать.

В тот момент я просто её обожала – для меня люди, которые знают и сами достигают того, чего не знала и не достигла я, стоили очень дорого. Потом я, стеснясь и стыдясь своей дремучести, попросила Евангелие у нашего критика Виктора Бадикова, тоже «моего» автора, поскольку мы с ним выпускали его сборник критических статей. Он мне Евангелие принёс, у него был этот драгоценный томик, и ему не жалко было мне его дать на время.

Я открыла «От Иоанна» и припала к магическим словам: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...» – как жаждающий припадает к живительной влаге. И понять то, что я влачу своё существование без драгоценной святой воды, помогла мне Вера и её любовь производить сильное впечатление на собеседника. Отчего же было начинать такой сложный и серьёзный разговор посреди улицы? Но для творческой натуры, наверное, не важно, где и когда она выдаст свою новую мысль.

Вера приехала в Алма-Ату из Уральска, где у неё оставались друзья и знакомые. Но самым знакомым из знакомых, самым другом из друзей был у неё тогда ещё начинающий прозаик Геннадий Доронин. Она много рассказывала о нём, называла его не иначе, как Геночка Доронин. Этого Геночку Доронина стал с нетерпением и интересом ожидать весь женский состав нашей редакции русской литературы издательства «Жазушы». У него выходила в свет первая книга в молодёжном издательстве «Жалын», называлась она «Старый друг уезжает». Он приехал, судя по дате на подаренной мне книге, аккуратно в день моего рождения. Это было первое наше знакомство, состоявшееся в 1986 году. А весной 1987 года он приезжал, чтобы сдать рукопись новой книги в наше издательство, называлась она «Пятый десяток». По поводу этого названия Вера выдала остроту:

– Пятый десяток... Чего? – яиц?!

Это была не злая, вполне приемлемая шутка, у Геночки хватало мудрости не обижаться. Когда он приехал, я тоже стала называть его только Геночка Доронин. Он не был, как теперь говорят, плейбоем, или дамским угодником. Никакой озабоченности противоположным полом я в нём не усмотрела. Но от него исходила необыкновенная обаятельность мудрого и доброго человека. К нему

просто тянуло как магнитом, и называть его хотелось так же, как и Вера его называла. По одному этому её другу можно было и о ней судить, как о человеке интересном и ярком, если следовать пословице «Скажи мне, кто твой друг...».

Геночка Доронин имел тонкое чувство юмора, а для меня это всегда было и остаётся одним из высших критериев оценки человека. К сожалению, я не знаю, как сложилась его литературная карьера, где он сейчас. Хотя по приезду в Воронеж мы с ним обменялись письмами, он мне даже подарил свою вторую книгу, прислав её почтой сюда в Воронеж, и как у нас с ним прекратились отношения, я уже не помню. Скорее, кто-то кому-то не ответил на письмо.

Из коллекции:

«Милая Катя, желаю тебе всего самого лучшего – счастья, здоровья, любви», – так написал он мне в своей книге «Старый друг уезжает».

Его письма, дружеские, с последними новостями, с его юмором, были мне очень нужны в Воронеже, когда я надолго «выпала из обоймы» и впала в депрессию.

«Здравствуй, милая Катюша! ...Как твои дела? Как здоровье на новом месте? Как там у вас в России? Крепите ли интернациональную дружбу с чукчами, хантами, манси и народами мокша? Вот так же и у нас...

... Все издательские дела страшно отвлекают от работы, выбивают из колеи. То нужно перепечатывать, то вычитывать, то сокращать – и т.д. и т.п. ... Пиши, твой Доронин». (По штемпелю 31.01.89.).

Я привожу сокращённо первое письмо, из которого видно, что он уже и мой друг хороший; что его чувство юмора не покинуло даже в то время, когда начался сплошной ералаш в республике. И его отзыв о работе над изданием книг, которая не так уж и проста, как многие представляют, при этом он – человек со стороны: «Я совершенно не искущён в издательских делах, поэтому допускаю, что выглядят мои потуги смешно... Не знаю, будете ли Вы моим редактором или нет, пишу для того, чтобы выговориться...» – писал он мне ещё в 1986 году в издательство из Уральского.

Три месяца с небольшим спустя в Воронеж пришло ещё письмо от Дорони-на, где он сообщает «милой Катерине» радостную весть, что книгу сдали в производство, он уже получил часть гонорара. «Работается очень трудно, как будто что-то потеряно... Просто хандра. Но не такая, когда ничего не хочется делать. Хочется, но не получается...

Был в гостях у Галактионовой и её мужа Михайлова – у них всё пристойно, заставлено книгами и посудой», – не без иронии написал наш общий друг 9 мая 1989 года.

Один из эпизодов моего общения с Верой Галактионовой, теперь очень милых моему сердцу, как раз связан с проводами Геночки Доронина из Алма-Аты в Уральск. Так совпало, что он уезжал за день до того, как я должна была уехать в Москву во Всесоюзный институт повышения квалификации работников печати, где мне предстояла учёба со 2 апреля по 16 мая 1987 года. На работе мы этого обучения всегда ждали с нетерпением и принимали эту полуторамесячную командировку в столицу как награду. Я уже сильно болела, и мне наш главный бухгалтер Надежда Константиновна дружески советовала не ездить. А я вбила себе в голову, что только эта поездка в Москву изменит резко мою жизнь. Я ведь жила уже одна с детьми, и рутина так меня засосала, что мне необходимы были новые впечатления.

Был конец марта. Для вечеринки или, как теперь говорят, тусовки, Вера предложила собраться у меня дома. Я не возражала, хотя вечный недостаток средств несколько меня озадачил. Но как-то мы нашли счастливое решение.

Дети спали в детской, отделённой от общей комнаты длинным коридором, шум им не должен был мешать. Кроме Веры и Геночки Доронина были ещё два человека, которых я абсолютно не знала и даже не помню, как их зовут. Это сотрудники телевидения не то из Усть-Каменогорска, не то из Павлодара. Они были знакомыми Веры. Кроме того, довольно известный критик, часто публиковавшийся в «Литературной газете», Рустем Джангужин ошастливил моё жилище своим присутствием; ещё – Алёна Швыдко – наш младший редактор, очень милая и обаятельная юная женщина, ожидавшая в то время ребёнка.

Мы собрались не застолья ради, а, как я поняла, Вере необходимо было поговорить с Рустемом. Повод – это проводы. Все каламбурили, рассказывали какие-то смешные истории. Геночка Доронин проводил рукой по Алёниному большому животу и спрашивал:

– Как там наш ребёнок?

Это всем отчего-то нравилось, но громче всех смеялась Вера. Смех был, что называется, гомерический: с хрипотцой от курения. Джангужин рассказывал, как он жил в Москве, где-то на «Академической», по утрам бегал, и к нему всегда цеплялась большая собака и не давала заниматься пробежками. Как-то он не выдержал и спросил у хозяйки собаки:

– Это ваш муж?

На что та нашлась:

– Нет, это мой пёс, а мой муж – свинья!

И опять «го-го-го!» Веры было громче всех. В детской спросонья заплакала моя семилетняя дочь Алина. Я к ней пошла, чтобы выяснить, в чём дело.

– Мама, почему эта тётя так страшно смеётся? – Алина вся в слезах прижалась ко мне. – Это Баба-Яга?

– Спи, доченька, тётя скоро уйдёт.

Вера с Джангужиним о чём-то увлечённо беседовали. Потом к ним присоединился Геночка Доронин. Обсуждался вопрос рецензирования его рукописи. Гости с периферии рассказывали что-то о новых съёмках на телевидении. Геночке надо было ехать на вокзал. Мы с ним договорились, что когда я буду проезжать через Уральск, он придёт ко мне в вагон и принесёт яблок и чёрной икры. На том и расстались, со смехом и шутками. Сутки спустя я с детьми на поезде отправилась в Москву. Через два дня пути в Уральске, когда нам надо уже было обновить съестные припасы, явился Геночка Доронин. Он принёс в купе пакет с яблоками, извинился, что ничего не вышло с чёрной икрой. Дети очень удивились, что такой добрый дядя угостил нас яблоками. Поезд вот-вот должен был отправиться, Геночка Доронин уже был у выхода и через весь вагон прокричал мне:

– Дорогая, береги наших детей!

Я ему улыбнулась на прощание, дети махали руками изо всех сил. Наверное, они серьёзно решили, что теперь это будет их папа. А шутка Геночки Доронина, как и его доброта, запомнилась мне на всю жизнь. И как не быть тут благодарной Вере за такое счастливое знакомство? В Москве я передала детей с рук на руки родственникам, которые увезли их к себе в Орёл, а я осталась в столице на курсах.

После моего отъезда из Алма-Аты я вела очень интенсивную и обширную переписку с моими друзьями, знакомыми, коллегами, которых у меня там осталось много. Наш младший редактор Алёна Швыдко писала мне: «Каждое утро проезжаю мимо твоего дома, предаюсь элегическим воспоминаниям, которые, как и все воспоминания, подёрнуты розовым флёром – это я о том времени, когда рядом были Толик [Загородний], Верка [Галактионова], ты, Олег [Слободчиков], и даже непонятно, отчего мы время от времени портили друг другу кровь...».

Было дело: малопонятная запись в моём красном блокноте: «14 июня 1984 г. Объяснение с В.Г. [Верой Галактионовой (?)]. 15 июня: Но рез-т всё тот же. Ну и Бог с ней. Гусь свинье, конечно, не товарищ».

Что-то мы с ней должны были выяснить.

В этом же письме Алёна написала: «Имела я беседу и с Огневым по твоему поводу. Он заверил меня, что с твоим составительством всё в порядке, просто книгу ещё не пустили в издательский процесс, но она твёрдо стоит на будущий год».

Тут я вспомнила и об этом эпизоде в моей жизни, который случился не без участия Веры Галактионовой.

Когда они с Черновой высказывали свои предположения, чем бы мне заниматься, кроме стихов, которые, на их взгляд, у меня были плохими, Вера, как более душевная и деятельная женщина, сделала мне предложение взять на себя составление двух томов по домашнему рукоделию. Ей кто-то предложил в издательстве «Онер» («Искусство») эту работу, но у неё другие планы.

– Тебе ведь нужно заработать, соглашайся, я поговорю с Огневым, – сказала мне Вера.

Конечно же, я согласилась и была ей очень благодарна за протекцию. Валерий Петрович Огнев был одним из руководителей этого издательства. Объём двух томов был большим, едва ли не 50 листов, а сделать надо было такую работу очень быстро. Я почти год была занята только этими делами: не вылезала из пушкинской библиотеки, каждый свободный час печатала на машинке. Да так усердно печатала, что сломала литеру «п», пока искала мастера отремонтировать, пришлось купить новую машинку, что для меня было весьма накладно, так как пришлось выложить два моих оклада – 300 рублей. Дети спрашивали, зачем я так много работаю, а я им отвечала:

– Не мешайте мне, я печатаю деньги!

Когда они гуляли во дворе, соседка снизу Лена Нетёсова допытывалась, что это делает их мама, потому что она всегда слышит стук машинки. Мои дети с таинственным видом сообщали ей, что мама печатает деньги.

Книга должна была быть энциклопедией «Искусство в вашем доме». Но мой отъезд не дал мне возможности держать процесс под контролем, и всю мою работу испортила редактор издательства Валерия Марченко. У меня также сохранилась переписка с нею. Не знаю, издала ли она эту работу, но теперь это уже неинтересно. Я ничего не получила, рукопись мне вернули. Было горько и обидно. Но к Вере Галактионовой это уже не имеет никакого отношения. То, что Верочка искренне желала мне помочь, очевидно, и я ей за это всегда благодарна.

После того небольшого «раута» у меня дома наши отношения с Верой никак не развивались. На курсах в Москве я оказалась вместе с редактором из молодёжного издательства «Жалын» Леной Кузьминой. Мы с ней там очень подружились, у нас много интересных воспоминаний. Но это, как говорится, совсем другая история. Когда мы прилетели в Алма-Ату, мы ещё некоторое время дружили. Она собиралась замуж. Как я поняла, у неё было два кандидата: один поэт, которого она не называла, а другой Виктор Овсянников, её бывший коллега по редакции. Как-то она мне проговорила, что поэта у неё отбивает Галактионова. Дальше на меня свалилась такая тяжёлая болезнь, что я думала о смерти всё чаще и чаще. Ясно, что я не могла быть в курсе всех редакционных дел и сплетен. Ко мне в больницу приходили коллеги. От них я узнала, что Лена вышла замуж за Овсянникова, а Вера – за поэта Валерия Михайлова. А дальше я Верочку упустила из виду.

В 1988 году я переехала в Воронеж, состояние моё было сложное. В Ртищеве меня встречал отец, он буквально на руках вынес меня из вагона. Мне лучше не

становилось. Дети уже год жили у моих родителей в Калаче. Иногда мне приходили письма от моих бывших коллег из Алма-Аты. Позднее Лена Шкловская, наш самый профессиональный корректор, писала мне из Чикаго, где к тому времени обосновалась её семья: «Вера Галактионова с Валер. Михайловым были в Москве, они продали 3-к. кв-ру недалеко от нашей. Но за те деньги, конечно, немисливо приобрести что-ниб. в Москве».

Об этом же в письме писательницы Надежды Георгиевны Поведёнок, моей доброй приятельницы, от 30.11.91: «Вера Галактионова вместе с Михайловым переехала в Москву, что она там, как и где, ничего не знаю. Они продали квартиру за валюту какой-то фирме (Так говорят)».

Потом ещё Н.Г. Поведёнок присылала мне в 1993 году открытку с новостями, в том числе и этой: «Писала я тебе, нет, что Вера Г. живёт в общежитии Литинститута?», а кто-то говорил, что она там работает не то вахтёром, не то куратором курса. Больше я о ней долго-долго ничего не знала и не слышала.

Совсем случайно и не так давно я услышала по местному радио уже с середины передачу о литературе. Выступала какая-то писательница. Она рассказывала, над чем работает. Много было похвальбы, я даже подумала радио выключить. Но писательница говорила так, будто перекладывала слова из ладони в ладонь, словно перебирала семена для посева. Вот это да! Ну как бы я могла это выключить? Это же Вера! И не ошиблась. С Верой Григорьевной Галактионовой беседовала корреспондент областного радио. На радио звонить было уже поздно, передача шла после 18 часов. На другой день я немедленно позвонила в редакцию, связалась с журналисткой (не помню уже, как её звали), стала просить дать мне телефон Веры Галактионовой. Мне не смогли помочь. Дали телефон какого-то продюсера; продюсер работал в Москве в издательстве; в издательстве не было ни продюсера на месте, ни Веры. Я опять звонила на радио, опять просила дать ещё какой-нибудь телефон, допытывалась у корреспондентки, как же Вера Григорьевна выглядит. Я совсем потеряла голову от радости, что услышала о моей давней алма-атинской знакомой. В этой же передаче выступал ещё и Слава Дёгтев, наш воронежский писатель, с которым мы были знакомы. Я позвонила ему, спросила, хорошо ли он знает Веру Галактионову. Он и дал мне телефон Веры. Но её долго не было в Москве, я уже решила, что Слава дал не тот телефон. И только осенью на том конце трубки я услышала такой знакомый и такой желанный для меня голос.

Наш первый разговор был таким, как будто две самые закадычные подруги, не видевшиеся сто лет, встретились. Вера тоже не скрывала своей радости. Увы, только в тот раз она и проявила свою слабость. Остальные наши беседы по телефону были довольно сдержанными за счёт её какой-то холодности. Мне непонятна эта её сухость. Наверное, это несовместимость наших гороскопов даёт о себе знать. А может, я её не так поняла. Думаю, что это простить ей можно: ведь она – звезда. Первая «Отчизны верная дочь» – лауреат премии «Отчизны верные сыны». Это тоже требует усидчивости, времени и, главное, – таланта. Кое-что мы с ней всё-таки обсудили. И что там у неё с личной жизнью, и поскорбели о Нине Шмидт, жене поэта Александра Шмидта, умершей в Германии «под ножом» врачей, вспомнили о Руфи Мееровне Тамариной, тоже ушедшей недавно от нас...

Вера сказала, что в Москве они с мужем устроились хорошо, поскольку муж был помощником депутата, но теперь уже это – пройденный этап. Михайлов отбыл в Алма-Ату. Она же с другим Михайловым (уж не родственником ли) – актёром – пишет книгу.

Несколько раз я звонила ей. Всегда занята, всегда сидящая внутри произведения.

– А сижу я в нём от двух до семи лет... – сказала она мне.

Мне это очень нравится: профессиональная литература – дама ревнивая, отпускать не хочет и делить с кем-то не может.

Я сказала Вере, что написала воспоминания об Алма-Ате, об издательстве.

– Зачем ты туда лезешь? Это уже никому не нужно! – как-то даже резко сказала она. – Все давно сидят в других обоях, другими делами занимаются...

Я невольно её сравниваю с воронежским поэтом Виктором Панкратовым. Год назад я ему сказала, что написала мемуары. Реакция была однозначной:

– Это хорошо. Слово памяти – на вес золота.

Я думаю, когда у человека нет мучительной боли за своё прошлое, то забывать его нельзя: наше прошлое – наш корень, на котором выросло наше настоящее и завязывается наше будущее.

Поезд из прожитого «Уже» в неизвестное «Ещё»

Кстати:

В октябре 1988 года, прожив на новом месте в Воронеже два с половиной месяца, я поехала по туристической путёвке в Ессентуки. Не потому, что я была заядлой туристкой, а всё по той же причине своей болезни. Советские устои в городе Воронеже были ещё крепки. На работу устроиться мне не удалось, путёвку в санаторий взять было негде. Я пошла в бюро путешествий и купила тур на 21 день в Ессентуки. Только чудная водичка, бьющая из благо-словенных источников этого городка, помогала мне при болях. И не зря говорят, что земля наша круглая, а все встречи неслучайны. На вечернем моционе у источника я вдруг увидела знакомое лицо. Откуда в Ессентуках у меня знакомые могут быть? Конечно же, из Алма-Аты! Это был друг нашей редакции писатель Александр Николаевич Сергеев, автор романа «Петербургский посол». Он часто заходил к нам, и я его здесь узнала, буквально бросилась ему на шею. Он сначала не понял моего бурного приветствия, только сказал:

– Как не приду в редакцию, тебя там нет. Ты что так долго болеешь?

– Я же уехала из Алма-Аты. Вы разве не знаете? Расскажите, как они там живут, что там нового? – мне было интересно всё, что он говорил, потому что я успела очень и очень соскучиться и по своим коллегам, и по работе, и по Алма-Ате. И было очень странно, что мы встретились с Александром Николаевичем в Ессентуках. Там ведь не одна эта питьевая галерея была. После мы уже ни разу с ним не встречались. Из Алма-Аты Анна Павловна Тимофеева прислала письмо: «... пиши, как у тебя со здоровьем. Сергеев рассказывал, как вы встретились на курорте» (22.12.88).

Я теперь вижу, как повезло мне в жизни на интересных людей и хорошую работу! И если бы не то обстоятельство, что я в Алма-Ате крепко заболела, я бы не смогла себя оправдать за то, что уехала из этого сказочного, полного восточного шарма города. Но только теперь, когда я не сомневаюсь в помощи свыше и Божьем участии, я понимаю ту последовательность и сочетаемость всех событий из моей жизни. И ничего случайного я в ней не усматриваю, и другого своего пути не представляю. Мне предначертано было уехать из Алма-Аты, и тяжёлая болезнь не дала поступить по-другому, а уезжать надо было, потому что после случился распад, и если бы я замешкалась там, осталась бы и без квартиры, и без средств, и без возможностей самореализации. То, что мне удалось совершить обмен своей алма-атинской квартиры на воронежскую в те смутные времена, напоминает мне уходящий поезд, последний, как в жутком сне, и я, бегущая по перрону, едва-едва успевающая схватиться за поручни последнего вагона.

Кстати:

Картинка дежавю. В детстве, я закончила пятый класс, мы с отцом отправились к его двоюродному брату Серафиму во Псков. В Москве делали пересадку. Пока переходили с вокзала на вокзал, пока искали туалет и кассы, даже и не подозревали, что поезд уже стоит под всеми парами. Отец честно подождал в очереди, а потом что-то вдруг решил справки навести. Ему тут же прокомпости-ровали билет, и мы помчались к поезду, который плавно набирал ход. Отец не стал делать крюк по перрону, а скакнул через рельсы со мной и стал бить в дверь последнего вагона. Проводница, молодец, сообразила открыть нам тамбур с обратной стороны. Папа закинул меня на грязную от угля площадку, потом наши вещички и чудом сам ухватился за поручни. Проводница, дебелая женщина, встретила его отборным матом: «Ты же ребёнка мог под поезд кинуть!». Потом мы долго-долго переходили с ним из тамбура в тамбур, потому что наши места были в первом вагоне.

Вот и мой отъезд из Алма-Аты напоминает этот эпизод из детства. Вовремя заскочить в последний вагон уходящего поезда. Поезд уходил из «уже» в «ещё» – в ещё неизвестную Россию из уже умирающего Советского Союза.

И так же, не без участия отца, я покинула СВ – спальный вагон – поезда Алма-Ата – Москва, потому что он меня, больную и немощную, просто вынес на перрон станции Ртищево, чтобы сделать пересадку и добраться домой, где меня ждали мама и дети.

Как известно, наша жизнь состоит из таких поворотов, кто-то скажет – из витков. Какая разница! Пока эта спираль раскручивается, воды реки Забвения – Леты – стремятся поглотить то, что безвозвратно прошло. Но река Памяти – Река Времени – настойчиво возвращает нас туда, куда нет пути. И пока мы можем ещё вернуться, надо непременно это сделать. Многие люди-реки, о которых я тут вспоминала, уже иссякли. Их родники усохли, напиться из высохших источников невозможно. Я вспомнила о том, что многие даже не заметили. Но это нисколько не умаляет моего рассказа. Мы все там были: зажигали свет в доме, пили чай на работе, покупали молоко в очереди, смотрели балет, читали газеты, принимали пилюли от бессонницы, писали письма, целовались, плакали, болели гриппом... – делали что угодно – жили. И не думали о том, что будет сегодня, что получится так. Теперь мы смотрим на то, что было, и уже не можем вспомнить, в котором часу мы зажигали свет, с кем пили чай, в каком магазине покупали молоко, какой балет смотрели, что писали в письмах, долго ли целовались, из-за чего плакали, брали ли больничный из-за гриппа... – как мы жили тогда. Если кто вспомнит, напишите. Люди – как реки. А все реки текут в море. Но море не переполняется. Не переполнится оно вашей памятью, потому что у людей короткая память.

«И всё возвращается на круги своя»... И каждый наш поворот – это новый наш круг, на который мы возвращаемся, но уже в ином переосмыслении.

Теперь мне часто снится этот город у подножия зелёных гор. И снятся только улицы и трамваи, на которых я еду к своему бывшему дому и всё попадаю не туда, потому что маршруты давно изменились. Сразу, как я уехала, снилось родное издательство: длинный коридор, распахнутые от жары двери кабинетов. Я иду, и в каждом кабинете у меня знакомые, но я их не вижу, а только о них знаю, что они там. Иду, и не могу дойти до двери своей редакции... Теперь еду и всё попадаю не туда.

Время не возвращается. В Реку Времени дважды не попадают. Время, когда все реки текли в гору, давно и безвозвратно прошло. Чтобы не быть неблагодарной тем людям, которые со мной тогда работали и общались, чтобы их не забыть, я написала свои воспоминания о том, чего многие не заметили. Я ведь тоже много чего не заметила. У каждого свой поток в Реке Времени.

г. Воронеж.

Владислав ВЛАДИМИРОВ

ОГЛЯНИСЬ НЕ В ДОСАДЕ

Ещё раз о том, что такое Целина

Из прошлого – близкого и далёкого

(Продолжение. Начало в № № 1-3 за 2013 г.)

Этому неординарному человеку и военачальнику выпала незавидная (и совершенно нелепая, трагикомическая) участь *загреть* в компанию ГКЧП и потом оказаться на жёстких нарах в тюрюге с полулирическим названием «Матросская тишина».

Но со временем всё утряслось.

К Язову вернулось его доброе имя и желание поведать людям о своих нелёгких жизненных одиссеях. И Дмитрий Тимофеевич это сделал, как сделал это намного раньше его Николай Григорьевич Лященко.

Очень дорожу их книгами.

... На обратную дорогу, которую следующей ночью мы одолевали уже без вертолётa, а по земле, радушные хозяева одарили гостинцами – каждому в целлофановом пакете по две большие буханки армейского хлеба – белого и ржаного.

Сказано было со значением: «Из целинной муки!».

Дома я разрезал этот хлеб на равные доли, чтобы каждому из самых близких друзей, и порадовался, что у меня ещё есть кому дарить этот целинно-армейский хлеб.

«Ты что примолк, святой Владислав?» – прервал мои затянувшиеся ратно-милитаристические видения Д.А., ещё, как я сам, не знавший, что многие из них потом живьём, почти фотографически, перекочуют в мою многострадальную трилогию «Вернуться и ничего не забыть», и она станет самым памятным и правдивым для меня дневником моего же бытия при Димаше Ахмедовиче, моим более чем *тысячестраничным* вариантом летописи последней четверти XX-го столетия с оглядом на всю нашу Историю – таким, каким мне довелось видеть этот век-волкодав рядом с Кунаевым с высокой колокольни Политбюро ЦК КПСС, чьи самые секретные документы каждый Божий день проходили через меня вместе со многими другими материалами, о которых и по сию пору не догадываются миллионы людей.

«Это я примолк?».

«Да, ты...».

«Но речь не обо мне. Метал так метал. На то и учения. А не метать, так это примерно то же самое, что зайти в кабак и попросить себе морсу или молочка».

«Э-э, понял тебя. В кабак, говоришь?.. Небось, угощаетесь вместе?».

«С кем?».

«С ним. Не с Папой же Римским!» – услышал я.

И тут же моментально подумал: кто же это настучал: было ведь однажды и такое, только однажды, а вот на тебе – и об этом, наверное, в курсе Д.А. Как-то без него улетали группой из правительственного аэропорта Внуково-2, а там на втором этаже уютный спецбуфет для лётных экипажей. Но и если какой пассажир зайдёт, его не выгоняют, напротив, все из себя внимание и забота почти райские: случайных людей во Внуково-2 отродясь не бывало.

Тепло приветили и нашу группу.

А на полках под стеклом и без стекла всякая такая привлекательная всячина. С броскими этикетками и солнечно сверкающими боками. Вроде как сама просится, чтобы с собой её прихватили. Или же тут, в крайнем случае, не отходя, отведали.

Ну, естественно, слаб человек, особенно если самого большого начальства нет рядом. Что нам оставалось делать в нашем положении, когда какое-то время у нас в запасе было? Правильно – и прихватили мы с собой, и там отведали. Но не по московским (то есть самым гигантским) нормам, а как положено, вернее, как было уместно.

Ни больше, ни меньше.

И вот кто-то настучал для Д.А.

Примерно определив в уме, кто это, вслух я заметил: «С Папой Вы встречались, а я только с Цэденбалом».

«Да, тот мужик запойный. Авсё потому, что у него баба – русская».

«Жаль, что не казашка».

«Не юмори. Уж я-то знаю, как ты ухлёстываешь за казашками. Ты хороший конспиратор. Ленинец».

«Это почему?».

«По кочану, – почти в рифму отозвался Кунаев. – Экий ты недогадливый. Да потому, что Ленин крутил с Коллонтай и другими. С Арманд Инессой, например. А Надежда Константиновна ничего не ведала! Или делала вид».

Д.А. откинулся в кресле, прищурился в иллюминатор – хлеба на целинной земле разливались бескрайние. Кто это хотя бы разок видел, тот неизбежно подумал о том, сколько же много хлеба надобно людям и стране.

Кунаев радостно улыбнулся видению и поинтересовался: «Тебе Цэденбал что подарил?».

«Автограф. Как курица лапой».

«А мне орден Сухэ-Батора пожаловал. Это у них, как у нас орден Ленина. Да ещё впридачу медаль «Найрамдал». Что в переводе «Дружба». А вот теперь, хочешь не хочешь, но надо опять за эти железяки расплачиваться. Его к нам в Казахстан приглашать. Со всей свитой! Ужас! Да они, с их алкашными талантами, нас обожрут и обопьют!» – сокрушался Д.А.

И он был по-своему прав.

Летом 1975 года в своё почти месячное пребывание в Румынии (именно так получилось, и, видимо, именно так было надо) мне довелось там довольно тесно пообщаться с малого росточка, но большим по должности в монгольском ЦК, очень приятным и умным функционером. Жена у него была столь же, как и он, общительна и эрудирована, а дочери с ними не

было – она училась сравнительно неподалёку от Румынии – в Германской Демократической Республике. От высокопоставленной монгольской четы это я узнал сразу. Догсамын (так звали его по имени) не сразу, но довольно быстро, в несколько дружеских вечеров успешно помог мне освободиться от всех запасов её родимой. Ему очень понравилось, когда дегустируя его народный напиток – монгольскую водку, именуемую «архи», я заметил: что не даром, ещё на заре всех главных российских революций, наш великий Ленин подчеркнул: «Архи – важно».

Димашу Ахмедовичу об этом знать было совсем не обязательно, но, судя по некоторым точным признакам, ведал он и об этом.

Как я оказался в Румынии?

Очень просто.

В среду, 18 июня 1975 года, к трём часам пополудни, тогдашний министр иностранных дел Казахской ССР Малик Сабирович Фазылов, будущий (с подачи Кунаева) посол Советского Союза на африканском континенте, вместе со своим сотрудником завёл по предварительной договорённости с Кунаевым в Первую приёмную прибывшего в Алма-Ату Чрезвычайного и Полномочного Посла Социалистической Республики Румынии в СССР Георге Бадруса и первого секретаря её посольства в СССР Янку Рыпана.

Ещё раньше мидовцы подняли из багажника подъехавшей к боковому входу ЦК «Чайки» увесистый, перепоясанный цветной бечёвкой свёрток – дар Кунаеву. Примерно два таких же «веса» оставались в багажнике, очевидно, предназначенные для председателя Президиума Верховного Совета Ниязбекова и республиканского премьера Ашимова.

Когда мидовцы отбыли, мы с Абдрашитовым ознакомили Д.А. с этим румынским подношением визуально уже у него в кабинете: «Вот Вам привет от Чаушеску».

Д.А. сразу же открестился: «Но это, дорогие мои, не по моей части, а по вашей. Возьмите себе, да смотрите, не обделите Дуйсетая. Он насчёт хорошего вина тоже мастак. А ты, Хаким, не забудь: на подарок есть отдарок. Чтобы румыны не отъехали с пустыми руками. Посоветуйся с Фазыловым. Им ещё лететь в Караганду, потом в Целиноград».

Низенький Бадрус был гладким, как колобок, с начёсом чёрных волос через макушку головы от левого уха на правое. Улыбчивый, он располагал к себе с первого взгляда и всем обличем смахивал на добродушного молдаванина-винодела. Иначе выглядел и держался высокий, по-военному подтянутый Рыпан с профилем древнего римлянина и строго поджатыми губами. Он был заметно моложе своего шефа, и подавал себя так, будто бы сам являлся главным лицом, а не Бадрус. Обоих румынских дипломатов, облачённых в чёрные (никак не гармонирующие с семиреченской жарой) костюмы, украшали галстуки броских узоров.

Фазылов и его сотрудник пришли в светлых костюмах.

Кунаев тоже в этот день был в светлом.

Беседа длилась 1 час 15 минут.

Переговорили о многом. Д.А. дал понять послу, с кем надо сейчас Румынии дружить, а с кем не надо, то есть – с нами или же с Китаем. Но никакого откровенного разговора не получилось.

«У себя дома друзьям мы показываем больше, а не-друзьям – меньше», – заметил Кунаев, желая гостям доброго пути.

Рыпан стремительно занёс сказанное в свой блокнот.

После беседы Кунаев сказал мне: «Вот и ты убедился, какие это странные люди. На языке медок, а под языком ледок. Так, кажется, говорят русские».

«Есть и казахский эквивалент», – отозвался я.

«Молодец! – одобрил Д. А. – Если ты не против, то возьми отпуск и скатай в Румынию вместе с женой. Тем более, что ты там уже разок побывал без жены. Дипломатический паспорт у тебя есть. Проставишь в Москве визу – и всё в порядке. Да за тебя всё сделают там в ЦК. У них есть летом такая штука. Называется – отдых по обмену. К нам, в СССР, едут, положим, 20 румын, а к ним 20 – наших. Заодно и посмотришь, правду ли нам говорил этот самый то-ва-рищ Бадрус. Потом мне расскажешь, а я – Леониду Ильичу. Может быть, и аналитическую записку напишешь. Согласен?».

«Это что же – партийное поручение? – спросил я. – Осенью же ехать во Францию. А дважды на год за границу нельзя».

«Да, во Франции будут Дни культуры СССР на примере Казахстана. Ты едешь – как журналист. Заготовь удостоверение. Поставь печать в редакции. Это будет правдой. Чтобы кто-то там не мучался догадками и загадками, оставь эту бумагу в любом отеле. Потом, увидишь, она тебя сама догонит. Вернёшься, напишешь о Днях для печати. А сможешь, так и – книгу. Кто-то другой ничего не напишет. Это я хорошо знаю. А нам себя миру показывать во как необходимо! Позарез! – Д.А. провёл широкой ладонью поперёк выше галстука. – Так что пусть у тебя, Владислав Васильевич, голова не болит, сколько раз можно, а сколько нельзя. Сколько надо, столько раз и поедешь. Не развлекаться, а ради пользы дела... Послу в Румынию я прозвоню при тебе. По ВЧ. Там у нас тёзка Чапаева – Василий Иванович. Хороший мужик. Но, скажу тебе по секрету, Чаушеску навострился даже нашу ВЧ-связь прослушивать. Это великое достижение. Никто не умеет, а у румын выходит. Правда, так часто получается, что выходит легко, а вот входит – трудно...».

Д.А. засмеялся и закрепил последнюю фразу понятным жестом.

Из Румынии я привёз искомую записку (под грифом).

Из Франции цикл статей и книгу – «Без антракта».

«Записку твою Брежнев похвалил за откровенность, – сказал мне Кунаев. – Ему понравилось, как ты правильно написал о ЗАКОНЕ УБЫВАНИЯ ПРАВДЫ: чем выше ярус, тем её становится меньше. Говорит: а что, это действительно так – и в Румынии, и у нас».

Похвалил потом Димаш Ахмедович и мою книжку. А она, в свою очередь, порадовала всех моих давних и новых друзей по очень трудной, но триумфально успешной для Казахстана и СССР поездке. Не знаю, что в этой книге понял приснопамятный генерал КГБ Закаш Камалиденов (зла у меня на него никакого), но даже и он сказал мне: «Написано хорошо. Всей семьёй читаем».

Я в шутку поинтересовался: а вот ежели перейти в их систему, то на какое воинское звание можно рассчитывать?

Он всерьёз ответил, что – на майора.

Зная, что Димаш Ахмедович до поры до времени благоволил ему очень (вместе с Андроповым, который у себя в конторе рекомендовал готовить Закаша по индивидуальной программе), не стал я веселить Кунаева серьёзным ответом его тогдашнего любимца, в котором сам Д.А. ещё не скоро разочаруется – окончательно и бесповоротно, о чём откровенно скажет в своей книге «От Сталина до Горбачёва».

Но до этого надо было ещё прожить много лет – и каких лет!

«Не обопьёт Цэдэнбал со своими монголами Казахстан, – приуспокоил я Димаша Ахмедовича. – Резервный фонд Совмина, поди, выдержит. Да и Москва что-нибудь подбросит».

«Держи карман шире», – посоветовал Кунаев.

Первый секретарь ЦК Монгольской Народно-революционной партии, Председатель Президиума Великого Народного Хурала МНР Цэдэнбал находился в Алма-Ате с огромной партийно-правительственной делегацией во второй декаде октября 1976 года. 22 октября в честь монгольских гостей в Доме приёмов по улице Курмангазы, 42 (рядом с дореволюционным многоколонным особняком; этот дом, здорово смахивающий на помещичий, занимала семья Брежнева в его бытность в Казахстане) от имени ЦК Компартии Казахстана, Президиума Верховного Совета и Совета Министров Казахской ССР был дан обед.

По отпечатанному на мелованной бумаге карт-меню каждый из присутствовавших на обеде с советской стороны мог значительно пополнить свой лексический запас монгольских слов. Точно так же лингвистически обогащались и дорогие гости из Монголии, потому что вся 21 кулинарная позиция тут же обозначалась и на русском.

Их аппетитная перекличка графически, двумя столбцами золотистых букв выглядела настоящей поэмой.

Цитирую (дословно) по сохранившемуся у меня раритету:

МЕНЮ	ХООЛНЫ ЦЭС
Икра осетровая	Хилэм загасны турс
Икра кетовая	Хулд загасны турс
Осетрина отварная	Хилэм загасны чанасан мах
Сёмга с лимоном	Нимбэгтэй хулыг загасны мах
Рулет из вырезки с казами	Адууны хуйлж хэрчсэн мах
Филе с овощами	Холины ногоотой голмах
Казы	Адууны гадар
Жая, карта	Дотор махан хэрчмэг
Жиго барашка	Хурганы мах
Паштет из печени	Шарсан элэг
Сыр из кур	Ээдмэг
Утка с яблоками	Алимтай нугасны мах
Овощи свежие	Шинэ ногооны холимог
Куырдак	Шарсан мах
Плов	Хачиртай агшаамал
Мясо по-казахски	Тасалсан гурилтай мах
Пломбир	Пломбир
Фрукты, чай, кофе	Жимс, цай, кофе

Народные напитки как слабые, так и крепкие в поэме «Хоолны Цэс» не обозначались, но на семи громаднейших столах наличествовали в исключительном изобилии.

Были они и раньше – 25 апреля 1976 года, когда Кунаев принимал партийно-правительственную делегацию ЛНДР – Лаосской Народно-Демократической Республики во главе с Генеральным секретарём Народно-революционной партии Лаоса, Премьер-министром ЛНДР Кейсоном Фомвиханом.

Программу пребывания составили на французском, казахском и русском языках.

56-летний лаосский генсек и Премьер был скроен плотно. Стриженный под бобрик, он, когда говорил, энергично жестикулировал. Видать, у себя на родине любил держать речи. С 22-х лет от роду он (с 1942 года) отважно сражался сначала с японскими оккупантами, потом с французскими колонизаторами и североамериканскими их покровителями. Был принцем, но категорически отказался ради социалистических идеалов от видов на королевский престол.

В Доме приёмов вместе с экс-принцем местные яства охотно вкушали министр иностранных дел ЛНДР Пхун Сипасет, начальник Генерального штаба НОАЛ – Народно-освободительной Армии Лаоса Сисават Кеобднепхан, а также заместитель Председателя Совета Министров СССР, опытный плановик, лауреат Сталинской премии Михаил Авксентьевич Лесечко.

Конечно, Кунаеву было очень интересно послушать бывшего принца, а Фомвихану – Кунаева.

На вопрос Д.А. – «Как у Вас с северным соседом?» – имелся в виду Китай, – Фомвихан ответил уклончиво: «Проблем нет».

О том, кто в посольстве СССР недавно взорвал гранату, Д.А., понятно, спрашивать не стал.

Но Фомвихан сам сказал: «Бандиты расстреляны».

Пояснил: «У нас 80 процентов страны в лесах. Много банд и шаек».

Посол СССР в Лаосе Вдовин, не пострадавший при взрыве гранаты, одобрительно уточнил: «Товарищ Фомвихан с ними – методом диктатуры пролетариата».

В речь Кунаева на приёме в честь дорогих гостей вписали такой абзац: «Как подлинные интернационалисты, свято выполняя заветы великого Ленина, советские люди всегда были солидарны с героической борьбой лаосского народа против французских и американских империалистов».

Гости с большим вниманием выслушали вечером 27 апреля 1976 года эту речь (из семи коротких, но динамичных абзацев) и горячо поддержали провозглашённый Димашем Ахмедовичем тост: «... за уважаемого товарища Кейсона Фомвихана и всех членов лаосской партийно-правительственной делегации».

Расставались очень довольные друг другом.

Кунаев умело скрыл от них свою печаль: по ВЧ-связи звонил ему Брежнев и сквозь слёзы сказал про неожиданную смерть Гречко, с которым очень дружен был по фронту ещё с Сорок второго года. Министр обороны

СССР умер у себя на даче. Вечером адъютант помог ему раздеться. Маршал остался в пижаме, включил настольную лампу, сел в кресло почитать – это он делал перед сном каждый вечер. Адъютант затворил дверь, а утром Гречко нашли мёртвым.

«Как Карл Маркс, тоже в кресле умер, – грустно сказал мне Д.А. – А с бывшим принцем, слава Аллаху, пронесло. У нашей «Чайки» лопнул карданный вал. С треском вывалился на асфальт. Грохот, как из пушки! Ну да ты сам слышал. Если бы это случилось на ходу, да по дороге с гор, было бы много дров...».

А 12 ноября 1976 года вдохновенная поэма «Хоолны цэс» уже была оформлена на родном языке Шопена, Мицкевича, Дзержинского и Рокоссовского в честь пребывания в Казахстане партийно-правительственной делегации во главе с Первым секретарём ЦК Польской объединённой рабочей партии Эдвардом Гереком.

Приданные кулинарной поэме славяно-европейские вариации дали возможность число её позиций поднять до 23-х. Однако любимая поляками и лично тов. Гереком (в прошлом шахтёром) свинина ни под каким видом не профигурировала.

Догадываюсь, правда, не очень твёрдо, почему вместо 23-х (в честь поляков) позиций их число на следующей трапезе опустилось до 19-ти, а свежие фрукты были заменены соками, когда за семь громадных столов Дома приёмов уселись братья-болгары во главе с хитрым крестьянским сыном (так он сам аттестовал себя на этом обеде в четверг, 2 июня 1977 года) Первым секретарём ЦК Коммунистической партии Болгарии, Председателем Государственного Совета НРБ Тодором Живковым. Своих свежих фруктов в Алма-Ате ещё не народилось, а гонять за ними в Ташкент ведавший всеми обеденными церемониалами, обустройством гостей глава ХОЗУ (хозяйственного управления) Совмина Николай Ефимович Бабкин посчитал шибко накладным. Поляки накануне к рулету из вырезки с казами почти не притронулись, а посему болгарам её заменили рабочекрестьянской есетрой с майонезом – осетриной под майонезом.

Как бы то ни было, а Живков оказался намного живее Цэдэнбала, Фомвихана и Герека, вместе взятых. К сожалению, сказанное не в митинговом порядке им и Кунаевым, как и Цэдэнбалом с Фомвиханом и Гереком, нигде не публиковалось – именно таким было стойкое пожелание незабвенного Константина Устиновича Черненко.

«Хрен с ним, с этим долбаным вурдалаком! – очень сильно выразился Д.А.: он не любил даже всуе упоминать о всесильном и весьма ревнивом клевете Брежнева. – Но ты, святой Владислав, не теряйся, фиксируй всё, потому как это тоже важно для Истории. Потом отдашь мне и себе не забудь оставить».

При первой же встрече с Кунаевым Живков напомнил, что болгарам Казахстан знаком хорошо по Казахстанской Магнитке и по Целине, прежде всего. Сейчас болгары ладно трудятся в Коми АССР на лесоразработках. А нельзя ли сделать так, чтобы дать возможность работать им и в Казахстане?

Кунаев соориентировался мгновенно: «Почему нельзя? Можно! Давайте совместно возьмёмся за Экибастуз. Там огромные залежи угля для добычи его в карьерах открытым способом».

«Вот это дело! – обрадовался Живков. – А то Господь обидел нас природными ископаемыми. Про наш уголь говорят: это – украинский чернозём».

Накануне его прилёта Кунаеву звонил по ВЧ-связи Брежнев и настойчиво просил не забыть подробнее поведать Живкову о Казахстанской Целине. Естественно, просьба Леонида Ильича была уважена самым наилучшим образом. И то, что особенно хотел Брежнев, Живков тоже услышал от Кунаева: «Сказать откровенно, то, сколько до 1954 года хлеба сдавал Казахстан, не очень волновало страну. Сейчас иное дело. Вместо девяти миллионов гектаров мы в Казахстане размахнулись и освоили 25 миллионов. Населения у нас 14 миллионов человек. В расчёте на каждого казахстанца выходит, что у нас в год каждый производит по две тонны пшеницы. Не всякая страна может дать такую статистику. Наша Целина себя полностью оправдала. Были и крупные провалы. Но главное делается, и перспективы самые хорошие. Целина потянула буквально всё за собой – вверх. Животноводство двинулось в гору. У нас теперь 45 миллионов овец. По республике мы каждый год строим по 4 тысячи километров асфальтированных дорог. Нефти стали давать больше, чем Баку. Сейчас село у нас на все 100 процентов газифицировано. Готовим перевести Павлодарский тракторный завод на выпуск мощных «К-700» и «К-701». Технически перевооружаем всё сельское хозяйство. Но людей у нас нехватка. Капиталовложения осваиваем неполностью. Нам как минимум надо бы по 30 миллионов в день. Не очень всё это просто. Но работаем, работаем. Хорошо бы Вам, товарищ Живков, посмотреть на всё у нас своими глазами. В целом народ наш сегодня неплохо живёт. А завтра будет жить лучше. Всё от культуры души и труда зависит, от дружбы между людьми. Вот и Ваш приезд для всех нас в большую радость...».

«Болгария до Сентябрьской революции была на последнем месте в Европе, – говорил Живков. – За нами была только Албания, конечно, не по вине албанского народа. Сейчас про нас уже не говорят, что наша новая Болгария – это огород Европы. Мы уже и электронику прилично развиваем. У нас тут второе место после СССР. Но и нерешённых задач ещё много. Да и живём мы на Балканах, а это, как знаете, очень сложный регион. Мы не 16-я республика СССР. Но в целом мире нет другой, более близкой Советскому Союзу республики. Именно так нас воспитал Георгий Димитров. Кто поднимет руку на Болгарию, то поднимает руку на Советский Союз. Это ОНИ знают, это и МЫ знаем».

Готовясь к митингу болгаро-советской дружбы во Дворце имени Ленина, Живков с подкупающей улыбкой заметил, показывая загнутым большим пальцем на себя: «Чем меньше страна, тем больше мы говорим. Минут 20 можно?».

Свежая Золотая Звезда Героя Советского Союза (только что вручённая ему в Москве) на левом лацкане светлого пиджака у него была перевёрнута, но он не замечал этого.

«Сколько угодно! – воскликнул Д.А. – Мы готовы выслушать Вас».

В темпе свозили Живкова в охотничье хозяйство Караченгиль.

На добрую память о себе живковцы пооставляли аккуратные чемоданчики из чёрной кожи, напоминающие футляр от портативной пишущей машинки. В футляре обнаружились не вызывавшие глубокого возмущения презенты в виде цветного сувенирного платка с видами Болгарии (их в натуре мы видели в 1970-м вместе с моим давним другом Славой Ворониным), флакончика с розовым маслом (из роз Казанлыка), блока высокосортных сигарет «БТ» и четырёх сосудов с духоподъёмными болгарскими напитками, лучшим из коих был, разумеется, коньяк, поименованный в честь древней столицы Болгарии – Плиски. А поверх всего приветно белел аккуратный конвертик с вложенной в него визитной карточкой Тодора Живкова.

«Сами-то болгары перед отлётом тоже здорово на свою сливовицу и «Плиску» в гостинице поднажали. А сначала оставили в книге отзывов самые хорошие записи. Затем распечатали баночки с простоквашей, которые с собой привезли, и – вперёд! Гужевали до трёх ночи... Молодцы!.. А ты продегустировал, поди, дары Живкова со своими балеринами?» – потом вроде бы невзначай поинтересовался Д.А.

«Нет, с балеринами не успел. Улкен рахмет (большое спасибо) Живкову сказали с братцем, – вынужден был я выложить всю правду. – Помогали в воскресенье белить комнату, коридор и кухню матери. Ну и...».

«Ну и тоже молодцы, – не дав мне подробно пояснить, одобрил Д.А. – Передавай маме привет. Я её хорошо помню. Все говорят, – прекрасный врач. Пономаренко знал это. Сатпаев тоже. Симаков Каюм Мухамеджанович. Многим она здоровье вернула. Знаю, плохо у неё самой со зрением. Но операции помогли, да? Вот и хорошо. А если в чём она нуждается, так ты скажи мне сразу. Не стесняйся. Запомни навсегда: первый наверху Бог, а тут на земле она, мать, после Бога – первая!».

Но самый большой интерес к проблемам освоения Целины и способам их преодоления проявили отнюдь не Цэденбал и не Герек с Живковым, а долго беседовавший с Кунаевым африканский Кастро – Председатель ВВАС – Временного военного административного совета Социалистической Эфиопии, глава КОПТЭ – Комиссии по организации партии трудящихся Эфиопии – Менгисту Хайле Мариам.

Главкомандующий Вооружёнными Силами своей страны, 39-летний её лидер имел всего лишь воинское звание подполковника, тем самым подчёркивая, насколько он скромнен в своём истинном величии. Белозубой улыбкой и зрелыми рассуждениями о созидании царства социализма на древней абиссинской земле он очаровал Брежнева и всю московскую группу Политбюро.

Делегация Социалистической Эфиопии была невероятно огромна. Но Менгисту Хайле Мариаму искренне хотелось, чтобы как можно больше его верных соратников услышало и увидело воочию, на какие экономические и духовные волшебства способен зрелый социализм, который он собирался трансплантировать в эфиопскую явь с учётом всей её исторической и современной специфики. А с неверными соратниками подполковник Менгисту обходился круто. Мог,

например, чересчур возражавшего ему оппонента уложить наповал прямо на заседании ВААС выстрелом из пистолета.

Вот такие были у Кунаева самые достоверные сведения.

И ещё масса других, столь же убедительно дополнявших неповторимый облик этого африканского Кастро, к которому сам Фидель Кастро Рус, брезгливо отвергавший всякое грубое насилие, относился с довольно-таки сложными чувствами, но однако с полным революционным пониманием особенностей далёкой от Кубы Эфиопии.

4 ноября 1980 года КазТАГ распространил для печати, телевидения и радио пространную информацию под заголовком «Встреча в Центральном Комитете Компартии Казахстана». Второй абзац этого текста, согласованного с Кунаевым, в моей аранжировке выглядел так: «Гость был ознакомлен с достижениями Казахстана во всех областях народного хозяйства. Особое внимание уделялось опыту освоения целинных и залежных земель, которые позволяют совхозам и колхозам республики продавать государству ежегодно в среднем около одного миллиарда пудов зерна, а также созданию в Казахстане многоотраслевого сельского хозяйства».

Далее отмечалось: «Менгисту Хайле Мариам подробно рассказал о ходе революции в Эфиопии, о достижениях её народа в строительстве новой жизни, подчеркнул ценность советского опыта в деле становления и развития Социалистической Эфиопии».

Внимательный глаз мог бы отметить, что нигде ни Менгисту Хайле Мариам, ни его спутники *товарищами* не назывались.

Помимо Кунаева и Менгисту Хайле Мариам персонально перечислялись все 24 участника беседы, в которой они не проронили ни слова. Обозначились в тексте и мы с Абдрашитовым и заведующим международным отделом нашего ЦК Мэлсом Габитовичем Кабулбековым. Бекежанов на встречу не пошёл, поскольку на все её полтора часа междугородные телефонные звонки к Кунаеву и ВЧ-связь замыкались только на нём.

«Всем хорош парень, этот самый Менгисту. Да только до Фиделя ему далековато. Шею себе этот молодой человек сам свернёт. Или ему помогут... Вот, дорогой мой, когда два сапога – не пара! – сказал мне после беседы Кунаев, соглашаясь с заготовленным для КазТАГа текстом. – Вот о чём надо писать! И под ковёр ничего замечать не надо. Даже если этот приём стар как мир. Мне достоверно доложили: уж очень хотел Менгисту поиметь у нас хорошую блондиночку. Каков аппетит, а?... Неужто в Москве профурсетки перевелись?... Быть такого не может!...».

Со временем я учёл пожелания Д.А. насчёт старого как мир испытанного приёма «замечать под ковёр».

Сбылись и все его прорицания о Менгисту Хайле Мариаме.

Первый вариант моего эссе «Фидель» он и Снегин успели сами прочитать, а второй, значительно дополненный и ставший через посла Кубы в Казахстане известным самому его главному герою («Нива», Астана, 2003, №№ 7, 8, 9), уже не успели. Как не довелось им увидеть напечатанным моё же весьма трагическое сказание под титулом «Улыбка подполковника Менгисту».

В канун 38-й годовщины Победы над гитлеровской Германией Алма-Ату (сообщалось: Казахскую ССР) посетила партийно-правительственная делегация ГДР – Германской Демократической Республики во главе с Генеральным секретарём ЦК СЕПГ – Социалистической единой партии Германии, Председателем Государственного Совета ГДР Эрихом Хонеккером.

Он был ровесником Кунаеву – тоже с 1912 года рождения. В коммунистах состоял с 17-ти лет – с 1929 года. Кунаев же в партию вступил в 1939-м. В 1933 году Гитлер легитимно пришёл в Германии к высшей власти. Компартия подверглась жесточайшему разгрому и репрессиям. Десять лет Хонеккер пробыл в заключении, но оно не сломило ни его духа, ни воли.

В 1983 году никто из нас даже в самом кошмарном сне не видел такой ситуации, когда восемь лет спустя больного раком Хонеккера доставят в Москву специальным рейсом из советского военного госпиталя в Германии. Но не для того, чтобы излечить его от жестокого смертельного недуга, а чтобы через некоторое время (Горбачёв – всем членам Политбюро: *«Вот тут, товарищи, есть мнение, я – за, кто против?»*) – отдать в августе 1991 года в Германию под суд.

Кунаева к той самой печальной для доживающего свои последние дни Хонеккера осени уже давно не было ни в Политбюро ЦК, ни даже в членах ЦК, а до агонии всей КПСС оставалось совсем немного. Metallурги Магнитогорска обратились в Москву с требованием вернуть им Хонеккера на попечение. Но в Кремле и на Старой площади прислушивались уже к другим голосам. Больше и громче всех по адресу Хонеккера прокатывалась и яро возглашала проклятия известная *правозащитница* и вторая супруга академика Сахарова Елена Боннер. Она-то и была услышана главными могильщиками КПСС и мирового социализма.

В отличие от всех визитов высоких иностранных делегаций традиционного обеда в честь делегации ГДР не было. Хонеккер очень торопился, и тогда было решено перед самым его отлётом устроить в пятницу, 6 мая 1983 года в Доме приёмов не обед, а – завтрак, ровно в полдень по местному времени. Но так, чтобы в украшенном золотым гербом Казахской ССР карт-меню не дрогнула или как-то исказилась ни одна из традиционно-прежних строф величественной кулинарной поэмы.

Гостям завтрак пришёлся по вкусу и по душе.

В особенности новый напиток, поименованный хозяевами «Алтын-Су» – «Золотая вода». Вода была и в самом деле по цвету золотистой, а по крепости – сорокаградусной, но поглощалась гостями без какого-либо отращения.

17 марта 1984 года «Алтын-Су», не обозначенная в «Дастархан мәзірі – Меню», отпечатанном голубой краской на мелованной бумаге, была в обилии предложена вместе с другими благородными напитками участникам многолюдного приёма, устроенного Центральным Комитетом Коммунистической партии Казахстана, Президиумом Верховного Совета Казахской СССР и Советом Министров Казахской ССР в честь 30-летия освоения целинных земель...

... Д.А. проследил за очередным подплывшим под крыло самолёта огромным зерновым клином, отдал мне синоптическую сводку и снова заговорил о Брежнев, который недавно побывал в Алма-Ате.

«Старик устал. Новые зубы ему вставили. Опять неудачно. Клацают. Поэтому он не желает, чтобы его транслировали по телевидению и радио. Ведь он не выговаривает некоторые слова вообще, а некоторые говорит так, что их никто не поймёт. Например, Джавахарлал. Один рабочий даже письмо в Политбюро прислал: «Почему генсек выступает пьяным?». – Д.А. иронически улыбнулся. – Он же до Алма-Аты в Тбилиси был и от грузин утомился. Они его задержали, устроили встречу с долгожителями – чтобы подбодрить и дать понять, что жить на Белом Свете можно долго-предолго. Там один старик был. Ему сто пять лет. Говорит: «Жэна помэрла, хотэл бы жэныться снова, да вот, кацо, сыновья не разрешают. Одному сыну восемьдесят восемь лет, а другому девяносто». Беда... Очень понравился Брежневу этот дед. Они вместе сфотографировались на память...».

«Надо было бы взбодрить генсека ещё и древнеримскими актрисами», – неожиданно предложил я.

«А это как?» – заинтересовался Кунаев.

«А так, что Вы при первой возможности вполне сможете поддержать бодрость и дух Леониду Ильичу».

«Да что ему поддерживать, он здоров, как...» – чуть спазировал Д.А., подыскивая подходящее сравнение.

Я подсказал: «... как эМТээСовский бык?».

Д.А., не улынувшись, кивнул головой: «Пожалуй, и так можно сказать. Видишь ли, за границей про его здоровье страсти-мордасти накачивают. Это намеренно творится, потому что, сам знаешь, вся их информация у нас не в народ идёт, а поступает в Политбюро. Леонид Ильич её первым читает. Ну и прежде всего остального – про себя. Человек читает день. Читает неделю, месяц. Читает год. А там в разных вариациях, но дуда одна и та же: болен, очень болен, непоправимо болен. И тут он поневоле задумывается: а может быть, у меня со здоровьем действительно кранты, да вот только главный лекарь Кремля академик Чазов и все его светила от меня это скрывают? А? И начинает прислушиваться к себе, сам выискивать недуги...».

«Самое страшное – это мнительность», – поддакнул я.

«Не дрейфь, святой Владислав! Брежнев не из паникёров. Своё он с Гречко отпаниковал на войне. Уж я-то знаю... А сейчас он действительно здоров и бодр. Спроси-ка у Дуйсета, сколько в прошлый приезд фазанов уложил Леонид Ильич, ахнешь!» – разгорелся Кунаев.

«И сколько же?».

«Не поверишь...».

«Поверю», – пообещал я, памятуя (была у меня краткая пометка в календарной тетрадке), как в понедельник, 30 декабря 1974 года Кунаев сказал: на охоте в минувшее воскресенье он насшибал тридцать фазанов и затем похвалил генсека, себя тоже – с ним в паре бывало и по восемьдесят фазанов брали.

И на этот раз Д.А. ничуть не отклонился от прежде названных им цифр. Опять я невольно восхитился его кибернетической памятью. Но восхищение я придержал при себе, давно и хорошо зная, что откровенных похвал он не привечает, и несколько нарочито-разочарованно протянул: «Три-и-дцать? Во-о-семьдесят?».

«Что, по-твоему, мало? – ревниво обеспокоился он. – Да я посмотрел бы, сколько бы ты насшибал!».

«И насшибал бы, – заверил его я. – Коль была бы в том нужда».

«Не сомневаюсь», – согласился Д.А.

«А Ваши результаты с царской охотой не сравнить».

«А ты что, бывал с царями на охоте?».

«Не довелось, но вот крупный историк и пушкинист Щёголев писал, что за одну охоту Николай Второй насшибал в Четвёртом или Пятом году сто сорок четыре дрофы. Шла война с Японией, а царь бил бедных птичек».

«Да, это очень нехорошо с его стороны, – опять охотно согласился Кунаев. – А Щёголева я тоже читал. Про него самого теперь немало пишут. Учатся у него. Толковый был специалист. Сейчас таких нет. Кстати, в масонах состоял. Был ещё членом Следственной комиссии вместе с поэтом Александром Блоком, которая здорово растрясла все явные и тайные злодеяния царского самодержавия. Её материалы обильно публиковались в двадцатые годы. Зачитаешься... Ну да шут с этим самодержавием. Ты мне про древнеримских актёрок начал, да не закончил... Что я про них могу сказать Леониду Ильичу?».

«А то, Димаш Ахмедович, что ему в полный пример и образец – римская танцовщица Галерия Копиала. Она в свои полные сто лет выступала на сцене перед зрителями. А другая древнеримская актриса – Люция не покидала театр до ста двенадцати лет».

«Ага-а, это тебя твои балерины просветили!» – торжествуя посмотрел на меня Д.А. – Молодцы они! Что ж, ладно. Люцию я запросто запомню. Рево-Люция... А вот первая, как её, Валерия...».

«Не Валерия, а – Галерия. Галерия Копиала».

«Хорошо – Галерия. От слова «галера»... А вот Коп... На этой самой Коп...и...а...ле можно язык не так повернуть, как надо... Вот что... Ты лучше мне печатными буквами напиши её древнюю фамилию. Прочитаю Леониду Ильичу по слогам. Лишь бы он правильно понял, а то ещё не так оценит или потом заставит свою жёнушку Викторину Петровну как следует заняться балетом...».

Мы на время замолчали.

Самолёт Андрианова мерно двигался в пространстве. За круглым иллюминатором еле заметно подрагивало огромное крыло, а под ним большой хлебной панорамой проплывали бескрайние поля, демонстрируя гигантские масштабы будущего зернового потока. Д.А. удовлетворённо кивал головой, а потом вернулся к тому самому волнующему его дознанию.

«Так, небось, с Нурсултаном угощаетесь?».

«Небось – нет! – сказал потвёрже. – А вот за поддержку я ему благодарен. Свара была Вам известная. Как всегда видно, откуда уши и хвосты торчали. А он мне рекомендовал послать их всех, этих сварщиков, на предлог и три буквы!».

«И правильно! – одобрил Д.А. – Но всё-таки вы угощались. И вот в этом же самолёте. Когда из Москвы вылетали. Он, Дуйсета, ты», – стал медленно перечислять Д.А., загибая смутные и сильные, как у дирижёра или виолончелиста, пальцы на левой руке.

Значит, про знатный буфетец во Внуково-2 на втором этаже, откуда неплохой вид на фонтан, слегка задрапированный белыми берёзками, наш бесценный Дед и мой Непревзойдённый Синоптик ничего не знает. Раньше в упругих струях этого сооружения показывал все континенты, океаны и моря, медленно поворачиваясь, большой глобус. Когда Брежнев встречал тут президента США Никсона, тот остановился у этого изумительного чуда малой архитектуры, сразу же вызвавшего у него ассоциацию с гербом СССР, где серп и молот красовались тоже на фоне всей планеты, выразительно сцепил руки ниже пояса и засмеялся Леониду Ильичу в лицо: «О! Поздравляю, господин Генеральный секретарь! Вы и тут Земным Шаром вращаете!».

После такого обличения в претензиях на мировое господство глобус убрали. Когда Никсон улетал к себе домой, атрибута всемирной советской экспансии он уже не увидел.

Но в гербе СССР глобус благополучно остался, хотя по-своему дальновидный Брежнев советовался в узком кругу членов Политбюро на предмет – а не пора ли существенно обновить государственную символику СССР.

Позже к этой проблематике возвращался незабвенный Константин Устинович Черненко, зело охочий до разработки новых орденов и медалей. Был у него, в прошлом *многолетнего* заочника Кишинёвского педагогического института, даже проект ордена трёх степеней для советского учительства. Почему не для кондукторов и водителей трамваев, пожарных или кого-либо ещё – непонятно, ведь их труд тоже всегда сопряжён со всеми видами нервных нагрузок и перегрузок.

Однако мы за своим скромным буфетным блиц-пиршеством во Внуково-2 исторический глобус ещё застали в натуре.

Наконец Д.А. закончил перечисление на левой руке и приступил к правой, ещё загнув там пару пальцев – мизинец и безымянный: «Всех я назвал или кого упустил?».

Да, он упустил ещё двоих. Но почему-то ещё раз упомянул Дуйсета. Я, разумеется, недоумённо пожал плечами: «Информация не совсем достоверная».

«Вот как?» – удивлённо вскинул брови Кунаев.

Я продолжил: «И поставил Вам её этот самый...» – и тут назвал заочное прозвище сексота-доносчика.

Д.А. захохотал: «Каскабас! Плешивая башка! Верно схвачено».

Самолёт плавно пошёл на посадку.

Нашла коса на камень, или Остёр топор, но и сук зубаст

Вопрос на засыпку: а были ли у советской Целины противники?

Ответ выдам сразу: сколько угодно.

Когда Первый секретарь ЦК КПСС Хрущёв, не ссылаясь на целинные планы Ленина, Сталина и Кирова, вынес на заседание Президиума ЦК КПСС (название Политбюро было упразднено вместе с титулом Генерального секретаря) уже основательно им проработанный вопрос об освоении целинных и залежных земель, первым возразил Молотов.

В канун февральско-мартовского Пленума (1954 года) 64-летний Молотов был полон не только сил и энергии, но и (в особенности после крутой расправы в 1953 году Хрущёва с Берией по всем канонам 1937 года) посвоему весьма обоснованных возражений курсу Хрущёва, ставшего новым явленным экспериментатором и реформатором, самым главным пожарным ЦК и державы.

Хрущёв с Микояном долго обрабатывали *твердолобого* – этот ярлык от Никиты Сергеевича Вячеслав Михайлович публично получил в 1957-м уже как фракционер и заглавная фигура в так называемой антипартийной группе.

Группа на самом деле была.

Но вовсе не *антипартийная*, а – *антихрущёвская*.

В начале же 1954 года напряжённый диалог между Хрущёвым и Молотовым разворачивался по известной формуле Остапа Бендера: *торг уместен*.

Как рассказывал Кунаеву Микоян, сошлись на том, что аврального штурма Целины не будет, будет её поэтапное освоение, причём на строго научной основе.

Именно в такой плоскости и поставил Хрущёв вопрос на Пленуме ЦК, а Молотов не стал на этом Пленуме будоражить его участников своими сомнениями и возражениями. Так Молотов согласился уговорить себя, но до конца своих дней сохранял устойчивую, близкую к зоологической неприязнь к Хрущёву.

Урок твердолобого Молотова пошёл впрок и строптивому Хрущёву. Никита Сергеевич ещё раз уяснил, что с Вячеславом Михайловичем и остальными будущими *фракционерами* надо кончать и кончать чем быстрее, тем лучше.

А иначе они кончат с ним.

Третьего не дано.

Через три года Хрущёв, великолепно разыграв сложную комбинацию из кремлёвских интриг, вышиб Маленкова, Молотова, Кагановича, Булганина и (как было объявлено, *примкнувшего к ним*) Шепилова из партии и подальше от Москвы.

Из всех этих *псевдофракционеров* не сложил оружия только Молотов. Уже давно не стало в Кремле Хрущёва, а Вячеслав Михайлович угощал Политбюро ЦК КПСС и лично Брежнева аккуратными насылаемыми записками. Сооружал он их не у себя на подмосковной даче, а в рабочей тиши Публичной библиотеки имени Ленина. В них он обстоятельно излагал свои принципиальные воззрения на происходящее в стране и за рубежом.

На одном из заседаний Политбюро в год 20-летия Целины его участники (довольно квёло) говорили о политическом своеволии составителей республиканских энциклопедий в Прибалтике (Балтии), которые отвергли хронический общесоветский принцип умолчания о партийных (антипартийных) персонах *non grata* и в новых своих национальных энциклопедиях увековечили Бухарина, Зиновьева, Радека, Молотова.

«А может быть, это и правильно. Весь мир в энциклопедиях о них пишет. Только мы, как страусы прячемся, – трезво молвил Брежнев. –

Молотов – профессиональный революционер. Неужели он не достоин упоминания хотя бы об этом? Пусть даже, если он был против Целины. Так не совсем же против был!».

Черненко и Суслов промолчали.

Придёт час – тихо помрёт Суслов, а Черненко с полного согласия Политбюро столь же тихо вручит скандально исключённому из КПСС Молотову партийный билет нового образца.

Кунаева *историческое* Постановление февральско-мартовского Пленума (1954 года) ЦК КПСС застало на посту президента республиканской Академии наук.

Позже он говорил и писал: «В ЦК (Компартии Казахстана) не прошло ни одного совещания, где бы не заслушивалось компетентное мнение учёных. Свои предложения и соображения много раз докладывали Пономаренко и Брежневу и, как правило, находили поддержку».

См.: *Динмухамед Кунаев. «От Сталина до Горбачёва»*. – «Санат», Алматы, 1994, с. 88.

Ещё 10 июня 1954 года, ориентируясь на исход схватки кремлёвских гигантов и понимая, какая нагрузка в предстоящем и пока ещё не объявленном освоении Целины ляжет на учёных республики, Кунаев подал на имя Пономаренко большую Записку о конкретных нуждах Академии наук Казахской ССР. Не так давно мне довелось ознакомиться с ней полностью в фондах АПРК – Архива Президента Республики Казахстан. Пономаренко с готовностью откликнулся, использовал всё своё влияние в Центре, чтобы Академии наук была оказана существенная материально-техническая помощь. И это было сделано, как никогда, своевременно.

Точно так же, как по народной поговорке *рыбак рыбака видит издалека*, так и Пономаренко, тщательно присмотревшись к Кунаеву, узрел в нём наиболее верного кандидата на свою самую надёжную опору в Казахстане. Но не только в научном качестве, а и в более широком и всеохватном – хозяйственно-экономическом. Поэтому Пантелеймон Кондратьевич (а в людях он разбирался прекрасно) предложил Кунаеву пост председателя Совета Министров республики. Тем более что Пономаренко, будучи заместителем Сталина в правительстве СССР, хорошо знал о работе Д.А. с 1942 по 1952 год в качестве одного из заместителей председателя Совета Народных Комиссаров (с 1946 года Совета Министров) Казахской ССР.

Однако такого *сватовства* Кунаев (по его словам) никак не ожидал, но кардинальное решение вопроса (в духе того времени) уже было окончательно предпрешено на самом высшем уровне.

Сам же Хрущёв, когда того требовала обстановка, умел быть реалистичным политиком. И поначалу он обеими руками поддержал Пономаренко с его предложением о выдвижении Кунаева на пост председателя Совета Министров Казахской ССР. Но со временем, убедившись в чрезмерной, по его мнению, *автономности* характера Д.А., поменял своё отношение к этому, как он однажды выразился, *упёртому казаху*.

О многих neprостых перипетиях своих отношений с Хрущёвым, единомышленниками и оппонентах Кунаев поведал в книгах «О моём времени» и «От Сталина до Горбачёва».

А о многих не поведал.

Причины тут разные и не мне восполнять сей пробел. Однако по возможности можно и надо предметно сказать и о том, что многотрудная работа Кунаева, как он сам выражался, *под Никитой* нередко была сущим мучением.

За всё это *Великое Десятилетие* (а именно такой эпитет уже приготовили для несостоявшегося юбилея правления Хрущёва его придворные угодники Аджубей, Сатюков и другие), Кунаев, по его собственному признанию, постарел на 30 лет – настолько издёргался от крупных столкновений с *Никитой*, от его постоянных партийно-административных шараний и сумасбродств, подозрений, мелкой и крупной мстительности.

Но каким бы ни был непредсказуемым Хрущёв, а Казахстану, в первую очередь его Целине, он (и этого никогда не забывал Д.А.) помог во многом, особенно в те шесть его личных приездов в республику, коими он её осчастливил в смысле оперативно-положительного решения ряда крупных вопросов.

Уже перед фронтальным освоением целинных и залежных земель Хрущёв внял настойчивости Пономаренко и позаботился о том, чтобы на тщательное обследование этих земель были направлены самые компетентные научные экспедиции и отряды.

Только по линии Академии наук Казахской ССР их действовало 69, комплексно охвативших за год с весны 1954 года свыше 100 миллионов гектаров земель. Для начала чётко определили конкретные массивы всего лишь на 8-ми миллионах гектаров, подлежащих всестороннему и высоко-рентабельному хозяйственно-экономическому освоению.

Хрущёв с Пономаренко и Кунаевым постоянно держали руку на пульсе этих стратегически важных изысканий. Не был в стороне от них и Брежнев. Благодаря одной из своих изначальных профессий – землеустроителя – он не был профаном в сельской экономике, да к тому же ещё всегда благоволил всем фундаментальным и прикладным наукам. Без его личного участия и покровительства навряд ли стали бы реальностью гигантские (и отнюдь не липовые) успехи СССР во всех научных отраслях, определяющих земной, космический и оборонный прогресс.

Однако сам Хрущёв, с немалым самомнением считавший себя всезнающим аграрием, полностью доверялся любимцу Вождя – достопочтенному Трофиму Денисовичу Лысенко. Не стал разбираться с трижды академиком Лысенко и Брежнев, сменивший Хрущёва у руля партии и государства. А в первые два года освоения Целины Хрущёв таскал за собой Лысенко повсюду, и тот щедро раздавал свои советы и рекомендации. Разумеется, не все они были пагубными, однако у очень многих наших учёных на Трофима Денисовича была ещё и негативная реакция после того, как возвращавшаяся в 1948 году с его помпезно отмеченного в Москве 50-летия вся казахстанская делегация вместе с экипажем самолёта «Ил-14» сгорела близ Алма-Аты в страшной авиационной катастрофе. Среди 18-ти погибших был и крупный казахстанский учёный-аграрник, большой друг Кунаева Карим Мынбаев (отец известного дирижёра Тимура Мынбаева).

В исторической и аграрной науках и по сей день отношение к Лысенко далеко не простое. Но как бы то ни было, а с устаревшими методами

земледелия надо было решительно распрощаться на Целине, поскольку уже на второй год её освоения только в одной Кустанайской области чёрные пыльные бури (при них водители автомобилей даже днём включали фары) погубили свыше 50 тысяч гектаров посевов. В том же году на Павлодарщине жертвой буйно разыгравшейся ветровой эрозии стали 200 тысяч гектаров. Засуха тогда охватила весь Казахстан.

Созданная же группой казахстанских учёных во главе с академиком Александром Ивановичем Бараевым и Эрвином Францевичем Госсеном прогрессивная почвозащитная система целинного земледелия (не проигнорировавшая тщательно исследованного Бараевым в Канаде ценного опыта земледельцев её провинций Саскачеван и Манитобы) далеко не сразу получила права гражданства.

Почему?

Да опять-таки во многом из-за самого отрицательного отношения к Бараеву Хрущёва, не терпевшего обстоятельных и принципиальных возражений Александра Ивановича.

В конце концов Бараев и Госсен за разработку этой системы с группой своих сподвижников удостоились Ленинской премии. Но это произошло лишь в 1972 году, когда Хрущёва, ставшего в 1964-м дачным затворником, вот уже как год не было на Белом Свете. В 1980 году Бараеву пожаловали высокое звание Героя Социалистического Труда.

Конечно – лучше поздно, чем никогда.

Однако сколько невозвратимого времени было упущено!

Вслед за Хрущёвым Бараева игнорировали и третировали многие даже после свержения Никиты Сергеевича.

Но больше всех постарался тут кустанайский *вседержитель* Андрей Михайлович Бородин.

Напомню: аббревиатурно БАМ – именно так, соотнесённо с громадной (Б)айкало-(А)мурской (М)агистралью расшифровывалась эта персональная аббревиатура: (Б)ородин (А)ндрей (М)ихайлович).

Слава ударной комсомольской стройки БАМ гремела на весь Союз. Печать, телевидение, радио читли её вместе с другими грандиозными советскими стройками 70-х годов XX-го века – сооружением КамАЗа – гигантского Камского автомобильного завода и АТОММАШа – Волгоградской атомной станции в Ростовской области. Была задумана и утверждена ещё одна масштабная комсомольская акция, определённая на *пятилетку эффективности и качества* – НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ. Но поскольку дела там шли туго, точнее, никак не шли, то об этом глухо все помалкивали.

Известность казахстанского БАМа тоже была не из разряда местечковых. Необъятных статей ровесника Кунаева Бородина, в год его 60-летия (1972) увенчанного Золотой Звездой Героя Социалистического Труда, в прошлом министра сельского хозяйства республики, заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК Компартии Казахстана, бессменного члена ЦК Компартии Казахстана и ЦК КПСС, депутата Верховного Совета СССР и т.д. и т.п., хорошо знали и ценили как в Казахстане, так и в Центре.

Но со своих первосекретарских высот десятипудовый БАМ считал научную систему Бараева и Госсена крайне вредоносной.

Бараев стоически защищал пары.

БАМ решительно их изгонял с целинных земель, держась собственных воззрений на практику: *«Был бы дождик, был бы гром – и не нужен агроном!»*.

Не следует представлять Андрея Михайловича этаким чудищем, дуболомным ретроградом. Нет и ещё раз нет. Он был пламенным патриотом Казахской Целины, горячо болел всей душой за её Большой Хлеб, но при всём том так и не понял, что академик Бараев ему не враг, а – союзник.

А не поняв этого, Бородин никогда не упускал случая прокатиться по адресу Бараева, причём нередко на грани оскорбления. К сожалению, именно такой кривой, при всех его несомненных заслугах, была этика у БАМа.

За Бородиным следовали номенклатурные сошки помельче. Любой партийный пленум, любое совещание (вплоть до съезда), где рассматривались вплотную аграрные задачи, они стремились превратить в *аутодафе* для Бараева, Госсена и их системы.

Верно, Эрвина Францевича Госсена вслух особенно не поминали: срабатывал рефлекс осторожности и огляда – как-никак, а учёный родом из депортированных в 1941 году в Казахстан немцев Ставрополя и Поволжья; предки его – переселившиеся в Россию и Украину немцы-меннониты ещё в середине XIX-го века осваивали целину на левобережье Днепра; советские немцы досыта пострадали от переселения, а тут, если начнёшь что-либо говорить про Госсена осудительное, то, не ровен час, придётся объясняться *где следует*.

Примерно такой логике следовали противники почвозащитной системы, обходя Госсена и вдвойне обрушиваясь на Бараева, чьи славянские предки не были меннонитами, гонимыми католиками с германских земель.

Искусные мастера подковёрных интриг пытались сыграть и на вполне закономерных спорах в творческой среде Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства в Шортанды Целиноградской области, где Госсен в первом целинном году начинал младшим научным сотрудником, а с 1969 года стал заместителем Бараева по научной работе. В орбиту затяжных закулисных свар стремились вовлечь и супругу Госсена – кандидата сельскохозяйственных наук Татьяну Никитичну Дворникову, тоже первоцелинницу.

В конце концов дошло и это до Кунаева.

И тут он изменил своему позитивному нейтралитету, посоветовав БАМу успокоиться.

Молвил при Бараеве оторопевшему Бородину: *«Послушайте, дорогой Андрей Михайлович! Кончайте смешить людей!»*.

И добавил несколько весьма экспрессивных выражений.

Такой ультиматум можно было предложить вполне, потому как уже давно не нависал Хрущёв над Кунаевым, а Брежнев доверял Д.А. почти всецело, хотя (всякий раз с подачи Черненко) нередко давал знать и о том, кто же теперь в стране её Главный Целинник.

Продолжение в следующем номере.

Наша честь, наша гордость

*Целина была и всегда будет
Звенеть в истории страны,
И народ наш не забудет
Героев славных Целины.*

Большая часть целинных и залежных земель, как известно, была поднята и распахана в Казахстане – свыше 25 миллионов гектаров стали давать хлеб, радовать людей миллиардами пудов зерна высокого качества. Это был действительно всенародный подвиг. По зову сердца, с песнями прибывали первоцелинники на освоение новых земель. Их тепло и радушно встречали местные жители.

Всё было на первых порах. Суровые климатические условия, бытовая неустроенность. Но постепенно дела налаживались, утрясались, работа кипела...

Приезжали на целину не только комсомольцы, но и фронтовики, закалённые в боях, не раз смотревшие смерти в глаза. Я и сам горел желанием попасть на целину, для чего летом 1954 года подал заявление в Уржумское училище механизации сельского хозяйства, что в Кировской области, чтобы, выучившись на тракториста, по комсомольской путёвке уехать на целину. Но не тут-то было. Вскоре пришла повестка из военкомата. И пришлось стать моряком. Завидовал сестрёнке Гале, уехавшей в Казахстан, когда ей было всего 17 лет. Моя же мечта осуществилась через шесть лет, в 1960 году. До этого сюда же, в совхоз «Новорыбинский» Алексеевского (ныне – Аккольского) района Целиноградской (ныне – Акмолинской) области, переехали наши родители с оравой ребятишек.

После увольнения в запас приехал в Казахстан и стал работать на стройучастке от СМУ: строили школы на центральной усадьбе совхоза, в отделенческих сёлах, жильё, животноводческие помещения, клубы, детсады и другие объекты. Жизнь кипела, и никакого застоя не было, всем работы хватало...

В 1963 году участвовал в посевной в качестве сеяльщика, а годом раньше был награждён медалью «За освоение целинных земель».

Мне понравились необозримые просторы степей, люди, населяющие эти края, с которыми прожил более полувека. Но не обо мне сейчас речь, а о людях, которых я знал, которые помнятся, которые для меня, как сигнал на рабочее время настроиться, что я и делаю с удовольствием, работая в газетах области с 1967 года по настоящее время.

Многое помню до мельчайших подробностей, а если что забываю, то перечитываю свои дневниковые записи того периода. Помнится, как 11 декабря 1973 года накануне 20-летия Целины труженики ордена Ленина Целиноградской области с большим вниманием слушали утренний выпуск радиопередач. С приподнятым настроением диктор читал Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении

звания Героя Социалистического Труда передовикам сельского хозяйства Казахской ССР. Среди удостоенных высокой государственной награды по области были первый секретарь обкома Компартии Казахстана Николай Ефимович Кручина, бригадир совхоза «Амангельдинский» Макинского района Каиржан Ескендиров, тракторист совхоза имени М. Горького Атбасарского района Михаил Алексеевич Самарцев и тракторист совхоза «Новорыбинский» Айтпай Бекболатович Кусаинов. За большие успехи, достигнутые во Всесоюзном социалистическом соревновании и проявленную трудовую доблесть в выполнении принятых обязательств по увеличению производства и продаже зерна и других продуктов земледелия, им было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

Помню, с какой стремительностью эта новость распространилась по району. Зазвенели телефоны, поздравлениям не было конца. Героев в районе прибыло! Теперь их стало трое: Каролина Карловна Егель из совхоза «Хлебороб», Анастасия Николаевна Власова из совхоза «Урюпинский», удостоенные этого высокого звания раньше, и теперь к ним добавился Айтпай Кусаинов.

По этому случаю в райкоме партии состоялось чествование, на которое собрались члены бюро райкома, исполкома райсовета, общественность города и района.

От имени бюро райкома партии и исполкома райсовета нового кавалера Золотой звезды горячо поздравил с высокой наградой Родины первый секретарь райкома партии Фарид Батрудинович Валиев.

В ответном слове Айтпай Бекболатович сердечно поблагодарил за высокую награду и заверил собравшихся, что приумножит достигнутые успехи.

Герой Социалистического Труда Айтпай Кусаинов выступает перед учениками железнодорожной средней школы № 46 станции Акколь по случаю 20-летия Целины.

«И его словам можно верить, – писал автор этих строк в районной газете «Знамя Родины» за 13 декабря 1973 года. – Такой человек слов на ветер не бросает. Он – хозяин своих слов, человек дела. Красиво живёт, честно трудится на родной земле. Он – глава большой семьи, уважаемый на селе человек. Ещё бы! Заслуженный механизатор республики, кавалер многих орденов, которых он удостоен за трудовую доблесть, словом, вперёдсмотрящий. Ему опыта, как говорится, не занимать, сам делится им с другими. Про него в народе добрая слава идёт: «Айтпай Кусаинов из любой ситуации умеет найти выход».

Уверенный в себе, он риск считал благородным делом. Там, где у других не получалось, Айтпай Кусаинов брал инициативу в свои руки, пробовал и побеждал. Первоклассный механизатор без лишних слов приходил на помощь товарищу, очень ценил в человеке чувство локтя. А технику знал досконально, как свои пять пальцев. Очень бережно к ней относился, а она в ответ на заботу верно служила ему. Трактор был послушен его рукам, на «пяточке» мог развернуться. И комбайном умел управлять механизатор, из года в год улучшая свои трудовые показатели. Об этом говорят такие цифры: в 1970 году он убрал 600 гектаров зерновых, в 1972-м – 800, в 1973-м – почти 900 гектаров. Только за пять лет сэкономил свыше 15 тонн горюче-смазочных материалов, много запчастей.

Он и рационализатор, умелец, что надо, Мастер с большой буквы, человек высоких моральных качеств, активный в общественной работе. Словом, был настоящим героем.

Спросите: почему «был». К сожалению, и сердца героев не вечны. Но вечна память о них, которая передаётся из поколения в поколение – и человек продолжает жить...

Люди поднимали целину, целина поднимала людей. Нельзя забывать нам, живущим, тот поистине всенародный подвиг как в годы войны, так и в период освоения казахстанской целины. Забывчивость была бы кощунством.

Пётр ЗАБОЛОТСКИХ,

член Союза журналистов Казахстана,
ветеран труда.

г. Астана.

Анатолий ВОЛКОВ

Дневник отдыхающего путешественника

(Продолжение. Начало в №№ 1-3 за 2013 г.)

Глава 4

30 октября 1981 года*Коста-Браво, Фигерас, Сальвадор Дали.*

Сегодня у нас поездка чуть ли не на французскую границу – в Коста-Браво, что в переводе означает Дикий Берег, начинающийся в 70 километрах от Барселоны. Дело в том, что берега здесь скалистые, изрезанные – отсюда и название. В Фигерасе, на родине Сальвадора Дали, мы посетим его музей.

А три года спустя я прочитал опубликованную 28 апреля в газете «Советская культура» статью специального корреспондента Л.Вириной о поездке в Испанию под заголовком «После тьмы надеюсь на свет». В ней, в частности, она отмечала: «Доброжелательные поводыри по Барселоне отказывались понять меня и концертмейстера Большого театра СССР Эмму Владимировну Липпу в стремлении съездить в Фигерас: «Сто семьдесят километров в один конец! Жаль времени!». Время было дорого, но Фигерас, по многочисленным печатным утверждениям, «квинтэссенция исканий, автобиография феномена эпохи Сальвадора Дали». Как собственными глазами не взглянуть? Столько безоговорочных противников у Дали, столько неистовых приверженцев.

Вирази дороги, маяки и рыбацкие селения, казино и дискотеки, редкие тенты на пляжах, пустующих в ожидании лета. И вот уже Фигерас, крошечный, тихий. В этом каталонском городке восемьдесят лет назад «король сюрреализма» родился. Тут в последние годы обосновался, воздвигнув свой «Театр-музей».

Лавки булочников, цветочниц, магазинчики с шальями и веерами, традиционной керамикой. И вдруг среди погружённого в сонный покой патриархального мирка – глухие каменные стены, воздевшие ввысь часток из исполинских оранжевых яиц, шеренги обнажённых женских фигур, сверкающих золотистым металлом. У входа в «Театр-музей» – «флаг страны Дали». «Страна Дали» – чёрным по белому значится на дорожном указателе ещё при повороте в Фигерас от Жероны...

Смотритель музея, степенный дон Диего, нескрывая горд, что работает в нём с первого дня, все десять лет:

– Сеньор Дали – великий художник, он уводит людей в мир, который нельзя повторить, так как нельзя постичь!

«Вы напрасно хотите понять моё творчество, я и сам его не понимаю», – признание Дали сопровождает посетителей на всём протяжении музея. Идёшь винтовой лестницей, узкими галереями, тесными чуланами, просторным залом. Идёшь под свисающими «питонами» из чайных ложек, «бахромой» из кукурузных початков, мимо монстров, облепленных полипами и щупальцами. Диковинкой выглядит среди подобных «композиций»

холст, изображающий фигурку девушки в матроске, с голубым бантом в роскошных волосах. Рядом картина точно тех же размеров и цветовой гаммы. В той же матроске, с тем же бантом – злобещая старуха... Что ж, тут вполне отчётливо читается мысль о бренности, краткосрочности жизни. Значит «сверхреализм», «сверхъестественность», которые всё так же напористо отстаивает своим искусством престарелый Дали, порой обременительны для него самого?..

Фигерас, где 77 лет назад родился Сальвадор Дали, чистенький современный посёлок городского типа с домами от 2-3 этажей, но довольно высоких, прекрасно отделанных. Под музей отведено здание театра, разрушенного во время войны попаданием авиабомбы. Правительство совместно с Сальвадором Дали решили сделать здесь музей, в котором расположились как его собственные работы, так и приобретённые им полотна и скульптуры других художников, в частности, Эль-Греко, Веласкеса, отдельных французских и некоторых других авторов.

17 июля 1984 года в статье «Затворник из Пуболя», опубликованной в газете «Известия», сообщалось: «В течение двух лет не появлявшийся на людях один из основоположников сюрреалистического направления в живописи Сальвадор Дали внезапно посетил основанный им же музей в своём родном городе Фигерас. В течение 45 минут затворник из Пуболя, как называется небольшая деревушка в Каталонии, где находится его поместье, осматривал экспозицию. В неё входит, пишет агентство Рейтер, около 2 тысяч экспонатов, среди которых немало «экстравагант», которые снискали ему известность «оригинального» художника».

Как видим, в советское время этого гения у нас называли только «оригинальным», так как не воспринимали сюрреализм – в отличие от реализма в искусстве всерьёз.

Музей устроен так, что если бы бомба попала в центр театрального помещения, разрушила крышу и зрительный зал и сохранила бы только частично сцену, полностью ложи и примыкавшие к ним помещения, то на месте зрительного зала, среди дорожек и растительности, разместился бы чёрного цвета первый приобретённый Сальвадором «Кадиллак». На его капоте 600-килограммовое позолоченное изображение богини богатства, а внутри среди прихотливо разбросанной растительности, когда бросаешь монетку в 5 песет, начинает бить фонтанчик. На бывшей когда-то сцене расположились джазовый оркестр, фигуры которого изготовил, очевидно, один из друзей Дали. На противоположной стене – огромное полотно и несколько других поменьше на сюрреалистические темы, а также большая картина, изображающая синеватые кубы, параллелограммы, уходящую женщину, небольшое изображение одного из американских президентов – Линкольна, составленное из таких же квадратиков. Когда же, кинув 5 песет, видишь эту картину в бинокль, то на ней, кроме портрета Линкольна ничего больше нет. Удивляются все до невероятности. При подъёме по бывшим ложам большой интерес представляет один из этих изогнутых коридоров, выкрашенный в чёрный цвет, с так же окрашенными светильниками – имеющиеся там картины выглядят очень эффектно. Хороши различные ниши и углубления, в них размещены отдельные работы, которые автор захотел выделить. В одном из помещений с потолка

опускается знаменитая библейская змея с переливающейся чешуёй, изготовленная при ближайшем рассмотрении из металлических чайных ложек. Под ней во весь рост под стеклом стоит скульптура натурщицы. В одной из других галерей есть картина, на которой изображён телефонный аппарат, покрытый шерстью и с выдвинутым из бока ящиком. Конечно, те, кто был не готов, на многое смотрели ошарашенно, начиная с двора перед зданием музея, где на сложенных друг на друга автомобильных шинах помещён бюст мыслителя, а вдали на стеле с вделанными в неё полутора десятками телевизоров покоится голова женщины в греческом стиле, и кончая залами, в одном из которых в саркофаге покоится рыцарь, закованный с головы до ног в латы, изготовленные из плат современной радиоаппаратуры... На выходе из здания музея продаются открытки, буклеты, книги, но дешевле, чем в магазине, расположенном у входа в музей. Видимо, считается, что если ты заплатил 100 песет за вход, то приобретаешь некоторые дополнительные права. Интересно также, что книга «Дали», которую мы видели у нас за 29 рублей 60 копеек, здесь стоит 6500 песет. Этот музей 77-летний Сальвадор Дали, проживающий в рыбацкой деревушке Кадакес, часто посещает и меняет экспозицию, перемещая экспонаты.

Об этом музее, открытом в 1961 году, сам Сальвадор Дали говорил: «Я хочу, чтобы мой музей был монолитом, лабиринтом, огромным сюрреалистическим объектом. Это будет абсолютно театральный музей. Приходящие сюда будут уходить с ощущением, будто им привиделся театральный сон».

Из музея по платной дороге А-19 поехали в Ллорет де Мар – один из первых городков на побережье Коста-Браво, где стали развивать туризм, в 70 километрах от Барселоны. Ллорет де Мар сегодня – это сплошные отели, магазины и всевозможные увеселительные заведения. Ночная жизнь здесь бьёт ключом, хотя самих жителей городка всего 8600 человек. Многие закричали, что хотят в Барселоне осмотреть стадион, на котором будет проводиться чемпионат мира по футболу 1982 года, кто-то ратовал ещё за что-то, но в конце концов поехали на пляж. Шестеро полезли в воду, а остальные, как и следовало ожидать, отправились на соседние улицы по магазинам. Заглянули мы в продовольственный: мясо – 650 песет, мандарины – 120, апельсины – 80, персики – 175, яблоки – 55, виноград чёрный – 80, светлый – 110 песет. Двухлитровая бутылка «Coca-Cola», «Fanta» и др. – 115; 0,75 литра белого вина – 75 песет. Прекрасны художественные магазины, в которых помимо всевозможных копий, продаются и подлинники.

Завершив этот «культпоход», уселись по автобусам и отправились в Барселону. Доехали довольно быстро, но в самом городе движение огромное. На многих улицах оно одностороннее, причём многорядное. Долго спорили – где нас высадить, возле порта или в городе, чтобы затем пройти к нему. Но где? Я настоял на том, чтобы на площади Каталонии, на которой заканчивается улица Рамблас, идущая сюда от порта. Добрались до хорошо знакомой нам улицы довольно быстро. Кругом сплошные магазины, прямо на улице торгуют кассетами штук по 50-60 в небольшой витрине-подставке. Кафе, кинотеатры, бары, дискотеки, киоски с периодикой, в том числе с откровенной

порнографией, альфонсы, в глубине залов игорные автоматы, девицы нескромного поведения, какие-то парни странного вида – пешие и моторизованные. У одного с нашего теплохода вырвали из нагрудного кармана пачку сигарет и пропук.

Уставшие, добрались до теплохода. А ведь у нас завтра день нашей группы. Выставку уже развесили перед музыкальным салоном, замучились лепить её ленточками клейкими – кто-то из круизян сказал: «Если у вас в Казахстане так хорошо, зачем вас понесло в круиз, вы же всё можете увидеть у себя». Мы с Сергеем Викторовичем Кимом засели в гранд-люксе со стенгазетой и завершили её к полуночи. После этого пошли в салон и посмотрели там наш фильм «Город яблочных зорь», повесили газету и пошли по своим каютам.

31 октября 1981 года

Мы всё ещё в Барселоне.

Вопреки поговорке – у нас сегодня оказалась «суббота – день тяжёлый». Во-первых, свободный день, то есть бегай по Барселоне, сколько хочешь и куда хочешь. Во-вторых, сегодня день нашей группы, то есть на теплоход надо прибежать пораньше, репетировать, а затем, что самое главное, – выступить. И пошли. Начали фотографироваться возле копии судна Колумба. Оно такое крохотное, что диву даёшься – какие же мужественные были эти моряки, которые без всяких радаров, спутников и т.п. отправлялись на них в никуда, не зная, что их ждёт впереди. Сфотографировались около этого судна, попробовали снять 60-тиметровую колонну с 8-метровую статуей Колумба наверху. Она в строительных лесах, так как находится на реставрации.

Мы с Розой пошли на площадь Каталонии. Большая, красивая, посредине сквер с платными скамейками, вокруг банки, на стенах – таблицы с курсами денежных единиц, которые как увеличительное стекло в музее Дали дают возможность из беспорядочного хаоса вещей увидеть лицо капитализма, лихорадочно мечущегося в сетях перепроизводства и кризисов. Ведь из-за этой лихорадки и постоянной неуверенности в завтрашнем дне ежедневно в мире разоряются тысячи мелких, средних, а иногда и крупных производств, организаций, фирм – армия безработных насчитывает миллионы людей, и угроза оказаться в их рядах висит над многими.

С большим интересом мы наблюдали, как в центре старого города собрался народ, подошёл оркестр и начал прямо на улице исполнять старинную каталонскую танцевальную музыку, а барселонцы и гости столицы, взявшись за руки и подняв их вверх, начали незамысловатые па танца, образовав при этом большие или меньшие круги, в центре которых лежали собранные в кучу сумки, кофты, пиджаки. Обращал на себя внимание один пожилой каталонец в тёмно-сером костюме, который и ногами-то почти не передвигал, но находился в общем танцевальном строю и покачивался, взявшись за руки. Приятно было видеть такую верность обычаям своего народа.

И только 28 сентября 2007 года я прочитал в газете «Казахстанская правда» статью Марьям Жолдасбековой «В ритме сарданы», в которой она,

в частности, писала: «Меня больше всего поразила история о том, как каталонцы сохранили народный танец сардана. В эпоху Франко каталонский язык был под запретом. Всюду насаждался испанский. Нельзя было даже петь песни на каталонском. Несведущий человек может возразить, что эти языки схожи. На самом деле они очень разнятся. Так вот, франкисты разрешили местным жителям только лишь танцевать. В годы фашизма на площадях Барселоны и других городов Каталонии люди собирались группками. С ожесточёнными лицами, встав в круг и взявшись за руки, они исступлённо танцевали сардану».

После возвращения на теплоход провели репетицию, затем поужинали – и вот наша группа «на лобном месте». Сначала у нас было небольшое вступление, а затем сразу двухчастёвый фильм «Город яблоневых зорь», немножко затянутый. Остальное прошло в темпе, весело и интересно. Наш «партайгеноссе» Турсунали Турсынбекович Курымбаев сыграл на домбре, затем были исполнены несколько певческих номеров, танцевальная сценка «Свадьба». Заинтересовала всех национальная борьба, в которой слабый побеждает сильного. Затем было перетягивание на верёвках и викторина. Исполнили хором пару песен и ещё одну на мотив «От улыбки...» на тему нашей поездки – и всё. Нам поаплодировали, после чего мы вручили подарки капитану и дирекции круиза и отправились в бар. Уже в ужин мы отплыли от берегов Испании и взяли курс на Францию.

1 ноября 1981 года

*Вот и Франция. Прибыли в Марсель и отправились
в Сан Рэми де Прованс (т.е. находящийся в Провансе),
Ле Бо де Прованс и Арль.*

К счастью, мистралья, этой грозы здешних мест, нет, но как нам рассказали, всю предыдущую неделю он дул, а один день скорость ветра достигала 150 километров в час (или 40 метров в секунду). Марсель – порт огромный, второй в Европе после Роттердамского. Впечатление от него – как будто попал на какой-то огромный железнодорожный узел. Кругом пути, то есть причалы, склады, краны. В 6.30 утра температура воздуха была + 16, а воды + 18. Днём, конечно, пригрело, но не так, чтобы умирать от жары. Здесь уже чувствуется осень, встречаются деревья с пожелтевшей листвой. Как-никак это самая северная точка нашего путешествия.

Гид у нас Жамилла. Родилась она в мусульманской семье выходцев из Алжира и по-мусульмански её зовут Жамиля. Водитель автобуса Эдмон сразу же заявил – зовите меня просто «Момун». Жамиле Узбекали Джанибекович объяснил, что её имя означает «красивая, прекрасная». Уселись по автобусам, быстро выкрутились из скопления причалов, доков, ангаров, выбрались за город на автостраду и помчались на северо-запад в Ле Бо де Прованс. При выезде из Марселя наткнулись на базар длиной в улицу, где прямо на тротуарах лежало всяческое барахло. Этот рынок работает по воскресным дням. Продаётся на нём всё – от различных тряпочек, железок, одежды до автомобилей. На первый взгляд, среди продающих и покупающих большинство алжирцев и других выходцев из Африки.

Жизнь во Франции, несмотря на кажущуюся привлекательность, сурова. При средней заработной плате в 3200 франков и минимальной 2400 франка около 40 % уходит на питание, квартира из 4-5 комнат (три спальни, очень небольшие типа пенала и столовой или столовой и зала) обходится в месяц примерно в 1500 франков. При этом на жильё тратится не менее 25-30 %. Остаётся 500-600 франков, из которых 6 % от общей суммы заработной платы или около 200 франков уходит в страховой фонд. Автомобиль типа «Фиат-124» стоит 30-40 тысяч франков, бензин – 3 франка 30 сантимов.

Несколько слов о стоимости продуктов. Мясо – 40 франков, хлеб (200-граммовая булка) – 3, молоко – 4, масло (400-граммовая пачка) – 6, яйца шесть штук – 3 франка 15 сантимов, сыр (французы любят повторять, что у них его тысяча сортов), к примеру, «Камамбер» – 7 франков.

Территория Франции – 55,6 тысяч квадратных километров, население – 53,8 миллионов человек, в том числе 3,5 миллиона иностранцев, главным образом выходцев из стран Африки, что создаёт определённые проблемы. Например, наш водитель прямо сказал, что он не любит алжирцев, они, мол, очень ловко умеют вырезать карманы, да и вообще много крадут. Это также хорошо срабатывает на раздувание правыми силами лозунга: «Черномазые виноваты – и работу отнимают, и крадут, и т.д.». Среди безработных – 60 % молодёжь. Выдаваемое пособие по безработице ниже прожиточного уровня. Работающие женщины получают меньше мужчин. На пенсию мужчины выходят в 65 лет, а женщины – в 60, при стаже работы не менее 30 лет.

Во Франции в 1991 году вышла так называемая Белая книга о пенсиях, согласно положениям которой возраст выхода на пенсию был понижен до 60 лет, а через 20 лет по инициативе президента Саркози был принят закон, повысивший этот возраст до 62,5 лет. И ещё. Международная организация труда (МОТ) рекомендует принимать уровень замещения заработной платы пенсией не менее 40 %. В большинстве европейских стран он составляет 60-70 %, а во Франции – 68,8.

При всём при этом экономика Франции находится на высоком уровне. По объёму промышленного производства она занимает пятое место в мире. Проблемой в экономике Франции является энергетика. Страна очень зависит от внешних источников и активно участвует в установлении долгосрочных связей с различными государствами по приобретению у них нефти и газа. В частности, в Марсель из Алжира поступает газ по трубам, проложенным по дну моря, а весь прилегающий к нему район активно занимается работой по нефтеочистке, нефте- и газопереработке. Даже многие жители Арля, конечного пункта нашего путешествия, расположенного в 90 километрах, заняты на этих работах. Франция по уровню жизни населения занимает 3-е место в мире среди крупных капиталистических государств после США и ФРГ. После восьмимиллионного Парижа вторым городом страны является Марсель, число жителей которого превысило 1 миллион человек. За ними следуют Тулуза и Ницца. Помимо того что Марсель является крупнейшим портом Франции, здесь активно развиваются нефтехимическая, машиностроительная, пищевая и другие отрасли промышленности.

В Провансе традиционно занимались выращиванием оливок и разведением овец. По пути встречается много сосновых деревьев и даже рощ. Часто мелькают теплицы, хотя температура ниже нуля градусов в основном не опускается. В начале поездки почвы на откосах холмов средиземноморские – белые или очень светлые, но чем дальше мы отъезжаем от побережья, тем быстрее они становятся глинистыми, и вскоре мы катим как будто по Алма-Атинской области. По пути останавливаемся у мавзолея I века н.э. (опять римский памятник!), в котором похоронены дети императоров Агриппы и Лиссипа в районе Сан Рэми де Прованс.

Вкручиваемся вверх в какое-то орлиное гнездо – Ле Бо, где проживает всего 60 жителей, а когда-то это было настоящее орлиное гнездо, забраться в которое было ой как непросто. Местных феодалов – «полупринцев», «полуразбойников», как считают сами французы, не любили не только местные жители, но даже и короли. Так, по приказу Людовика XIII в 1632 году он был разрушен, но всё равно много памятников старины сохранилось до сих пор. Здесь же в 1822 году были найдены первые залежи бокситов, получившие имя этого поселения. То есть, «bauxite» от «Les Baux» (Ле Бо). Среди узких горбатых улочек в самом центре этого посёлка-крепости с сохранившимися до настоящего времени остатками крепостных стен расположена церковь св. Винсента – покровителя пастухов, пасущих овец, по нашему – чабанов. Нынешний монашеский властитель Рено, один из принцев Мальвиль по чьей-то линии, правивших здесь когда-то, подарил этой церкви витражи. В ней же в освещённой нише мы увидели прекрасное изваяние женщины, покоящейся с молитвенно сложенными руками – надгробие похороненным здесь ранее принцам Мальвиль.

Отправились дальше. Дорога вьётся по местам, так красочно описанным Альфонсом Доде в его романе «Тартарен из Тараскона». Все они так или иначе связаны с рекой Роной, на которой расположены и Марсель, и Авиньон, знаменитый тем, что здесь в 1309-1377 годах было местопребывание римских пап, а также тем, что Петрарка здесь читал свои сонеты, ну и, конечно, городом Тараскон. В старинной легенде утверждается, что некогда в водах Роны жило чудовище Тараск, пожиравшее жителей города. Св. Марта положила конец его нападениям, и в её честь до сих пор устраиваются два праздника в году, прославляющие её героическое деяние.

Вот очередная остановка, и мы поднимаемся по склону пологого холма к расположенной на его вершине ветряной мельнице, откуда открывается великолепный вид Прованса, расстилающегося внизу во все стороны. Мирного, политого потом крестьян и кровью во времена очередных стычек феодалов края. На самой мельнице надпись, что он (Доде) всё здесь в Провансе изучил и описал – и его автограф. В нижней части расположена собственно мельница, в верхней – небольшой музей Доде.

Отправились дальше, в конечный пункт нашей сегодняшней поездки – в основанный в VI веке до н.э. город Арль. За минувшие столетия в нём побывали многие, включая римлян, в том числе и знаменитого Цезаря, оставивших в нём различные сооружения, некоторые из них сохранились и до нынешних дней. В частности, арена для сражения гладиаторов, а также и других зрелищ на 20 тысяч мест, воздвигнутая при императоре

Адриане во второй половине II века н.э. Впоследствии, уже в Средние века, монахи осушили болота, окружавшие город, и стали сажать рис. Арль славится также красотой своих девушек, в связи с чем сюда приезжали многие художники, в частности Гюген и Ван Гог. К сожалению, дом, в котором они жили, не сохранился. Вокруг много виноградников, хорошо известных по картине Ван Гога «Красные виноградники в Арле».

После обеда на Пляс ля Мартин, где расположился наш кабачок, мы отправились осматривать Арену Адриана. В римские времена жизнь здесь бурлила и кипела, гладиаторы сражались с животными и между собой, поэтому здесь были сооружены подтрибунные помещения для тех и других. Вход сюда был бесплатный, а по окончании представления раз в неделю мясо убитых животных раздавали народу, чем поддерживали беднейшие слои населения. Самая большая арена такого типа – это Колизей в Риме. А в наше время здесь изредка бывают корриды, но без убийства животных.

Поражает вот что. Мы объехали уже половину Средиземноморья, и везде, где бы мы ни побывали, речь идёт только о римлянах, остатках римских сооружений, о построенных римлянами акведуках и т.п. Какой же могучей державой был Рим, сохранивший и оставивший нам, помимо всего прочего, прекрасные копии греческих статуй, римское право, речи и размышления великих деятелей и множество всякого другого.

На теплоход вернулись к ужину.

2 ноября 1981 года

Марсель, храм Нотр Дам де ла Гард, дом, построенный Ле Корбюзье, набережная с видом на знаменитый остров Иф.

Сегодня пасмурно, туманно, даже не верится, что это южный, горячий город, который за шесть веков до нашей эры основали греки. По преданию, дочь одного из местных вождей вышла замуж за одного грека и основала город Марсий, ныне Марсель.

Миновали таможенную и инспекционные службы – седые камни. На выезде из порта стоит собор Спасителя, один из шедевров XIX века, в византийском стиле, созданный архитектором Будуайе. Собор 140 метров в длину, 60 метров в ширину. Архитектор, возводя его, просчитался в размерах, так как в этом районе предполагалось строительство кварталов для богатых, но затем для них отвели другое место, и теперь службы в этом соборе проводятся только по большим праздникам.

Проехали мимо прекрасной виллы, построенной для первой жены Наполеона III Евгении Богарнэ в знак признательности за льготы по морской торговле для Марселя. Увидели старую гавань, в которой теперь яхты, яхты, яхты. Вокруг множество ресторанчиков, где готовят суп из разных сортов рыбы – самое знаменитое марсельское блюдо. Марсельцы любят бывать здесь, посидеть и полюбоваться на яхты.

Действует в городе и линия метро, строительство которой было завершено в 1977 году. Проезд стоит 4 франка. В Марселе на дорогах очень большие автомобильные пробки, и одна линия метро не спасает ни в часы пик, ни в иные, впрочем, если здесь такие существуют.

Но вот стали забираться на возвышающийся над городом холм, на

котором расположен храм Нотр Дам де ла Гард (в шахматах слово гард обозначает «охраняй, храни королеву»), то есть это храм «Хранительница Богоматерь», названный так потому, что она охраняет моряков. Статуя Богоматери на вершине храма изготовлена из позолоченной бронзы, весит 4 тонны и установлена на 65-метровой базилике. Особые торжества проводятся 25 мая, в посвящённый ей день. Слева в бухте виднеется остров, на котором размещён замок Иф – традиционное место, посещаемое туристами, где им показывают всё совершенно сохранившееся со времён, описанных талантливым пером Александра Дюма.

Вначале прошли в нижнюю, а затем и в верхнюю часть храма. В нижней шла служба. В верхней, наиболее величественной, перед туристами с нашего теплохода выступил настоятель этого храма и через переводчицу произнёс небольшую проповедь. Говорил без всяких бумажек, но чувствуется, что словом он владеет мастерски и что готовился основательно. Начал с того, что был в Советском Союзе и ему очень нравится наша страна. Очень незаметно перешёл к вопросам веры, рассказал об истории собора, о том, как моряки перед уходом в плавание приходят сюда и дают обеты, а по возвращении приносят сюда свои дары, кто какие может. В храме имеется много макетов кораблей.

Настоятель упомянул о последней мировой войне, рассказал о друге маршала Жукова французском генерале Жуане, освобождавшем Францию. О сохранившихся на базилике следах обстрела во время этой войны. Упомянул о том, что этот храм нельзя сравнить по богатству с храмом в Загорске в Подмоскowie, и в заключение пожелал хорошего пребывания во Франции и провозгласил здравицу в честь дружбы народов. Раздались бурные аплодисменты, что, видимо, не положено в храме, но получилось очень искренне. Некоторые потом удивлялись, ну и священник, ну и поп. А это ведь просто хорошая идеологическая работа, точнее – обработка. После его выступления зазвучало церковное пение. Надо сказать, что под величественными сводами, когда звук идёт отовсюду, это впечатляет.

Вышли из храма, расселись по автобусам и – вниз по крутым узким улочкам.

По пути Жамиля рассказала, что в Марселе проживает корсиканцев больше, чем в любом другом городе Франции. Остановились у памятника, изготовленного в виде лопасти корабельного винта и установленного французскими семьями, вернувшимися в 1960 году из Алжира – после того как он обрёл независимость.

В настоящее время в Марселе стали создаваться искусственные пляжи, на которые идёт порода, изъятая при сооружении метро. Строятся на отвоёванных у моря территориях не только пляжи, но и зоны отдыха, парки для детей и т.п. Повернули на улицу Прадо, созданную Наполеоном III специально для променада. Мы поинтересовались: почему Наполеон III так много сделал для Марселя, в чём корни его привязанности к этому городу? Нам объяснили, что просто в годы его правления Франция была весьма богатой державой и в ней много строилось не только здесь, но и по всей стране.

Доехали до знаменитого жилого дома, возведённого Ле Корбюзье. Так называемого «радостного городка» или «города улыбающихся»,

рассчитанного на 321 квартиру в двух уровнях со всеми удобствами. В нём также имеются магазины, детский сад, бассейн. В своё время такие дома не привились, впрочем, как и впоследствии.

В своей книге «Ле Корбюзье. Архитектура XX века» он, в частности, писал: «Во время оккупации (1940-1944 гг.) я не получал никаких заказов на проектирование городов, ферм или домов... Когда армии Советского Союза окружали Берлин, у меня состоялся разговор с премьер-министром:

– Какой город вы теперь реконструируете?

– Никакого.

– Что вы строите?

– Ничего.

– В таком случае не хотели бы вы (лукаво улыбается) построить... один из этих ваших коллективных домов... там, в Марселе?

– Да, но с одним условием: я буду свободен от каких бы то ни было предписаний и указаний свыше.

– Согласен...

Мой штаб архитекторов, инженеры, администраторы и я тщательно разработали проект во всех деталях. Я уже готовился принимать поздравления от своих коллег (в 1947 г. в Высшем совете архитектуры и градостроения Франции)... как вдруг..

– Идеи, быть может, и интересные, но осуществимые лишь в весьма ограниченных масштабах. (А речь шла о жилом комплексе соответствующего размера!!!).

Министру был представлен доклад, основной вывод которого сводился к необходимости полного изменения нашего проекта. Доклад был послан и нам. Министр вызвал нас к себе и прочёл нам его.

– Что вы думаете об этом докладе, г-н Ле Корбюзье? – спросил он.

– Я оставляю его без внимания.

– Прекрасно, – ответил министр, – я вам предлагаю называть отныне ваше предприятие «Жилым комплексом Ле Корбюзье»; во всех официальных актах будет значиться это наименование».

Жилой комплекс в Марселе позволил наладить 26 видов коммунального обслуживания, освободив тем самым мать семейства от домашнего рабства и облегчив ей задачу воспитания детей.

По сравнению с другими виденными нами городами здесь относительно много продуктовых магазинов, особенно по торговле фруктами. На улицах много людей, особенно молодёжи, в джинсах, но не в вельвете. Не прививается он, хотя в продаже его везде навалом. Проехали затем мимо различных дворцов и других зданий. Конечно, мы здесь гостили недолго, но если сравнивать Барселону и Марсель, то последнему далеко до столицы Каталонии.

Жамиля на свои кровные купила всем нам по открытке, а мы ей и Эдмону сделали хорошие подарки. Всё, поехали в порт на теплоход. После того как все заняли свои места, прозвучала команда: «Отдать концы» и – прощай, Франция!

Продолжение в следующем номере.

Сауле БЕККУЛОВА,
кандидат искусствоведения

Палитра, поющая Женщину

*Слава, Женщина, Вам
Что приятно для сердца,
Прекрасно для глаз!*
Олжас Сулейменов

Мне привелось получить уникальный подарок. Альбом, названный «Женщины моей Родины», вышел в свет в прошлом году. В нём – произведения художников Казахстана показаны в ретроспективе, с начала XX века по сей день. Из коллекций Центрального Государственного Музея Республики Казахстан, Государственного музея искусств им. Абылхана Кас-теева, галерей «Ою» и «Улар», Казахского Государственного Академического Театра Оперы и Балета им. Абая, Союза Художников Казахстана и лично Вадима Сидоркина собрана галерея образов женщины, венчаемая лицом с обложки.

Юное, загадочно-трепетное лицо красавицы в меховой шапочке – национальном головном уборе, магнитом притягивает взгляд. Это – Ботагоз. Пальцы узкой кисти легко касаются шеи в нервно-вопрошающем ожидании. Глубокие, мерцающие блики ультрамарина охватывают фигуру девушки в тревожно-пульсирующем ритме движения. Подвижно всё – полёт взметнувшихся гибких бровей, распах вопрошающих чёрных глаз, тонкая линия носа и вздрагнувший изгиб алого рта. А за спиной клубятся очертания ночных гор во всех оттенках синего – властного, напряжённого, полного ожидания. Такой предстаёт Ботагоз под кистью нашей единственной женщины-художника театра, актрисы, певицы, матери, личности незаурядного дарования и красоты Гульфайруз Мансуровны Исмаиловой.

Взглянув на ослепительной красоты казашку с обложки, уже не можешь представить ничего другого столь притягательно-прекрасного.

Но – открываем книгу.

На высоком горизонте, в позе предстояния, гордые, величественные, монументальные, в исконной позе живущих тысячелетия на земле предков восседают на земле три женщины. Рассветные краски неба – на белом кимешке Аже, розовом одеянии молодой матери, лимонно-голубых бликах платья юной сестры. В центре – обнажённый малыш, навстречу которому жестом бата – благословения – открыты большие, сильные ладони матери. Густые тёмные краски ковра и земли, сияющие небесно-голубые и розовые – свод небес и снежные горы, море... Всё наполнено дыханием и счастьем жизни в величественной поэме любви к Матери, прародительнице Земле и её дочерям. А дитя на алом – гимн вечной жизни. Молодой Али Жусупов написал это полотно в 1967-м, вернувшись из Ленинградского Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, узнав классическую школу западноевропейского и русского искусства, изучая лучшие образцы советской школы. Но что томило его душу в мечте о

грядущем? Что волновало более всего? Конечно, судьба родной земли, её прошлое, настоящее, будущее. И он ответил своим полотном «Женщины моей Родины». Он рано ушёл из жизни, оставив о себе тёплые воспоминания в кругу коллег и друзей. А самым главным в судьбе оказалось именно это полотно.

Много в альбоме колоритных портретов и ярких композиций, выдающихся творений художников: и А.М. Черкасского с его грандиозным полотном «Дина и Жамбыл», и «Звуки домбры» К.Т.-Б. Тельжанова с великолепным заревом света в поющей степи, и «Вечер на жайлау» Сахи Романова, с тонкой поэзией девичьей красоты в безмерном пространстве родной земли, с её горами, лавиной сбегаящей отарой овец, ароматными травами и закатным сияньем неба над высокими вершинами гор...

С. Романов. Вечер на жайлау.

А изысканно-утончённые девушки с портретов Вадима Сидоркина – это наш день, наш век и интеллект молодых казашек современности: Гаухар, Сауле, Лена... И юные ученицы хореографического училища, грациозные и хрупкие. Каждая из героинь показана сквозь призму восхищения, как подобает рыцарю смотреть на Прекрасную Даму. Они красивы бесспорно, а привлекает психология каждой в отдельности: с озорством, с печалью, с сомнением, с вызовом смотрят на нас с холстов современницы, зорко раскрытые автором в своей сущности.

Целая галерея женщин с этнографической точностью, наблюдательностью и явной симпатией показана в картинах Николая Гавриловича Хлудова, проведшего в Казахстане почти всю жизнь. Это в его студии-мастерской впервые постигал азы искусства наш первый художник Абылхан Кастеев.

Женщины в полотнах живописцев 1960-х – Абдрашита Сыдыханова, Шаймардана Сариева, Салихитдина Айтбаева, Оралбека Нуржумаева близки по духу главной картине Али Жусупова. Только цвет в них ещё более лапидарен и активен: алый, оранжевый, жёлтый, густо-зелёный, гулко-синий. И звонкие женские фигуры возникают яркими пятнами сочного цвета на фоне юрт, панорамы природы как праздник цвета и утверждение жизни.

Удивительна палитра льющегося солнечного цвета и утренних красок города или степи в произведениях Сабура Мамбеева, ещё в 1950-е годы создавшего самобытный облик казашки, полный интеллектуального и природного шарма. Словно балерины облачились в обычные одеяния, возникнув из фонтанов, арыков и парков любимого города. Конечно, Алматы!

Мозаичная лепка формы и вместе с тем хрустальная прозрачность и лёгкость «Балерины на фоне облаков» и «Читающей девушки» Сергея Калмыкова надолго приковывают взгляд. Женщина, как некое божество, заоблачная принцесса в его прочтении художника, отдавшего жизнь театру, не удивляет, но восхищает.

Безусловно, даже перечисление всех художников этого альбома невозможно. Но автора идеи и продюсера, т.е. создателя его, называю с удовольствием, благодарностью и радостью. Ныне подобные издания – редкость и большое серьёзное дело. В нём обнаружились и вкус, и страсть, и благородство, и замечательное знание дела. Барысбеков Берик – автор замечательного издания. Думаю, у него – большое будущее. И добавлю. Великолепна идея вместо предисловия дать слово Олжасу Сулейменову. На казахском, английском и русском языках звучит оно, слово Поэта:

С. Калмыков.
Читающая девушка.

Казахскую женщину воспитывала культура кочевья...
Свобода и достоинство – вот главные качества женской натуры.
Художник Свободу рисует Женщиной,
Мы всё, что дорого, величаем
Твоим именем, Женщина!
Родина – Женщина,
История – Женщина,
Честь, отвага, поэзия – Женщина...

Открываю альбом и вновь – гордость, полёт и вдохновение. Благодарю! Великолепный дар!

Виктор СОРОЧЕНКО

Огонь, вода без медных труб

Я родился в октябре 1939 г., был у родителей третьим ребёнком. И, по-видимому, любимчиком. Со слов матери знаю, что отец меня называл не иначе, как Витюнчик. И в письмах с фронта, интересуясь нашей жизнью, спрашивал: «А как там Витюнчик?». Так и остался я «любимчиком». И когда уже мы, дети, подросли, то старшие мои – брат Геннадий – 1936 года рождения и сестра Галина – 1937 года рождения, иногда упрекали мать, будто она иначе относится ко мне, чем к ним, и что я у неё любимчик. Хотя я этого не замечал: и в те трудные военные, да и послевоенные годы я в основном пользовался обносками.

Родился я в посёлке Баянаул Павлодарской области. По административному делению посёлок относился к райцентру. Но по виду – захудалый, без какой-либо промышленности населённый пункт. Однако он расположился на самом красивейшем клочке земли. Среди многокилометровой степной неплодородной равнины вдруг появляется оазис. Скалистые горы высотой около одного километра, покрытые смешанным лесом. Три красивейших озера с каменистыми, кое-где песчаными берегами. В озёрах – рыба. В лесу – изобилие грибов и ягод.

Отец мой – Сороченко Степан Николаевич – выходец из большой многодетной семьи. До призыва на фронт работал шофёром. Вёз руководство районного масштаба. И всю войну прошёл шофёром, рядовым стрелкового подразделения противотанковой артрразведки. Награждён медалью «За боевые заслуги» и орденом Красной звезды. За пару месяцев до окончания войны в боях под Кёнигсбергом был тяжело ранен и умер в госпитале.

До войны мать не работала. Рожала нас. Судя по старым фотографиям, где мне около 2-х лет, видно, что наша семья жила в достатке. На нас приличная одежда. А когда отца мобилизовали, мать осталась одна со всеми проблемами. С родственниками отношения натянуты. Помощи никакой. Специальности нет. Какая работа, когда на руках трое малолетних, старшему из которых всего пять лет? Ничего не оставалось делать, как за кусок очищенной от мяса кости отдавать хорошие вещи, какие-то предметы. Вмиг семья обнищала. Многие родственники по линии отца жили по

**Виктор
Степанович
СОРОЧЕНКО**

– уроженец Казахстана. После армейской службы работал в Майкаине Павлодарской области слесарем-монтажником, слесарем-наладчиком в областном центре, окончил спецшколу милиции в Алма-Ате, служил в правоохранительных органах в Павлодаре, Баянауле, Мурманске и т.д. Заочно окончил юридический факультет Академии МВД СССР. Ныне проживает в г. Каменка Пензенской области России. Часто бывает на родине. В один из приездов в Астану в 2011 году Виктор Сороченко посетил редакцию «Нивы» и подарил свою книгу воспоминаний «Огонь, вода без медных труб», изданную в Пензе в 2010 г. под псевдонимом С. Сорвик. Фрагменты из этой книги о детстве, отрочестве и юношестве предлагаем вниманию читателей.

сравнению с нашей семьёй более зажиточно. И, не скрывая неприязненного отношения к матери, обзывали нас голодранцами. Куда деваться? Что делать? Мать ходила по домам, соглашаясь выполнять любую работу ради чашки муки (чаще с отрубями), картофельных очисток. Какими-то путями матери удалось устроиться на работу. Приняли её в плотницкую, в столярный цех, где она быстро научилась из болванок изготавливать деревянные ложки, спицы к колёсам для телег. Благо, эта плотницкая находилась вблизи от дома, буквально через дорогу. Мы туда ходили с корзинкой за стружкой, щепой для топки.

Время шло, мы подрастали. Забот у матери становилось всё больше. Летом, конечно, с одеждой было проще: бегали босиком, в одних трусах. Но зато нам требовалось больше еды. Мать, кроме основной работы в столярке, где заработки были предельно низкие, продолжала подрабатывать у людей. В основном у казахов. Помню, как однажды она, вернувшись с подработки, принесла небольшую булку белого хлеба. Такой хлеб я видел впервые. В магазине продавали развесной из чёрной ржаной муки, чаще недопечённый, тяжёлый. А этот – белый, мягкий, с запахом молока и масла. Казашка сама дома выпекала. Мать разделила эту булку всем нам по кусочку, налила чаю и, боясь, чтобы мы вмиг не проглотили хлеб, поучала: «Хлеб кусайте по крошечке, больше запивайте чаем». Правду говорят, что голь на выдумку хитра. Вот и мать мудрила, выкручиваясь по-всякому, чтобы хоть как-то нас накормить. И придумала: принесённые от казахов очищенные от мяса кости она долго варила и на этом (трудно сказать – бульоне) отваре готовила какой-нибудь суп, кости же не выбрасывала, а раздробив их топором (счастье, если попадали мозговые кости), сохраняла, а затем повторно варила в надежде выварить из них до последней капельки жир, так необходимый нашим истощённым организмам. Картофельные очистки также не выбрасывала. Тщательно промыв, выкладывала их на противень и высушивала. Мы их съедали как какое-то лакомство.

Весна 1945 года несла людям и радость, и горе. Мать уже работала парикмахером при Баянаульском Райбыткомбинате. Приобретя новую профессию, мать хоть и нелегально, имела возможность заработать лишнюю копейку, обслужив клиента на дому.

Беда не обошла стороной и наш дом: работники райвоенкомата вручили матери казённое письмо – похоронку и вместе с ней награды и личные документы отца. Мать, не веря случившемуся, дрожащими руками приняла пакет и зашлась горькими слезами. Зарыдали все, кто находился в доме. В это время к нам приехала из Алексеевки семья бабушки – мать моей матери и три сестры: Таисия, Лида, Нюра. И я, совсем не понимая, что произошло, тоже выл.

Чем завершился этот первый трудный день, я не помню, зато надолго врезалась в мою память одна картина: в доме было темно. Где в этот вечер находились мои старшие брат и сестра, не знаю. Я, по-видимому, сидя на деревянном диване, задремал. Проснулся от женских голосов вперемешку со всхлипываниями. Я даже сразу не понял – где я и что происходит. Передо мной – две спины на фоне яркого света от печурки, в которой с треском горели дрова. Это была моя мать и соседка – тётя Маруся Бутакова. Они сидели на низкой скамейке, вытянув ноги ближе к печурке. Рядом на полу

стояла промокшая обувь. Женщины, рыдая, успокаивали друг друга, предлагая крепиться. До моих ушей доносились вздохи, всхлипывания, отдельные слова: «как быть?», «что делать?», «всю войну прошёл», «не верю» и т.д. Мать обвиняла в чём-то медсестру. И только много лет спустя я узнал смысл этого разговора, который затем всё более укреплялся в сознании матери. Она всю жизнь сомневалась в гибели отца. Верила во всякие враки, что отец в госпитале влюбился в медсестру и остался с ней, забыв или, хуже того, бросив нашу семью.

Как-то я зашёл к матери в парикмахерскую. Она обслужила очередного клиента, и тот, надевая верхнюю одежду, сочувственно слушал мать, которая с накапывающими на глаза слезами жаловалась на свою судьбу. На моё появление они отреагировали, как мне показалось, без особого внимания. Но я ошибся. Мужчина, застегнув последнюю пуговицу на тёмно-сером пальто, надел такого же цвета шапку, попрощался с матерью и, положив свою тяжёлую ладонь на мою голову, сказал: «Пошли». Мать кивком головы показала, что я могу пойти с этим мужиком. Куда, зачем, – я не спрашивал. И оттого, что мы пошли по направлению к нашему дому, я ещё больше успокоился. Мужчина, перешагивая через лужи, шёл впереди, и хотя не быстро, но я за ним не успевал. Быстрее идти мне мешало длинное пальто, надетое на меня с плеча старшего брата. Я стал отставать, и чтобы хоть как-то сократить отставание, шёл по лужам. Наконец-то мы подошли к воротам плотницкой, где когда-то работала мать и куда мы ходили за щепками для топки. Я с испугу не заметил, как мы прошли мимо нашего дома. Мужчина, заходя в ворота, сказал, чтобы я его подождал здесь. Мне долго ждать его не пришлось. Вернулся он быстро, сунул мне в руки что-то, завернутое в светлую бумагу, и вновь скрылся за воротами. Боже мой, и гадать не надо было, что скрывалось под бумагой. Мой голодный желудок и чуткий нос сразу учуяли: это был хлеб! От запаха свежего хлеба у меня защемило под ложечкой, потекли слюни. Я убрал бумагу. Не удержался от соблазна, откусил кусочек вкусного хлеба, а затем, не останавливаясь, откусывал, отщипывал, проглатывал кусок за куском. Не судите строго. Ну какое сознание у пятилетнего ребёнка, к тому же голодного, вечно недодававшего? Мог ли я тогда сообразить, что этот кусок хлеба предназначался всей нашей семье? Когда я переступил порог дома, у меня в руках остался совсем маленький кусочек. Меня не ругали. Как прошёл ужин – не помню. Но по прошествии многих десятков лет мне стыдно за этот поступок. И сейчас, когда описываю его, у меня к горлу подкатывает комок, уши горят от стыда, глаза на мокром месте.

Весна быстро набирала обороты. В безоблачные дни солнечные лучи обогревали и высушивали освободившуюся от снега землю. Наш дом стоял на перекрёстке двух улиц. Слева, если ориентироваться по выходу со двора, дорога отделяла от плотницкой, а напротив, через дорогу, стоял дом Бутаковых. Там жила тётя Маруся – вдова, так же как и моя мать, потерявшая мужа на войне. У неё было двое детей: Галина – ровесница моему старшему брату, и Валера – мой ровесник. Тётя Маруся прекрасно осознала, что без подсобного хозяйства трудно будет выжить. У них во дворе всегда была домашняя живность, а на приусадебном участке выращивала всего понемножку, но это позволяло худо-бедно разнообразить питание детей. Я

завидовал Валерке по-детски, ещё не понимая смысла этой зависти. Он всегда был одет в чистую, на мой взгляд, новую одежду: рубашка, короткие на лямочках штанишки, носки и добротные сандалии. А я себя помню в эти времена в помятых тёмных, давно не стиранных трусах и вытянутой, безразмерной майке, сшитой из куска марлевой ткани. Вот в таком виде утром я вышел со двора своего дома и присел у стены, обогреваемой солнцем. Ко мне подошёл Валера. Мы не успели ещё заговорить, как тётя Маруся громким звонким голосом позвала его домой: «Валера, иди завтракать, всё готово». Он спокойно побрёл к своему дому. Я точно знал, что на завтрак ему подадут ложечку густой сметаны, лепёшку, только что испечённую на масле в сковородке, и чай с молоком. Возможно, на этот раз он будет есть совсем другое? Но у меня в памяти остался вкус именно того завтрака, о котором я сказал, так как один раз (как жаль, что всего один раз!) я был приглашён к столу с Валерой.

Друг ушёл, а я, обогреваемый тёплыми утренними лучами весеннего солнца, продолжал сидеть у стены. Прошло немного времени, как у нас дома все засуетились. Появились бабушка, Лида. Тут же к нашему дому подъехала большая бортовая автомашина, в кузове которой сидело несколько мужчин. Из кабины вышла мать и, схватив меня за руку, быстро завела в дом. С меня сняли ветхую одежонку, и я голый стоял посреди кухни.

«Дуся, ты хоть помой его!» – сказала Лида, обращаясь к матери, которая в это время копошилась в сундуке, что-то отыскивая.

«Некогда, нас никто ждать не будет», – ответила она.

Лида подняла с пола ранее снятую с меня майку и, намочив один конец тёплой водой из чайника, протёрла мне лицо, а затем кисти рук, колени и ступни ног. Другим концом той же майки вытерла насухо. Этим временем мать из сундука достала чистую, но ничем не лучшую одежду: трусы, майку, рубашку, штаны чуть ниже колен, правда с одной лямкой, носки, старые ботинки. Я был готов, но куда и зачем – не знал, мне не объясняли. Мать взяла меня за руку и повела на улицу. Бабушка на ходу надела на меня какое-то пальтишко. Мать, подхватив меня под мышки, подняла и передала в руки мужчине, стоявшему в кузове автомашины. Он посадил меня у борта ближе к кабине. Лида встала на заднее колесо и, нагнувшись через борт, дотянулась до меня, сунула за пазуху мне небольшую пресную лепёшку, а затем надела мне на голову зимнюю шапку, пытаясь завязать тесёмки на подбородке. Я хотел отстранить руки Лиды от шапки, но, увидев на её щеках слёзы, перестал сопротивляться. Когда заревел мотор, машину немного затрясло. Для меня это было жутко. В машине я оказался впервые. Мать, по-видимому, заметила мой испуг, подошла ко мне и сказала: «Тебя там встретит дядя Ваня. И я скоро приеду». Кто такой дядя Ваня и где он меня будет встречать, конечно же, я не знал и не мог этого знать в силу своего возраста.

Машина, вздрогнув, тронулась с места. Меня качнуло и прижало к борту спиной. Шапку нахлобучило на глаза. Одной рукой я схватился за рукав куртки сидевшего рядом мужчины, а другой рукой, прижав её плотнее к груди, удерживал лепёшку, боясь её потерять. Машина, покачиваясь

и подпрыгивая, продолжала свой путь по каменистым улицам посёлка, увозя меня куда-то от родного дома. А я сидел в кузове, и что происходило за бортом, не видел, так как шапка совсем закрыла мне глаза. Руки мои были заняты, и поправить её я не мог. Лишь когда мы отъехали далеко от посёлка, когда лес и горы оказались далеко позади, дорога стала мягче, накатанней. Руки освободились. Поправил шапку. За бортом – пыль столбом. Мужики, покуривая самокрутки, о чём-то говорили. Один из мужчин поднялся и на казахском языке заговорил с шофёром. Проехав ещё немного, мы подъехали к одиноко стоявшей среди степи мазанке, по окна вкопанной в землю. Это был пастуший дом. Машина остановилась около забора из длинных жердей. Казах спрыгнул с машины и зашёл в домик, вскоре вышел и подал знак, понятный сидевшим в кузове. Они тут же повыскакивали из кузова. Один из них снял и меня. Все направились к юрте, стоявшей чуть в стороне, которую я сразу и не заметил. Остановились недалеко от входа. Нас, ехавших в машине, было человек семь мужиков (себя я не считаю). Трое, в том числе и молодой шофёр, – казахи. Вот они-то первые, подавая пример остальным, сели на землю, поджав ноги под себя. Русские присели кто как мог. Вскоре из юрты вышел казах с реденькой бородкой. На голове – малахай с поднятым одним ухом. На ногах – сапоги из толстой кожи с длинными, выше колен голенищами, выше которых по кромке выглядывала серого цвета кошма, толстые стёганные штаны, непонятного цвета пиджак. В руках он нёс большой таз, наполовину заполненный молоком. Таз он поставил на рядом стоявшую скамейку, а сам вернулся в юрту и вынес поднос, на котором находились огромная деревянная ложка и кесешки (пиалы). Старик, скрестив ноги под собой, сел на землю рядом с тазом. Зачерпнув жидкость, он поднимал ложку и выливал содержимое обратно. Такую процедуру он проделал несколько раз и лишь только потом стал наполнять кесешки и передавать их мужчинам, которые, отпив несколько глотков, причмокивая, произносили «Якши кумыс!» (Хороший кумыс).

Я стоял тут же, наблюдая за этой картиной: как это великовозрастные мужики смакуют молоко. Старик заметил мой любопытный и сосредоточенный взгляд, предложил и мне кесешку, в которую плеснул немного молока. Конечно же, я не отказался и протянул свободную от лепёшки руку, а сам подумал: «Жадина-говядина, так мало налил». Левой рукой извлёк из тайника лепёшку, откусил, решив «перекусить», как советовала Лида: «Съешь при удобном случае». Немного пожевав, принялся запивать, не ощущая ещё вкуса. Сделал пару глотков и только потом понял, что это не молоко, а что-то кисловатое. «Пей, пей, – сказал мужчина, сидевший рядом. – Тебе полезно, вон какой тощий». Сморщившись, я сделал ещё один глоток и недопитую пиалу вернул казаху. Так впервые я познал вкус кумыса. Вскоре мы продолжили свой путь. От выпитого я охмелел. Меня укачало, уснул. Проснулся, когда автомашина уже стояла. Мужчина, ранее сидевший рядом, стоя в кузове, подёргивал за ворот пальто, говорил: «Вставай, приехали». Я с трудом поднялся, еле удерживаясь на ослабевших ногах. Лепёшка, видно, давно выпала, вся в пыли, грязная валялась на полу кузова. Мужчина ловко спрыгнул на землю, протянул мне руки и поставил

меня на землю. Машина укатила, увозя мою лепёшку. Мужчина ушёл, а я остался один посреди двора, окружённого невысокими строениями. Кругом валялись покрышки, какие-то металлические детали. Пахло бензином. Это был гараж. Вокруг – никого. Я, озираясь, топтался на месте, не зная что делать. Но тут, как-то неожиданно и незаметно для меня, рядом очутился мужчина. В чистой одежде, с улыбкой на лице, он нагнулся и, поправляя на мне шапку, спросил: «Ну как доехал?». Не дожидаясь ответа, взял меня за руку и повёл в сторону ворот. Мужчина назвался дядей Ваней.

Так я оказался в посёлке с красивым загадочным названием Майкаин. В переводе с казахского Майкаин – Масляная берёза.

Дядя Ваня – один из братьев моего отца.

Так, держа за руку, он повёл меня к себе домой. Шли мы по дороге меж бараков и каких-то длинных домов с множеством дверей и окон почти у самой земли. Постоянно надо было смотреть под ноги, опасаясь наступить на конский и коровий навоз.

Посёлок особого впечатления на меня не произвёл: грязный, ни одного деревца, и гор не видно. Не то что в Баянауле. Единственное, что впечатлило – это обилие снующих разнообразных машин, конных повозок со своеобразными тележками.

Слух о гибели моего отца быстро разлетелся по району. Его знали, помнили и уважали не только родственники, но и многие другие жители Баянаула. Он ведь был до войны одним из немногих шофёров на легковой машине. По всему району возил на «эмке» руководство. Благодаря своему общительному и весёлому характеру легко находил общий язык с людьми. Особым уважением пользовался у казахов. Отец немного знал казахский язык, а это многое значило. Родственники по линии отца к матери относились неоднозначно. Некоторые с сочувствием, состраданием. Дядя Ваня часто по долгу службы или с целью посетить своих братьев или сестёр приезжал в Баянаулу. Как-то зашёл в парикмахерскую к моей матери выразить своё соболезнавание. Да и не только. Она нравилась ему. Пока мать подстригала, брила его, он продолжал расспрашивать её о жите-бытье, хотя наперёд знал о её нуждах и тяготах.

– Дуся, ты подумай, может, есть смысл тебе переехать в Майкаин?

– Да ты что, Ваня! Куда мне с таким хвостом срываться с места? Ни жилья, ни работы. Здесь свой дом, дети ходят в школу.

– А ты не спеши отказываться. С работой проблемы нет. Я знаю, что в быткомбинате решили расширить площадь парикмахерской и увеличить штат мастеров. С жильём я походатайствую.

Для матери этот разговор остался пустым, и после ухода дяди Вани она о нём забыла. Однако буквально через пару дней дядя Ваня вновь приехал – и сразу к матери в парикмахерскую. Клиентов не было, и потому дядя Ваня сразу сообщил, что с руководством майкаинского быткомбината всё согласовано, дано «добро» на перевод матери на работу в Майкаин. Это сообщение для матери оказалось неожиданностью, она замахала руками, пытаясь убедить дядю Ваню, что все его хлопоты напрасны, что она просто не готова к перемене сложившегося уклада. Дядя Ваня всё настойчивее продолжал убеждать мать в необходимости согласиться с его предложением.

«Пойми же ты, – говорил он ей, – на красивой природе жизнь лучше не сделаешь. Что у тебя здесь за заработок, если клиентов раз-два и обчёлся? А в Майкаине клиентов – во! – при этом ребром ладони провёл по горлу и продолжал: – В Майкаине почти каждый день возвращаются мужики с фронта. Расширяется работа по добыче руды. Рабочие руки нужны, и в основном – мужские. Соглашайся. С жильём проблем не будет. И ещё: давай мне Виктора. Всё тебе будет легче со сборами. С Нюсей (его жена) мы уже этот вопрос обсудили».

Мать молчала, а затем, вздохнув, сказала: «Да, возможно ты и прав. Здесь у меня родственников нет, а в Майкаине – моя сестра. Надо подумать».

Но долго думать ей не пришлось. Вскоре произошло то, о чём я уже написал. Меня привезли в Майкаин.

Майкаин – рабочий посёлок. Всё было подчинено добыче полиметаллических руд в основном открытым карьерным способом. И потому при въезде в посёлок со стороны Баянаула тебя встречают горы – отвалы породы, а также искусственные водоёмы, огороженные дамбами из той же отвальной или вскрышной породы. Это так называемые «хвосты» и из фабрики, где производилась первичная обработка руды, и из отделений, перерабатывающих руду в концентраты: золотой, медный, свинцовый, серебряный.

Всё это придавало окрестностям невзрачный вид. Воздух был насыщен пылью и запахом руды.

Не помню, как я зашёл в дом дяди Вани, как меня встретили его жена – тётя Нюся, дочь Юля. Как долго я прожил в составе их семьи? Где спал, что ел, чем занимался: ничто не отложилось в моей памяти. Однако три эпизода первых дней проживания в Майкаине у дяди Вани в памяти сохранились.

Дни стали более продолжительными и тёплыми. Меньше времени проводили в чистых комнатах, а в основном в просторных сенях. В потолке было оборудовано окно, которое на зиму закрывалось фанерой, прижатой кирпичом. Летом фанера убиралась, и в сенях становилось достаточно светло. Непосредственно под окном стоял обеденный стол. В непогоду окно вновь закладывалось фанерой. Эту операцию, по-видимому, выполняли старшие. А тут вдруг по непонятной мне причине тётя Нюся попросила меня открыть это окно. Я по лестнице залез на крышу, подошёл к окну, взялся обеими руками за край фанеры и стал тянуть её на себя. В силу своего возраста я не догадался вначале убрать кирпич, а затем уже отодвигать фанеру. Кирпич соскользнул и упал, к моему несчастью, не на раму, а прямо на стекло, разбив его своей тяжестью.

Юля – моя двоюродная сестра по линии отца – старше меня лет на пять. Она ходила в школу. У неё были свои заботы и увлечения. В воскресный день тётя Нюся попросила её заняться моим воспитанием, отвлечь меня от безделья. Для этой цели передала ей небольшой мешочек, чем-то доверху заполненный и завязанный бечёвкой. Юля радостно приняла мешочек и повела меня в сени, ближе к выходу, где было светлее. Она развязала бечёвку и высыпала содержимое на земляной пол. Это были асики. В

России эти костяшки называют «бабками». Я тогда уже знал их предназначение. Мы, мальчишки, играли с ними. И я, увидев у девчонки эти асики, был крайне удивлён. Считал, что в них играют только мальчишки.

Юля, хоть и обладала костяшками, но точно не знала основных правил этой игры. На этой почве вскоре возникла ссора, в ходе которой я, пытаясь завладеть хотя бы частью костяшек, нанёс удар рукой Юле в область живота. На шум выскочила тётя Нюся и, схватив меня за ухо, оттащила от Юли:

– Ты что творишь, отстань от девчонки!

– Он меня ударил в живот, – хныча, пожаловалась Юля.

– С девочками мальчишки не дерутся, и в живот их бить нельзя.

«Почему нельзя, – думал я, – мы всегда дома выясняли отношения только с помощью силы?!».

– А по заднице можно? – не соображая, переспросил я.

– Нет, нельзя! Вообще драться нельзя.

Юля хоть и старше меня, но ростом в свою маму – маленькая, чуть выше меня. На ней было синее с белыми горошками платье, на голове косички с чёрным бантом. Она, обиженная мною, стояла, прижавшись спиной к стене, косо глядела на меня. Я смотрел на неё и не понимал, почему нельзя с ней драться? Почувствовал себя (конечно же, ошибочно) сильным, как мой старший брат, – героем, но укрощённым тётей Нюсей.

Тетя Нюся забрала асики и ушла, занялась своим делом. Юля убежала на улицу. Я остался один.

От безделья, послонявшись по просторным сеням, я тоже выбежал на улицу. Был чудесный солнечный день. Друзьями я ещё не обзавёлся. И когда подходил к группе таких же, как я, или чуть старше мальчишек, игравших в асики или пристенок, на меня никто не обращал внимания. Ни денег, ни асиков у меня не было, и потому в играх участия принять не мог. С ощущением голода я направился домой. Когда вошёл в просторные сени, которые в летнее время являлись кухней, из чистых комнат послышался мне знакомый женский голос. Я направился к двери, и она открылась. Мне навстречу вышла моя мать, неся с собой запахи парикмахерской: душистого мыла, одеколона. Я бросился к ней, но она, почему-то не по-матерински, как-то холодно-важно восприняла мой детский порыв. Взяла меня за руку, и мы вместе вышли на улицу, сопровождаемые пристальным взглядом тётки Нюси. Конечно же, в силу своего детского, не особенно развитого ума, я тогда не мог сообразить и понять, что произошло.

Мать погладила меня по голове и стала уходить, оставляя меня у входа. Я некоторое время стоял, оторопев, а потом сорвался с места и со слезами на глазах, рёвом, криком «Мама, мама!» – пустился догонять её. Она прижала меня к себе, а потом, присев на корточки, стала что-то мне говорить, объяснять. Я мало что из этого понимал и твердил одно: «Я с тобой, я не останусь». Чем завершилась эта встреча, моя детская память не сохранила. Только много лет спустя со слов матери я узнал об этом более подробно.

Получилось так, что на оформление перевода матери работать в быткомбинате в Майкаине потребовалось совсем немного времени. Она приехала в Майкаин и остановилась у своей сводной сестры – тётки Таси, которая в то время, также овдовевшая, проживала в бараке. У неё было два сына и дочь. Работала в гараже вулканизатором.

Освободившись от дел, мать пошла к дяде Ване, где состоялся сложный для неё разговор относительно меня.

Дядя Ваня, оставаясь верным своей идее оказать посильную помощь семье старшего брата, т.е. нашей семье, просил мать оставить меня ему на полное содержание, вплоть до оформления опекунства надо мной. Мать выслушала его предложение, но недопонимала сути опекунства. Дядя Ваня доступным языком пытался убедить мою мать в необходимости этой сделки и приводил доводы, выгодные ей хотя бы с материальной стороны. В то же время поражался, почему она не даёт согласия. Но тут в разговор встряла тётя Нюся, которая до этого молча стояла у стола и гладила брюки дяди Вани.

– Дуся, да что ты переживаешь за Виктора? Ты пойми, насколько тебе это выгодно. Тем более, если твоему сыну понравится у нас, то мы вообще хотели бы его усыновить. Мы с Ваней уже обговаривали это.

– Как это усыновить? – чуть не криком спросила мать.

Дядя Ваня тоже чуть не опешил. Действительно, он вынашивал это желание, но подойти к разговору об этом собирался позже, как-то подготовив к нему мать. Однако деваться было некуда. «Слово – не воробей». Тётя Нюся опередила события. Пришлось поневоле продолжить разговор.

– Дуся, мы хотим, чтобы ты дала согласие на усыновление Виктора. Я уже консультировался у нужных людей. И это легко сделать. Тем более, фамилия и имя у него остаются свои. Изменится только отчество. И это изменение можно внести при получении паспорта.

Мать мигом, будто проснувшись, прервала речь дяди Вани и твёрдо заявила:

– Нет. Этому не быть. Я не согласна с усыновлением и опекунством. Желаете помочь – пожалуйста, а иначе – нет.

Никакие доводы не могли убедить мою мать дать согласие на моё усыновление.

Тут-то тётя Нюся и выпалила залпом:

– Тогда какой прок нам держать у себя твоего сына? Можешь сегодня же его забрать.

– Нюся, ты что такое говоришь? – заорал на свою жену дядя Ваня. – Опомнись!

Он никак не ожидал подобного выпада от своей жены. Мать, не желая продолжать навязанный тётей Нюсей разговор, встала и направилась к выходу. Тётя Нюся пошла за ней, по-видимому, намереваясь что-то ещё сказать, но здесь навстречу им появился я.

Вот так я оказался в качестве яблока раздора в отношениях с семьёй дяди Вани. А вскоре, когда я окончательно уходил из дома дяди, тётя Нюся заставила меня снять трусы и майку, которые ранее дала мне и считала «своими», а мне выдала мои вещи, в которых я приехал к ним, т.е. старьё. Долгие годы дядя не мог простить своей жене её поступка.

Мать работала в парикмахерской, нам выделили жильё – дом особняком стоял на той же улице, где жил дядя. Назвать домом сложно. Приземистое строение из самана (в обиходе их называли мазанками), по самые

окна вкопанное в землю. Состояло из одной просторной комнаты с двумя окнами, выходящими на улицу, и не менее просторными сенями. Меня определили в детский сад. По окончании учебного года сюда же в Майкаин привезли Геннадия и Галину. Государство назначило нам пенсию в 450 руб., но и их не хватало, чтобы сводить концы с концами. Мы продолжали вести почти нищенский образ жизни.

Путь в детский сад и обратно шёл по улице мимо дома, где жил дядя. Но я никогда не встречался ни с ним, ни с тётёй Нюсей, а может, просто не замечал. Возвращаясь из детского сада домой, я часто на всю улицу горланил песни, вернее не песни, а отдельные строчки из них, которые когда-то звучали по радио, называемому «тарелкой», и запомнились мне: «... Хороща страна Болгария, но Россия лучше всех...», «Смелого пуля боится, смелого штык не берёт...», «... Голубые глаза хороши, ну а мне полюбилися карие...».

Женщины, сидевшие на завалинке, с улыбкой провожали меня. И мне это нравилось.

Однажды, в очередной раз, как всегда, напевая песни, я возвращался из детского сада. Обнаружилось, что меня не встречают соседки. Появилась детская обида. А когда я приблизился к своему дому, заметил, что почти все они сидели на корточках, а кто-то стоял на коленях – прильнули к нашему окну. Нижнее стекло в раме отсутствовало. На подоконнике стоял репродуктор, наша «тарелка». Доносился голос диктора. Женщины, обливаясь слезами, внимательно слушали его. То было какое-то важное сообщение. И хотя радио умолкло, женщины продолжали рыдать. Особенно одна – высокая, худощавая, в тёмном длинном платье. Другие старались её успокоить, но им это не удавалось. Мне стало жалко смотреть на страдающих женщин. Присел рядом на завалинку и тоже завыл.

Потом я часто встречал эту женщину в тёмном. У неё погиб муж, но она этому верить не хотела. А когда с полустанка возвращались автомашины, опорожнившись от концентрата, бабы выходили на дорогу и встречали их в надежде обнаружить в кабине кого-нибудь, вернувшегося с фронта. И всё чаще чьи-то надежды оправдывались. Радость была общая. Только женщина в тёмном, испытав минутное счастье за других, падала на колени вслед уходящей автомашине, кричала какие-то никому не понятные слова, сдирая о землю до крови руки. Бабы брали её под руки и уводили домой. Вскоре она уехала из Майкаина неизвестно куда.

Где-то в середине лета 1945 года матери удалось выгодно продать дом в Баянауле и на вырученные деньги купить жильё в Майкаине.

Жильё находилось, как и у многих в Майкаине, в одном ряду под одной крышей строений, пристроенных один к другому сбоку или с тыльной стороны. Входная дверь – с северной стороны, а окно выходило на южную сторону. Одна просторная комната. Слева – большая печь с духовкой. Пол земляной. Из мебели – ничего, кроме кровати, сундука, стола и нескольких скамеек. Соседи – полный интернационал: рядом по входу справа – чеченцы, слева – казахи; правая стена комнаты общая с

соседями – семьёй Лапшиных; левая стена была общей с ингушами. Справа, по входу, за жильём чеченцев жила семья Умерихиных.

Немногим чеченцам и ингушам удавалось обзавестись жильём. В большинстве они селились в наскоро слепленных из всякого подручного материала землянках, ближе к карьерам. Там в основном они и работали.

Землянки (если бы вы их видели) до сих пор у меня перед глазами. Выкапывалась яма глубиной до полутора метров по площади, в зависимости от членов семьи. По периметру высотой в один-два самана выкладывалась, если можно так сказать, стенка, в которой оставался проём для окошечка. На саманы вдоль и поперёк ямы укладывались куски рельса или тавровой балки, а на них уже горбыли, доски или что найдётся. Затем куски жести от бочек, которых, к счастью, было великое множество. В бочках привозили на фабрику химикаты. В землянке на деревянных кольях, вбитых в землю, мастерили из досок общий топчан, стол. Отапливалась землянка «буржуйкой», в которой почти постоянно горели дрова или уголь. Над каждой землянкой из трубы – дым. Страшнейшая картина. Далеко им до «землянки в три наката»...

Среди переселенцев кроме чеченцев и ингушей были немцы, татары, азербайджанцы и даже несколько семей поляков. Мне сейчас сложно сказать, как в этом горняцком небольшом посёлке со столь многонациональным населением складывались взаимоотношения. Мне не помнятся случаи вражды на этой почве, тем более среди соседей. Отношения были нормальными и даже чаще – дружескими. Особенно у нас, ребятни.

Каждое утро, кроме воскресенья, я первым просыпался, надевал на себя повседневную одежку и убегал в детский сад. Никто и никогда меня по утрам не будил, не провожал и не встречал. Зато я твёрдо знал, что там меня ждёт хоть какая-то еда. Гонимый вечным желанием поесть, я почти всегда первым оказывался в детском саду. Кроме Славки Леликова. Его мать работала няней и приводила его с собой.

Со Славкой я не дружил, хотя нас объединяла нищета. Он мне не нравился тем, что у него постоянно под носом было сыро. Мать часто подходила к нему и передником вытирала нос. Помню других детей по фамильно, некоторых – и имена: Юра Никтин – крепыш, умница. Мне он запомнился по многим причинам, а в детском саде он отличался отличной памятью и хорошей способностью пересказа прочитанного или увиденного в кино. Всегда был чисто одет. Его уважали воспитатели. Мать его – тётя Маруся – работала подсобницей в парикмахерской. В её обязанности входило греть воду, готовить и подавать мастеру прибор для бритья или горячий компресс. С моей матерью их объединяла не только работа, но и вдовья судьба. У той и другой было трое детей. Дружили.

Мишка Кукунин – такой же шалопай и нищий, как и я. Пинчуков, Селезнёв, Актаева – дочь директора Майкаинского быткомбината. Красивая, стройная, темноволосая, с короткой стрижкой, часто с бантом на голове. Носила всегда разнообразную чистую одежду. Со стороны воспитателей, няни к ней было особое внимание. Оля Соболев, Тома Трусова – их родители были служащими при комбинате «Майкаин-Золото». Особые отношения для того возраста у меня возникли с одной очень

красивой стройной девочкой Тамарой Лосевой. И что она во мне нашла? Наши койки находились рядом, и после обеда, перед тем как ложиться спать, мы с ней сдвигали свои кровати поближе друг к другу. О чём-то говорили, смеялись. Воспитателям приходилось окриком успокаивать нас.

Для приёма пищи нас рассаживали за столики по четыре человека. Постоянных мест за нами не закреплялось, и я всегда был рад, а может, сам стремился к этому, когда оказывался за одним столом с кем-нибудь из зажиточных семей и всегда сытых, и потому привередливых к детсадовской еде. Какие мизерные были порции, но эти дети, поковырявшись ложкой, отодвигали тарелки с едой или стаканы с молоком или какао. Чаще это происходило за завтраком или после тихого часа перед уходом домой. И если выпадал такой счастливый случай (а я ведь не один голодный, недоедавший дома был в детском саде), я мигом проглатывал их остатки.

За такими, как я, зорко следила нянечка – Леликова. Она старалась первой взять со стола остатки и дать своему сыну Славке.

Зима 1945-1946 гг. выдалась суровой. Продолжительные бураны, заносившие наши дома по крыши, сменялись лютыми морозами. Но несмотря на это я, как всегда, первым вставал, самостоятельно одевался и бежал в детский сад. В такие дни, как мне помнится, у входа встречала нас директор. Немолодая женщина невысокого роста, светло-русая.

Вот и я захожу в садик. Она сразу обратила внимание на мои уши – всё в порядке, а затем на руки. Заохала: «Разве так можно? Ну почему ты без рукавиц?». – «А у меня их нет», – ответил я. Действительно, у меня рукавиц не было. Ходил я, спрятав кисти в рукава: левую – в правый рукав, а правую кисть – в левый.

В такие ненастные дни некоторые родители не приводили своих детей в детский сад. Нас, голодных, это радовало, т.к. порции хоть чуть-чуть увеличивались. И мы были довольны.

На следующий день так же, как и всегда, при входе меня встретила директор и, осмотрев, вручила мне две кожаные рукавицы и сразу велела примерить их. Как тепло было в них! Рукавицы оказались коротковатыми, и директор посетовала, сказав, что не хватило овчинки. Сама сшила. Хотя я и был нищим шалопаем, но от всей души сказал ей: «Большое спасибо!». Она чуть не разрыдалась от этого.

Дома я показал подарок матери и попросил её что-нибудь пришить к ним. Она пообещала, но всё ограничилось только тем, что она пришила к ним верёвочку и пропустила рукавицы через рукава. «Будет надёжнее, не потеряются».

Эта зима мне запомнилась ещё и тем, что я часто болел: свинка, золотуха, простуда, а потому иногда не посещал садик. Однако за несколько дней до встречи Нового года (а меня в эти дни как раз одолела золотуха) мать отправила меня в детский сад.

– Тебе надо пойти. Там ведь будут давать новогодние подарки, – подзадоривала она меня. Конечно же, я отказаться не мог, хотя на голове и в большой степени на макушке были незажившие болячки. Они постоянно вызывали зуд.

В садике почему-то воспитательница встретила меня с какой-то радостью. Такое было впервые, и я даже опешил. Дело было в том, что она с ребятами нашей группы готовила сценку, где дети, одевшись в костюмчики или маски различных зверушек, встречают Новый год в лесу. Играют в ожидании Деда Мороза. Одним из шустрых зверьков должен был быть заяц. Роль без слов, и потому родители старались обговаривать с воспитателем, чтобы их ребёнку досталась значительная роль. Даже обещали сами приготовить ребёнку нужный костюм. Отказывались от зайца. А мне какая разница? И воспитательница это понимала и на это рассчитывала. Во время репетиции мне на голову надели тряпичную шапчонку с длинными ушами. Я должен был бегать, прыгать и кувыркаться вокруг ёлки. Мне это очень понравилось, особенно кувырки. Я был тощий, гибкий, кувырки через голову мне легко удавались. И никто из присутствующих не мог понять или догадаться, что кувырки через голову я выполнял сугубо в личных интересах: макушка чесалась, и я при кувырке упирался головой об пол именно этим местом, от этого испытывал какое-то облегчение.

Это была моя первая игровая роль – роль Зайца. Оказывается, я и по гороскопу Заяц.

Болезнь, периодическое отсутствие в детском саде как-то охладили нашу дружбу с Тamarой. Возможно, её от меня оттолкнули болячки на лице и голове. Но ведь это всё проходит и прошло, а вот детская дружба прервалась навсегда.

А неприятные приключения продолжали преследовать меня.

Как-то раз получилось так, что мы с Леликовым Славой оказались за одним обеденным столом. За отсутствием свободных мест две девочки из зажиточных семей вынуждены были сесть за наш стол. Предобеденные активные занятия и прогулка на улице, очевидно, повлияли на аппетит девчат. Они, как и мы, не перебирая еду, быстро ушлепи и первое, и второе. Мы со Славой переглянулись. Это было для нас неожиданностью, и мы поняли, что обед пройдёт без добавки. Но... «Голь на выдумки хитра». Только девочки принялись пить компот, как Слава, скорчив рожу и вытянув тонкую шею, глядя в стакан с компотом девчонки, заявил: «Фу, какая гадость, в компоте червяк». Девочки брезгливо резко отодвинули от себя стаканы, чуть не опрокинув их, с визгом вскочили и убежали из-за стола. Слава допил свой компот и принялся за второй со словами: «Витёк, пей, нет там никаких червей». И тоже допил второй стакан компота.

Через некоторое время объявили тихий час, и мы разбрелись к своим кроваткам ко сну. По-видимому, от лишней дозы выпитого компота меня потянуло по-маленькому. Я побежал в туалет. В сторонке для малышей стояли горшки. Ну а мы уже как представители старшей группы горшками не пользовались, а подходили к круглым дыркам в полу, откуда обычно тянуло неприятным запахом. Однако в туалете мой нос почуял что-то жареное, даже вкуснее, чем запахи из кухни. Я огляделся и на подоконнике увидел маленький комочек белой бумаги. Еле дотянувшись, я взял его. Именно оттуда и доносился этот вкусный запах. Развернув, я обнаружил, что в бумажку был завернут небольшой кусочек комбижира. Для пробы я

откусил чуть-чуть. Понравилось. Одним махом я проглотил его весь. И как ни в чём не бывало завалился досыпать тихий час.

И вы думаете, это осталось незамеченным, без каких-либо последствий?

Перед уходом домой в раздевалке ко мне подошёл Леликов и, швыряя сопливым носом, с улыбкой на лице и не выражая никакой агрессии сообщил, что его мать знает, кто сало съел.

Я оказался в опале. Мне это даром не прошло.

Летом нас вывозили в детский лагерь, который находился у озера Джасыбай.

Однажды в лагерь приехал фотограф. Первыми фотографировались воспитатели, нянечки со своими детьми, а затем решили сделать групповой снимок. Собрали всех и, окинув взглядом нас, измазанных, решили смыть с нас грязь, переодеть всех поголовно в чистые белые трусы. И мне выдали. Однако, только надев их, я обнаружил, что резинка в них порвана. Я с обидой обратился к воспитательнице, удерживая трусы рукой. Она успокоила меня, сказав: «Ничего страшного, подойди к нянечке, и она или трусики заменит, или другую резинку вденет». Я пошёл к нянечке. А это кто? Ну конечно же – Леликова. Она и слушать меня не стала. «Некогда мне, да и резинки нет. Иди, перебьёшься», – грубо отозвалась она на мою просьбу. Вот так, придерживая трусы, я ходил. А когда нас собрали для съёмки, рассадили, расставили, – я оказался крайним слева. Стою, как будто прячу своё худое тело. Зато хорошо видна левая рука, удерживающая безразмерные трусы.

Впереди меня стоит Валя Сеннова – дочь сводной сестры моей матери – тёти Таси. А ниже восседает Соболев Оля. Красивая, небольшого роста со светлыми выющимися волосами. Всегда весёлая, общительная. Она мне нравилась, но на меня – ноль внимания, как я ни старался. Это меня иногда злило, и я в её адрес говорил обидные словечки.

В лагере каких-то игровых площадок для детей не было. Каждый занимался сам себе.

Летняя пора подходила к завершению, а вместе с ней и наше детсадовское беззаботное время. У воспитателей появились новые дополнительные заботы в программе подготовки нас к школе.

Здания детского сада и школы находились рядом. Первого сентября нас строем в сопровождении директора детского сада, воспитателей и некоторых родителей отвели в школу. Развели по классам. Первых классов было три: «А», «Б» и «В». В «А» зачислили в основном детей местной элиты. Как я попал в эту группу – трудно представить. Возможно, потому, что я обладал хорошей памятью. Легко запоминал стишки и выразительно их читал. Всё это – заслуга моих старших брата и сестры. Нас рассадили по партам и представили нам нашу первую учительницу Светлану Петровну. Для нас она была самой красивой учительницей из всех.

Но я не оправдал доверия и проучился с этими ребятами всего два года. На третьем году меня перебросили в 3-й «В», где учились хоть и не глупые ребята, но хулиганистые или в основном из бедных семей. В этом классе я подружился с Володиём Савицким, Мишкой Кукуниным, Володиём

Курниковым. Во время перемены мы все вываливали в большой просторный коридор, где я чаще всего обращал внимание на девчат из 3-го «А» класса, с которыми много времени было проведено вместе. Сам виноват. Светлана Петровна сделала вывод, что такие, как я, тянут показатели класса назад. Ну, конечно, кому понравятся мои дурацкие выходки, подхваченные у старших ребят – несообразность, приход в школу то без книжки, то без нужной тетради, то без ручки. Помню: надо было писать диктант, а у меня нет ручки, вернее, ручка есть, а пера нет. И никто из ребят мне перо не даёт. Не знаю, откуда у меня появилась спичка. Я её заточил и, обмакивая в чернильницу, стал писать. На другой день обнаружил, что моя писанина перечёркнута красным карандашом, а внизу «жирный» «кол» с припиской: «Без родителей не приходи».

Подходил к завершению 1948 – третий послевоенный год. Посёлок жил, развивался во всех направлениях. На рудник поступало всё больше различной автомобильной техники: «Студебеккеры», «полуторки» и даже военные тягачи-танкетки. Люди работали, учились. Ходили в кино. На их лицах чаще стали появляться улыбки. В вечернее время столовая превращалась в ресторан, куда ходила не только молодёжь. Многие жители улучшили своё материальное положение, стали строить дома. Если прибывшие с Поволжья немцы почти сразу имели такую возможность, то чеченцы и ингуши получили её гораздо позже. Дело в том, что они прибывали в Майкаин почти без ничего: согнали с гор Кавказа, погрузили в «телятники», таких и привезли, выгрузили. Приспосабливайся кто как может. Получив разрешение и участок земли для строительства, чеченцы тут же выкапывали яму. Земля глинистая. Глину смешивали с соломой, навозом, из чего изготавливали саманы. Это у них получалось ловко, быстро. Через несколько дней тут же появлялись пирамиды саманов. Чеченцы всю эту работу выполняли дружно, быстро, но аккуратно. Одна группа месила глину и изготавливала саманы, другая – рыла канавы под фундамент и т.д. Вскоре появлялись стены, крыша. Строительный мусор сбрасывали в яму, откуда брали глину, и принимались за обустройство двора: сараев для содержания скота, ограждений для сеновалов. Внутри жилого дома полы, как и у большинства, были земляные. Кому-то удавалось раздобыть толь. Это было уже комфортом.

Наша семья в материальном отношении тоже почувствовала улучшение. Приобрела корову. Назвали её Зорькой. Приобретение было удачным. Зорька давала много и хорошего качества молока. Но и забот в связи с этим у нас прибавилось. Особенно это испытали Геннадий и Галина. Вся работа по уходу за коровой: чистка стойла, кормление, дойка легла на их плечи. И мне кое-что доставалось: вечером встретить Зорьку с пастбища, отнести молоко на сепаратор – иногда доверяли взбивать из сливок масло. Казалось бы, наличие коровы, которая давала много молока, должно было немного улучшить наше питание, но я этого не помню. Мне больше запомнилось блюдо, приготовленное Геннадием: мелкая картошка в мундире, кусок ржаного хлеба, в блюде растительное масло с солью.

Продолжение в следующем номере.

Владимир ИКОННИКОВ

Витька, Лайма и Филя

Советский Союз уже развалился. В забытой властями деревушке, недалеко от впадения речки Малоубинки в реку Убу, продолжали жить люди. А куда деваться? Ещё были в ходу советские рубли, но в магазинах было пусто. Не имелось даже сигарет. Мужики курили табак-самосад, как когда-то в старину «табашники»-иноверцы. Работы нет, поля заброшены, лесопилка стоит разграбленная. Молочно-товарную ферму вместе с коровами власти продали за бесценок «своему» человеку. Этот «хозяин» сдал коров на мясокомбинат, ферму на слом пустил, а металлолом в Китай продал. Больше его никто не видел. Некоторые сельчане заколотили свои дома и в Усть-Каменогорск перебрались. А Витька с женой Галкой остались, остались, как и немногие другие. Витьке скоро уже пятьдесят стукнет, двоих детей они с Галкой успели на ноги поднять, и те обосновались в городе. А сами решили своим хозяйством жить: огород, кое-какая скотинка, куры. Ну и потом, Витька же заядлый рыбак и охотник. Лес – вот он, под боком, тайга. А лес для Витьки – дом родной.

Вот и на этот раз он собирался одно дельце, ещё в ноябре задуманное, сделать. Вокруг него, радостно повизгивая, крутилась голубоглазая лайка Лайма. У Витьки было две собаки – Лайма и Филя. С Филей у него история особая. Ездил он как-то на своём стареньком «Москвиче» по степным озерам на пробную рыбалку, можно сказать, на разведку – далеко всё-таки. Улов был неплохим, и он домой уже направлялся, да решил возле живописной речушки остановиться и перекусить. Май месяц, цветы вокруг цветут, речка рядом журчит и красота кругом неопишуемая. Вдруг почудилось, что плачет кто-то выше по речке. Пошёл посмотреть, глядь, и правда, слепой ещё щенок посреди речки уцепился за кочку и голосит из последних силёнок. Зашёл Витька в воду и спас животинку от гибели неминуемой. Наверное, где-то выше по течению, между сопок, была ферма. Вот казахи-чабаны и выбросили лишних щенят в речку – обычное дело. Есть у казахов порода крупных собак, и Витька решил взять его домой. Завернул щенка в старый свитер, положил на сиденье рядом и через несколько часов они уже были дома. Щенок оказался кобельком. Кормили его поначалу молоком из соски, а потом он стал так уплетать всякую еду, что рос не по дням, а по часам. Ребятишки-племянники, приезжавшие в гости, сразу же прозвали его Филей. Чёрной масти, с белой полоской на лбу, белым брюхом и белыми в крапинку лапками, ну красавец, да и только. Довольно быстро Филя превратился в Филимона, в огромного пса ростом чуть ли не по пояс Витьке. Когда Витька возвращался с очередной рыбалки, Филимон радостно бросался к нему, клал лапы на плечи и, в невыразимом восторге, одним махом облизывал ему всё лицо.

– Вот бы Галка меня так встречала, – улыбаясь, говорил Витька.

– Ага, щ-щас вот кинусь твою шершавую рожу облизывать, – смеялась Галка, – провонял весь рыбой, чисть её сам, я на неё уже смотреть не могу.

Однако рыба была важной статьёй дохода, и по пути домой Витька сбывал её по сходной цене в Быструхе, в Верх-Убе или других деревнях своим постоянным покупателям. Для дома оставлял только несколько крупных рыбин на уху или жарёху.

Свою безграничную любовь Филимон проявлял только и только к Витьке. Никого не признавал, кроме него. Чужих людей причислял к врагам и был опасен в своей злобности. Пришлось посадить его на цепь, от греха подальше. Даже Галка его опасалась и миску с едой ему подсовывала на безопасном для себя расстоянии. В те разрушительные времена скот воровали, и на ночь Филимона пускали бегать по проволоке. Вот тут он был на своём месте и сторожем был надёжным, что и говорить.

Собирается, значит, Витька в лес, а Филимон места себе не находит, скулит, с ним просится.

Удивляется Витька:

– Ты чего, Филимон? От весны башка закружилась? Нельзя тебе с нами.

Он никогда не брал его на охоту, потому что в лесу от него одна морока. Всё зверьё его за версту видит, слышит и разбегается в разные стороны. Лайма – та зря никогда не твякнет, а если белку, а то, глядишь, и соболька зимой заметит, то на дерево загонит и не даст уйти, лаем призывая хозяина на помощь. Вообще-то Филимон никогда и не просился с Витькой, сидел важно на своём посту, честно отработывая свою миску еды. А тут, видимо, действительно весна голову вскружила, начало апреля уж на дворе.

Закинул Витька двустулку за плечо, на другое плечо моток тонкого троса – и пошли. Уже за околицей услышал тоскливый вой Филимона. У Витьки по спине холодок пробежал, даже остановился.

– Да язви ж его! Никогда не выл, уж не заболел ли? Вперёд, Лайма! Некогда нам, поспешать надо.

А спешил Витька по следующему делу. За сопками, в распадке под снегом лежали останки лося. Прошлой осенью в ноябре, уже по глубокому снегу, с мужиками подстрелили они лося. Тушу разделали и по частям перетащили домой. Остались шкура, требуха всякая да копыта. Всё это зарыли глубоко в снег и хорошо притоптали. Ещё тогда у Витьки созрел план использовать весной эти останки для приманки медведя. Вот и шёл он в тот распадок, чтобы поставить петлю в удобном месте и перетащить туда эту приманку. Витька хорошо знал, что медведи ещё в берлогах, но скоро должны выходить.

Путь не близкий, напрямик километров шесть, но по сопкам и логом вдвое будет. Когда этого лося домой перетаскивали, то увязался с ними сын одного из мужиков, в гостях был. Он в Новосибирске учится в институте, спортсмен, биатлоном занимается, разрядник. Когда рано утречком туда шли, то он впереди по лыжне бежал, забежит далеко вперёд, подождёт мужиков и снова красивым таким ходом вперёд уходит. Потом пришли, порубили со вчерашнего дня освежёванную, подмёрзшую тушу, разложили всем по рюкзакам. Килограмм по 50 на человека пришлось, не меньше. Попили чайку – и в обратный путь, а солнце уже к вечеру пошло. Этому парню положили поменьше, хоть он и хорохорился и просил не делать скидки. Мужики знали, что делали. Когда с таким грузом идёшь в гору, тебя рюкзак тянет назад, а если под гору, то наоборот вперёд толкает и очень не просто держать равновесие и идти на лыжах. Мужики на своих широких лыжах, подбитых камусом (шкурой с голеней лося), шли да шли размеренным шагом. Биатлонисту же пришлось очень туго, он часто падал и на половине пути свалился окончательно и встать уже не смог. Пришлось рюкзак с него снять и поделить груз на всех оставшихся. К концу пути, уже в темноте, этого парня пришлось чуть ли не на себе тащить. Не просто зимой по горам ходить, привычка нужна.

Но сейчас идти легко, солнце пригревает, и на южных склонах снег уже почти сошёл. Лайма то забежит вперёд, мелькая лихо закрученным хвостом, то отстанет, рыская по кустам. Витька вспомнил одну из своих медвежьих историй. Это было ещё в советское время. Приходят к нему мужики в конце лета с просьбой.

– Витёк, друг сердешный, выручай.

– А в чём дело?

– Да ты ж в курсе, медведь уже вторую корову задрал, одну колхозную, а одну из нашего стада. Надо его, ну... того.

– Да вы чего, мужики, мне ж за того медведя потом не рассчитаться. Я не профессионал и права не имею, даже если бы и разрешили.

– Так мы что, разве не понимаем? Значит те, которые у власти, могут с вертолётки лосей валить? Да? А нам, чтоб своих коровёнок защитить, нужно и акты там всякие составить, заявление в милицию подать, комиссии там разные, разрешение охотсоюза на отстрел получить и т.д. и т.п. После чего жди охотников. А они найдут его или нет, неизвестно. Пока дождётся, этот зверюга уже будет в берлоге лапу сосать, задрав ещё пару коров. Так, что ли?

– Не надо бы коров гонять в те места.

– Так распахан же всё кругом, и потравили уже всё, только там выпас и остался. Витя, а ведь и твоя коровка в том стаде ходит. А?

Короче, уговорили, да и не впервой такая картина разыгрывается. Медведь то корову задерёт, то на пасеку повадится ульи разорять. И всегда конец один – сами всё решали, от властей ничего не дождётся. Нашёл Витька, где тот медведь ходит, и в узком месте установил петлю из тонкого троса. Долго ждать не пришлось, через несколько дней рано утром прибежали с лесопилки Андрюха с Амантаем.

– Слышь, Витёк, там, кажись, за гривой медведь ревет. Утром-то тихо, слышно его. Тот самый, наверно.

– А ты, Андрюха, пойдёшь со мной?

– Ясное дело.

– Вдвоём пойдём.

Тут Амантай взмолился.

– Мужики, возьмите меня. Я ни разу медведя не видел. Помогать буду, что скажете, всё делать буду.

– Ладно, уговорил, только не путаться под ногами.

Витька быстренько собрался, схватил ружьё и быстрым ходом отправились они в путь. Приходят на место. Да, сидит зверь и довольно крупный, затянул петлю на себе, а освободиться ума не хватает. Медведь их увидал, попятился, трос натянул в противоположную сторону и замер, уставившись на них яростным взглядом. Мелькнуло у Витьки в голове, что длинноват трос получился от медведя до берёзы, за которую конец был привязан, но ближе к тропе дерева не было. Махнул мужикам, чтобы в сторону отошли, прицелился медведю в голову и выстрелил. Тот рывкнул и бросился вперёд, как из катапульты. Трос лопнул, как струна, не выдержав силы инерции могучего тела. Кувыркнувшись через голову, медведь, пролетая мимо, зацепил боком плечо Витьки. Ружьё вылетело из рук, а сам он с ног долой. Все бросились врассыпную. Бежит Витька и обожгло его: «Я ж людей взял с собой и бросил!». Кинулся назад, видит, Амантай проворно лезет вверх уже по вершине берёзы и не может остановиться, но берёза неожиданно закончилась, и он сверзился на землю прямо медведю в лапы. Витька

схватил ружьё и к медведю. А тот подмял под себя Амантая и ему голову грызёт. Ужас! Витька ствол ружья в бок медведю, стреляет – осечка. Ещё раз – снова осечка. Тут медведь сорвался с места и с рёвом скрылся в зарослях. Андрюха подбежал. Бросились они к Амантаю. Мать ты моя! Вся голова и грудь в крови, орёт благим матом. Разобрались, – оказывается, на нём больше медвежьей крови. Пуля разбила медведю челюсть и не смог он грызть клыками, повезло Амантаю. Но грудь он ему когтями разодрал здорово и рёбра поломал. Осмотрел Витька ружьё и понял, что он пытался стрелять из того же ствола, из которого уже выстрелил. Адреналин напрочь ум отшиб. Сюда бы, на это место, всех тех придурков из телевизора, так желающих адреналина!

Ну и дела! Пришлось вместо медведя Амантая домой тащить. Кое-как уладили в колхозе это дело, Амантаю тогда больничный лист выписали как за бытовую травму. Прошло несколько лет. Амантай давно перебрался в степное село к своим родичам. И вот однажды племянник Серёжка на мотоцикле приехал. Ржёт, заливается.

– Дядь Вить, я Амантая в Весёловке видел.

– Ну-ну?

– Он возле магазина с мужиками пиво пил, шрамы свои на груди всем показывал. Рассказывал, как он на медведя один с ножом ходил.

– Ну и кто победил? – Витькино лицо расплылось в улыбке.

– Спрашиваешь! Амантай, конечно. Ценою тяжких ран.

Посмеялись вдоволь – действительно насмешил.

«Странные люди, – подумал Витька, – сказал бы правду, наверное, больше уважения было бы. А так – враньё получается. Это смешно даже – с ножом, да на медведя. Наши деды ходили на медведя. Ходили с рогатиной, а нож на поясе был на последний случай. Медведь – зверь невероятной силы, с ним никогда не знаешь, чем дело может закончиться».

Тем временем они уже последний подъём перевалили, и остался бугор перед тем распадом. Витька кинул моток троса под сосну и дальше пошёл налегке. Поднялся на бугор и... встал как вкопанный.

Ё-моё! Внизу, метрах в 60-ти, раскопав снег, трудился над лосиными останками здоровенный чёрно-бурый медведь. Витька не успел и шагу назад сделать, как из-за спины выскочила Лайма и бросилась с лаем в сторону медведя. Того как пружиной подбросило, шерсть на загривке вздыбилась. Сразу же мощными прыжками он бросился к Витьке. Медведю эти 60 метров – ровно в шесть секунд одолеть. Лайма отскочила с его пути и тут же вцепилась ему в «штаны». Удар когтистой лапой – хвост и светлое брюхо Лаймы мелькнули в воздухе, и она с визгом исчезла за кустами. Витька вскинул ружьё – выстрел! Ещё! – никакой реакции. Слышны уже рывки и дыхание медведя. Витька выхватил ещё пару патронов, но в ствол попасть не может. Далее всё происходило как в замедленном кино. Уже совсем близко видел он жёсткий звериный взгляд, тусклый блеск огромных когтей, волны мышц под шкурой медведя. И вдруг, откуда-то сбоку, как чёрная торпеда, с обрывком цепи на ошейнике, вылетает Филимон и со страшным рёвом врзается оскаленной пастью прямо в бок медведю. Клубок из когтистых лап, оскаленных зубов, хвоста и обрывка цепи покатился вниз по склону. Потом из этого клубка вырвался медведь и бросился наутёк.

Витька без сил опустился на валежину, трясущимися руками достал табак с бумажкой, но скрутить сигарку так и не смог, пальцы не слушались. Собаки подбежали к нему, давай лицо лизать. Он обнял их и заплакал навзрыд, как мальчишка. А кого стесняться? Тут все свои. Он плачет, а Филя с Лаймой слёзы слизывают, он плачет, а они ему лицо умывают.

Потрясённый случившимся, он ещё с полчаса сидел на той коряге под тёплыми лучами весеннего солнца, курил крепкий самосад. Собаки раны свои зализывают, а он никак не может прийти в себя. Смерть только что была рядом, он уже ощущал её холод. Очень опасен медведь, когда кто-то покушается на его добычу, – бросается сразу. Вариантов здесь для себя он не видел – от медведя не убежишь, а на следующий выстрел времени уже не было. Если бы не Филимон, то ещё бы одни останки лежали в этом месте.

Шагают они домой уже втроём. Впереди, прихрамывая, бегут подранные медвежьими когтями собаки. Лайма припадает на левую лапу, а Филимон на правую.

«Как? Как это случилось? Выходит, что Филимон чувствовал, можно сказать, уже знал, что мне грозило! – размышлял на ходу Витька. – Уму непостижимо! Как это возможно? Он ведь не знал, куда я ушёл. И шёл не по следу, а напрямик пёр. Потому и вышел сбоку к месту. Да как успел-то?! Господи, за что ты мне помогаешь?! Ведь браконьер я. Вон по телевизору говорят, что таких в тюрьму сажать надо. Тем, у кого власть и деньги, можно всё, и они, конечно, не браконьеры. Они нас предали, отобрали всё и лишили всего, бросили на произвол судьбы сдыхать с голоду. Нет, «господа» хорошие, наши деды-прадеды в этой тайге не пропали, от царей ушедши, и мы не пропадём. Мы, в отличие от вас, «зверей алчных и пиявиц ненасытных», не наживаемся на этом, а берём ровно столько, чтобы прожить. Живём мы здесь, вот и все дела. И жить будем», – так думал он и о случившемся, и обо всём другом.

Придя домой, Витька закинул на чердак моток троса: «Всё, петли на медведя больше не ставлю, варварство это. Судьба уже открытым текстом говорит, что так нельзя – третьего раза не будет».

Жизнь пошла своим чередом. Филимон на своём посту, Лайма с Витькой на охоте и рыбалке пропадает. Галка хозяйство ведёт, за скотиной ходит, огород в порядке поддерживает; тут ещё жук колорадский на голову свалился – каждый день по миске собирает. Говорят, индюков надо завести – те их запросто склёвывают. Витька мечтает прудовое хозяйство завести, рыбу разводить. А пока каждый раз, уходя на охоту, поглядывает на Филимона:

– Ну что, Филь, как дела? Нет-нет, я петли на медведя больше не ставлю, что вы, что вы, Филимон Алгабасович!

Он нашёл его на речке у села Алгабас.

г. Усть-Каменогорск.

Июлай МАСАЛИН

Строптивая и Чудовище

Повесть

(Окончание. Начало в № 3 за 2013 г.)

Глава четвёртая

Чудовище быстро шагал вдоль обочины автотрассы, тянущейся извилистой лентой от Пригородного посёлка в сторону темнеющих сопок. Он не обращал внимания на автомашины, проезжающие мимо него в опасной близости. Сигналя оглушительно, они резко виляли и шарахались от него в сторону на большой скорости. В душе Чудовища всё ещё не остыл гнев, а перед глазами стояло самодовольное лицо отца, с энтузиазмом взявшегося за старое, не выполнив своё обещание. Не зная сам куда держит путь, Чудовище уходил всё дальше без оглядки в неизвестном направлении по зову своей страдающей души подсознательно туда, где далёкие покатые холмы на фоне свинцово-чёрного неба будто скрывали от него единственный во всём мире кусок земли, где он обретёт душевный покой. На ходу он о чём-то беспрестанно шептал. Над его головой постепенно сгущались зловещие грозовые тучи. Внезапно подул сильный ветер с запахом дождя. Мимо него пронёсся столб вихря, а следом низко над землёй торопливо неслись стаи встревоженных птиц. Начали падать капли дождя. Нарастая в интенсивности, дождь быстро перешёл в настоящий ливень. Чудовищу стало страшно, когда всё вокруг стремительно темнело. Одновременно раздавались раскаты грома, сопровождаемые вспышками молний. Чудовище зажал уши, не желая слышать душераздирающие громовые раскаты, будто грозящие ветхозаветной карой для вразумления грешников. И как только подумал о том, что за грехи отца он оказался всевидящим оком Бога, вдруг грянул гром невероятной громкости. Следом за ним вспыхнула молния, озаряя окрестность ослепительным светом. Упав без чувств на асфальт, Чудовище оставался лежать там под проливным дождём.

Он очнулся в реанимационном отделении больницы с мучительной жаждой, сухостью во рту и изнывающим от боли лицом. Под толстым слоем бинта дышалось с большим трудом. Как только он открыл глаза, стоявший рядом дежурный врач обрадовался так сильно, словно свидетельствуя воскрешение человека из мёртвых.

– Вы родились в рубашке. Самое главное – вы не ослепли, а отделались лишь ожогом кожи половины лица после удара разряда молнии по касательной, – сказал врач.

Чудовище попытался благодарить врача, но не мог пошевелить даже губами. Сильная боль мешала ему двигать любой частью тела.

Его выписали из больницы с медленно заживающим от ожога изуродованным лицом, постоянным гулом в ушах и неослабевающим непонятным душевным гнётом. Посмотрев в зеркало в коридоре больничного корпуса, Чудовище сильно удивился, будто созерцая там отражение чужого

человека. Помимо ожога на лице появились глубокие бороздки морщин, а в глаза резко бросались полностью поседевшие за короткое время волосы.

Побродив вокруг Пригородного посёлка, на значительном расстоянии от него Чудовище разыскал небольшую самоходную баржу, пришвартованную к набережной реки, и там обосновался. В бывшем жилом отсеке баржи поставил «буржуйку» для приготовления еды. Владелец баржи спокойно отреагировал на подобную выходку самопоселенца, видя в нём сторожа, не требующего компенсации за свои услуги.

После выхода из больницы ему плохо спалось ночами. Одновременно он страдал от постоянной головной боли. Неоднократно просыпаясь в темноте, Чудовище пытался вспомнить те приснившиеся ему непонятные бессодержательные видения. Станные сонные чувства толкованию не поддавались. Однажды проснувшись посреди ночи, он вдруг понял, что ему мешают спать странные звуки. Когда прислушался внимательно, затаив дыхание, звуки как будто раздавались изнутри, подобно стукам сердца. Но в следующий момент, несколько усиливаясь в громкости, те же звуки ему уже казались глухими отдалёнными загробными голосами.

Утром он проснулся, повинуясь желанию своего тела, тоскующего по физическим нагрузкам. Позавтракав в спешке, Чудовище побежал в сторону Пригородного посёлка. Постепенно его тело наполнялось неопишуемой мышечной радостью. Он долго бродил по рынку в глубоко надвинутой на глаза широкополой соломенной шляпе, защищающей его от взглядов посторонних сбоку.

После полудня он купил куриное филе прямо из морозильника. Покупку положил в тряпичную сумочку. Стояла жара невыносимая. Один за другим к нему подходили два подростка за получением бонуса за отказ от курения. И получив от Чудовища три рубля каждый, они его благодарили от всей души.

Покидая рынок, вдруг за спиной Чудовище почувствовал что-то неладное. Обернувшись, он увидел маленькую девочку, лежавшую на асфальте без головного убора. Рядом с ней беспомощно суетилась рыдающая мать. Вокруг них образовалась толпа. Кто-то вызвал «скорую помощь» по мобильному телефону. Девочка получила солнечный удар, подумал Чудовище. Подойдя поближе, он приставил свою тряпичную сумку сомнительной чистоты к сонной артерии девочки, одновременно приподнимая её ноги выше уровня головы и навевая прохладу на детское лицо взмахами своей шляпы. «Мужчина, что вы делаете?!» – возмущённо закричал кто-то на него из толпы. А девочка, в скором времени придя в себя, встала на ноги. Чудовище быстро удалился с места происшествия, не поделившись ни с кем простым секретом чудотворного воздействия холода на жертву солнечного удара. Вслед за уходящим незнакомцем раздавались голоса: «Невероятно! А что такого он сделал с ребёнком? Кто он такой, однако? Что за таинственный доброжелатель, больше похожий на ветеринара из конюшни, чем на врача? Какой неопрятный у него вид! Каким образом изуродовано его лицо? Либо он – Чудотворец, либо он – Чудовище с белоснежными волосами».

Впервые после выхода из больницы в душе Чудовища воцарился несказанный покой. На время его покинуло непонятное чувство тревоги. Однако ближе к вечеру во время очередной прогулки по городу в его ушах

снова возник шум. Когда прислушался, будто загадочный загробный голос умолял его закрыть глаза. Остановившись, Чудовище зажмурил глаза против солнечного света. Следом в тускло-розовом фоне увидел тёмный силуэт женщины в туманном пространстве. Он спросил себя мысленно: «Кто она?». Воображаемая женщина, сидевшая к нему боком, обхватив голову руками, не показывала своего поглощённого тьмой лица. Стоя с закрытыми глазами, вдруг Чудовище дико закричал самым невероятным образом: «Мама! Это вы ко мне явились? Мама! Отзовитесь хотя бы раз! Я всегда любил вас больше чем отца, но до сих пор ничего не сделал ради своей любви! Душа моя мучается в путанице противоречий. Пусть такая невозможность будет возможной – прервите молчание! Я вовеки воплотил ваш образ в своём сердце, и почему же вам не вернуться к живому воплощению?!».

Ответа не последовало. В памяти он перебирал одну за другой различные фотографии матери из семейного альбома. Но оттого ли, что он не помнил даже смутного облика живой матери, все они отвергались призраком и не принимались в качестве его лица. И вдруг Чудовище подумал, что его покойная мать нуждается в общении с сыном и его поддержке. И тогда Чудовище мысленно спросил: «Мать, что я могу для вас сделать?». В ответ на него внезапно нахлынул поток несвязных мыслей и непонятных ощущений. И только через считанные секунды в его голову неожиданно пришла идея извне, словно по чьей-то подсказке. От неожиданности Чудовище невольно слегка приоткрыл глаза, но когда зажмурил их снова, в туманном узоре он больше ничего не увидел. В это мгновение он заплакал от какой-то неизъяснимой и невыразимой радости.

Чудовище побежал в сторону заброшенной стройки, находившейся неподалёку от автотрассы. Добежав до бетонного ограждения вокруг строительного участка, он начал рисовать куском угля прямо на стене забора. Примерно через час по памяти он нарисовал фигуру женщины, не так давно таинственным образом возникшую перед его взором. Он нарисовал её такой, какой она явилась ему – сидевшую к нему боком, обхватив голову руками, не показывая своего поглощённого полутьмой лица. Особо тонкие оттенки Чудовище придавал картине мазками перетёртого зубами тонкого края угля, сильно увлажнённого во рту таким образом. Закончив картину, он написал под ней название – «Меланхолия» и имя Альбрехта Дюрера. Затем снова и снова рисовал этот же рисунок, но уже на поверхностях других бетонных блоков. Время от времени останавливались машины, проезжавшие мимо по автотрассе. Выходившие из машин люди близко подходили к самозабвенно работающему рисовальщику с лицом, обмазанным угольной сажей. Один из любопытствующих, постояв рядом с Чудовищем довольно долго, вдруг покрутил указательным пальцем у своего правого виска, затем поспешно сел в машину и уехал.

Чудовище перестал рисовать только с наступлением темноты.

В течение всей последующей недели он рисовал на стенах и ровных поверхностях различных сооружений.

Однажды, когда с трудом проснулся после восхода солнца, на него хлынули воспоминания о судебных процессах прошедших лет. Он вспоминал их в мельчайших подробностях – как протекало то или иное заседание

с его участием, суровые взгляды судей, озадаченные лица родственников обвиняемых и реакция присутствующих в зале на аргументы защиты. Из тайника памяти высыпались и снова зазвучали в ушах речь обвинителя и его собственные слова, которые теперь ему казались несовершенными, неубедительными, чрезмерно вязкими и неотшлифованными. И, под гнётом вины за недосказанность, переживая заново события многолетней давности, Чудовище произносил уже другую речь в защиту воображаемого конкретного обвиняемого задним числом. И тогда, лёжа на топчане и закутавшись в плед, Чудовище впервые задумался о том, что после удара молнии он стал совершенно другим человеком, безвозвратно потерявшим свою привычную идентичность как личность.

Во время прогулки по набережной он собирал мусор, оставленный повсюду нерадивыми отдыхающими. Однако, несмотря на это, его продолжало стеснять собственное тело, ненасытно жаждущее физических нагрузок, и он удовлетворял такое желание прогулками в более быстром темпе. Одновременно его нещадно терзали непонятные и бессвязные назойливые мысли. Почувствовав себя бесконечно несчастным, он задался вопросом: «Как мне выйти из этой чрезвычайной ситуации, вытаскивающей из меня нечто такое, чего во мне на самом деле нет?».

Вдруг он вспомнил, как однажды в детстве серьёзно увлёкся хождением по канату не для развлечения, а пылая страстью к неизведанным прежде ощущениям. Тут же вернувшись к барже, Чудовище немедленно принялся за сооружение канатного хода.

Первым делом соорудил из длинных жердей две треноги, примерно на расстоянии в двадцати метрах друг от друга. Через них перекинул канат, одним концом намотанный на барабан ручной лебёдки, находившейся на палубе баржи. Другой конец верёвки, свисающей вниз с верхушки более удалённой от баржи треноги, привязал к стволу ближайшего дерева. Поворачивая рукоятку лебёдки, Чудовище туго натянул канат и следом по лестнице забрался на верхушку треноги. Выпрямившись, он долго боролся с внутренним сопротивлением, стоя в неподвижности на высоте около двух с половиной метров над землёй, прежде чем наступил на упругий канат без страховки, напоминая неуклюжего человека, приготовившегося к прыжку. И как только сделал пару несмелых шажков в волнении, неотрывно смотря себе под ноги, он непроизвольно выставил руки по сторонам и начал размахивать ими для равновесия. Навыки хождения по канату, приобретённые им в детстве, оказались безвозвратно утерянными.

Солёный пот постоянно заливал его глаза. Дрожащее тело покачивалось из стороны в сторону в поисках равновесия. Когда всё это не помогло, падая очередной раз, Чудовище судорожно ухватился руками и ногами за канат. Трусость и отказ от чрезмерного риска помогли ему избежать большой неприятности. Падение на острые камни, пусть даже с такой небольшой высоты, грозило ему в лучшем случае инвалидностью. Свисая вниз спиной, он перевёл дух. Затем, попятившись назад в таком же висячем положении, Чудовище вернулся к исходной точке и снова встал на ноги. Немного отдышавшись, с несгибаемым намерением он повторил попытку с дрожащими ногами, слегка согнутыми в коленях. И снова неудача. Стало ясно, что, не поборов страха внутри себя, он не сможет пройти по канату.

А страх никуда не исчезал, и он намеревался побороть его, приобретая необходимые навыки. И Чудовище продолжал предпринимать одну попытку за другой, став послушником своей нестигаемой воли.

Несколько часов спустя он впервые успешно преодолел менее половины дистанции. А когда попытался идти дальше, сорвался снова. Цепляясь ногами и руками за натянутый канат, пришлось вернуться в исходное положение. Далее успехи чередовались с неудачами. Каждый раз он твердил себе шёпотом: «Я ещё жив и непременно преодолею это расстояние».

Ближе к вечеру он впервые преодолел больше половины канатного хода. Душа постепенно наполнялась радостью, а голова словно пустела, поскольку он больше не мучился воспоминаниями о прошлом и перестал думать о причинах, создающих в ушах непонятный шум.

Только с наступлением поздних сумерек он достиг своей цели, пройдя от одной треноги до другой. Первая его мысль была о том, что он достиг такого совершенного равновесия, которого не было ни у кого из людей. Он даже мог ходить по канату с закрытыми глазами и был бесконечно счастлив как человек, нашедший бесценное сокровище, когда все его проблемы словно провалились под землю.

Действительно, на какое-то время он избавился от гнетущей власти прошлого времени, губившей его так же, как и тайная болезнь. Память его стала временно пустой от сюжетов пережитых сновидений, и он больше не тяготился неприятными воспоминаниями, потеряв связь с непонятным окружающим миром.

Однажды во время очередной прогулки его сердце сильно ёкнуло со сбоем и начало изнывать от боли. По мере удаления от того места в любом направлении боль несколько притуплялась, но как только возвращался назад к исходной точке, она снова усиливалась. В голову пришла мысль найти «источник» беспокойства. Постепенно он начал понимать, что «источник» находится недалеко, где-то в кустах вокруг него. А когда Чудовище пошёл в нужном направлении, его сердце забилося барабанным боем, а сам вздрагивал всем телом при каждом едва уловимом человеческим слухом шорохе листвы. Вскоре под шатровидным кустом он обнаружил в траве испуганную дворняжку. Она не стала на него лаять, а только жалобно поскулила. Взяв собачку в руки, он обнаружил колотую рану в её груди. «Она обессилена и умирает», – подумал Чудовище и помчался на приём к ветеринарному врачу вместе с собачкой.

Зашив рану дворняжки и обработав её жидким препаратом, ветврач прописал необходимые лекарства.

В последующие дни подобным же образом Чудовище подобрал несколько бродячих и покалеченных кошек и собак. Рядом с баржей из досок он соорудил две будки – отдельно для собак и кошек. И теперь для покупки корма для них Чудовище нуждался в деньгах больше чем когда-либо. Пришлось подрабатывать ночами, а в свободное от работы дневное время занимался дрессировкой кошек и собак после предварительной оценки способности каждой из них. В течение месяца Чудовище добился полного взаимопонимания с ними. На прогулке его четвероногие воспитанники творили чудеса. Каждое представление в их исполнении напоминало военный парад. Выстроившись в ряд и соблюдая чёткий интервал в ряду, собаки и кошки на ходу менялись местами по команде Чудовища. По очереди

каждое из животных зубами в воздухе хватало подброшенные вверх предметы. Слухи о творимых им чудесах распространились далеко за пределы Пригородного посёлка. Приезжали незнакомые люди полюбоваться необычным зрелищем, а некоторые из них даже изъявляли желание приобрести ту или иную кошку или собаку. Как правило, Чудовище не отказывал, думая о предстоящей зиме.

Однажды к нему из города приехал директор цирка. Наблюдая со стороны с большим интересом за трюками в исполнении собак и кошек, он обратился к их хозяину:

– Ваши «четвероногие артисты» меня чрезвычайно развлекли. За что вы их сильно любите?

– Прежде всего – за преданность. Между людьми и собаками может возникнуть удивительная связь. И тогда последние заботятся о нас больше, чем мы о них. А если взять кошек, то они являются весьма любопытными и талантливыми существами, выражающими свои эмоции с детской искренностью.

– Разве?! Каким образом?

– Они такие неповторимые, и у каждого из них свой индивидуальный язык телодвижения, а в них заложено много эмоциональной энергии. Когда понимают дрессировщика с благодарностью за заботу, они схватывают его желание на лету и делают всё потрясающе. В любой момент они меняют ритм пластичного движения. Ловкие прыжки создают впечатление невесомости. С годами их детская сущность никуда не исчезает. Всю жизнь они тянутся к новым ароматам, существующим в природе, и, обнаружив их, безмерно радуются. Некоторые люди невольно тянутся к ним, не видя большого различия между собственными телами и телесной сущностью таких милых животных. Если собаку называют собакой в известном всем нам ругательном смысле, то значит, что она попала не в те руки. Кошки и собаки напоминают человечеству, стремящемуся к своей высшей сущности, об утраченном смысле жизни в движении.

– Однако они были брошены на произвол судьбы своими бывшими бессердечными хозяевами?

– В большинстве случаев это так.

– Современные люди черствеют душой больше, чем прежде. Не так ли?

– Не совсем так. Человек был и остаётся таким, каким был, например, две тысячи лет назад. Меняется не сам человек, а его нравы, привычки, взгляды, его окружение и жизненные ценности. А всё началось давным-давно, как только художники начали рисовать невинные на первый взгляд пейзажи и ботанические натюрморты. Если говорить ближе к теме, то я вам скажу, что главная проблема заключается в том, что прогресс неизменно сопровождается изобретением человеком средств насилия над собой. В наше время собак и кошек заменяют «умные» безделушки, мобильные телефоны и другие средства коммуникации и развлечения. Сейчас людям нужно, чтобы всё постоянно двигалось вперёд. Поток всевозможных технических новинок не оставляет людям времени и желания предаваться обычным человеческим радостям. Современный «получеловек-полумеханизм» забывает, что можно быть счастливым только с кем-то.

– Я понял вашу главную мысль: «в жизни людей материальная составляющая превалирует в ущерб духовности». Но у меня к вам чисто житейский вопрос. Не желаете ли вы поработать в нашем цирке помощником главного дрессировщика животных? Думаю, что дуэтом с опытным дрессировщиком вы можете добиться многого, хотя с дрессировкой кошек даже у него пока получается не так уж хорошо.

Подумав о том, что цирк охотно посещают даже взрослые, чтобы на какое-то время стать детьми, Чудовище принял предложение.

Новая профессия осваивалась им с большим энтузиазмом. Вскоре после его прихода в цирк номера с дрессированными собаками и кошками воспринимались зрителями с восторгом. Даже на репетициях присутствовало много людей в надежде разгадать секреты дрессировщика-самородка. Однако никто из них так и не увидел ничего особенного в методах его работы. И однажды правильно рассудил директор цирка, выражая своё мнение: «Доброта и только доброта ему помогает договориться даже с такими неподдающимися дрессировке животными, какими являются кошки. А они, возможно, безошибочно улавливают особый запах доброты, исходящий от человека...».

В цирке успеху новичка чёрной завистью завидовал только один человек – главный дрессировщик с большим стажем работы и богатым опытом расправы с конкурентами, который одновременно являлся куратором Чудовища. Последний даже не подозревал о том, что его старший коллега замышляет что-то ужасное против него. Однажды главный дрессировщик привлёк в группу цирковых собак крайне агрессивную немецкую овчарку, скрывая от Чудовища тот факт, что хозяином собаки является он сам. И на первом же сеансе дрессировки овчарка мёртвой хваткой вцепилась в лицо Чудовища и оторвала правую часть его верхней губы.

Таким весьма печальным образом закончилась успешно начатая карьера Чудовища в качестве дрессировщика.

После выхода из больницы Чудовище вновь стал перебиваться случайными заработками. Но теперь стало намного труднее найти работу не только из-за изуродованного лица. Став особо чувствительным даже находясь в помещении, он мог слышать за окном почти безмолвный отголосок снегопада при тихой погоде без малейшего ветра. В тесном окружении незнакомых людей он безошибочно ощущал импульсы излучаемых ими добрых или злых чувств или намерений. В большинстве случаев его особенно угнетало присутствие рядом работников силовых структур. Прогуливаясь на улице, он ощущал назойливое внимание прохожих даже спиной. Созерцая изуродованное лицо Чудовища с вечным оскалом, люди шептались или восклицали мысленно: «Чудовище! Самое настоящее Чудовище!».

Когда Чудовище заговорил первый раз после полного заживления губной раны, он испугался собственного шепелявого голоса, звучавшего теперь совершенно невнятно. И при разговоре он был вынужден закрывать ладонью верхнюю губу для того, чтобы другие понимали его речь.

Он не мог пройти незаметно мимо людей, а его любой даже самый незначительный поступок теперь привлекал внимание других больше чем прежде.

Однажды узнав о том, что его сокурсник по университету хочет избавиться от врождённого косоглазия путём оперативного вмешательства, Чудовище навестил его и посоветовал ему отказаться от своего плана. Однако тот не внял его совету. Хотя операция прошла успешно, через год сокурсник Чудовища неожиданно умер от скоротечной онкологической болезни. И однажды на улице мать покойного сокурсника остановила Чудовища и спросила его с ненавистью в глазах:

– Это ты напустил порчу на моего сына?

– Нет. Я никогда в жизни не желал никому зла и не совершал ни одного дурного поступка.

– А почему ты советовал ему отказаться от операции? Неужели ты притягиваешь неприятности к людям, с которыми общаешься?

– Проблема не в этом. Каждый должен следовать своему предназначению. Отклонение человека от своего определённого природой предназначения наказывается болезнями, в том числе и смертельными.

Глава пятая

Отцу Чудовища шёл девяносто первый год. По-прежнему он коротал время, засиживаясь допоздна в офисе и делая вид, что работает усердно. Но на самом деле для него давно наступил необратимый деловой кризис, как только начал отмирать криминальный бизнес. Уже давно никто к нему не обращался за профессиональными советами, и всё реже раздавались телефонные звонки в офисе, где кроме него никто больше не находился. В минуты угнетающего безделья в одиночестве он часто думал о своём сыне и его злоключениях, не предпринимая ни малейшей попытки для примирения с ним. Иногда тайком наблюдая за сыном со стороны, отец беззвучно плакал с болью в сердце, безутешно переживая за судьбу постаревшего до неузнаваемости неудачливого сына с изуродованным лицом. В глубине души отец верил, что сбившийся с жизненного пути сын непременно вернётся домой с покаянием, как только хлебнёт горя сполна. Однако время проходило, а блудный сын домой не возвращался.

Однажды около полудня отца Чудовища, заснувшего за рабочим столом, разбудил телефонный звонок. Звонивший сообщил ему о том, что его сын стоит на центральной городской площади у памятника Ленину, демонстрируя неадекватное поведение, возможно – в состоянии сильного алкогольного опьянения.

Отец заметил издали сына, стоявшего к нему спиной и лицом к памятнику на расстоянии примерно в десяти шагах от него. На первый взгляд сын произносил звучный монолог, но временами переставал говорить, словно желая внимательно выслушать своего воображаемого несговорчивого оппонента. Видя, что сын явно разговаривает сам с собой, но не желая верить своим глазам, отец попытался утешиться мыслью о том, что тот спит стоя и видит сны. Подойдя к нему вплотную, отец ладонью похлопал сына по плечу. Сильно вздрогнув, Чудовище уставился на человека, подкрававшегося к нему сзади, прежде чем узнал в нём своего отца, смотревшего на него сострадающим взглядом.

– Отец! Это вы?

– Да, это я – твой многострадальный несчастный отец. А что ты здесь делаешь?

– Я? Я попытался разговаривать с Лениным...

– Ты шутишь? А мне не до шуток и не смешно. Смешно только толпе людей вокруг нас, которых ты развлекаешь бесплатно. Неудачливый менеджер умер ещё в 1924 году. С тех пор много воды утекло, – сказал отец с тоской в недоумевающих глазах.

– Я только попытался разговаривать с Лениным, но безуспешно, хотя мне удавалось воспринимать отдельные искорки его мыслей. В целом он никак не отреагировал на мои слова и мысли, обращённые к нему.

– Перестань говорить всякую чушь! С какой целью ты оказался здесь? Когда был советским пионером, ты не посещал Мавзолея Ленина, а теперь решил исправить ошибку. Не так ли?

Не дождавшись ответа, отец за руку потащил сына к психиатрической клинике.

Через два часа Чудовище вышел из кабинета психиатра. И тогда старый человек решил сам поговорить с психиатром наедине.

– Доктор! Скажите мне, что происходит с моим сыном? – спросил он дрожащим голосом.

– Ничего особенного и странного в его поведении я не установил. Однако магнитно-резонансная томография обнаружила в мозгу пациента некие фоновые аномалии. Разумеется, удар молнии не мог пройти бесследно. Нарциссизм самовлюблённого павлина? Нет, не тот случай. Мания совершенства? Вполне возможно. Нужно за ним понаблюдать для подтверждения диагноза.

– Чем можно объяснить его тягу к рисованию непонятных картин, подписываясь именем Дюрера? Если бы он, человек неустроенный и временами голодающий, рисовал различные фрукты и вкусные блюда в форме натюрмортов, я бы не стал задавать этот вопрос.

– Позвольте мне объяснить. Как известно, искусство только задаёт вопросы, но не отвечает на них. Кроме того, как вы сказали, в основном он рисует одну и ту же картину с названием «Меланхолия». Я видел её, но ставлю под сомнение авторство Дюрера. Просто картина нарисована в стиле великого художника-графика, подражая ему. Там изображена женщина меланхолического вида, страдающая вне пространства и времени, сквозь дрёму, сидя в обстановке, где аллегория тесно переплетена с реальностью. Мягкие волнистые линии создают ощущение душевного смятения, а необычные и словесно неопишуемые штрихи олицетворяют пустоту и тишину. Возможно, ваш сын, до сих пор неженатый и немолодой мужчина, жаждет найти свою вторую половинку в оцепенелом иступлении любовной муки. Я вам советую поскорее устроить его личную жизнь. А «Меланхолия» может оказаться именем, которым, возможно, назовут нашу планету в будущем, если только сильно обесценится значимость гармонии во взаимоотношениях противоположных полов. Одно только присутствие рядом женщины кардинально меняет жизнь мужчины к лучшему и способствует ослаблению эротического напряжения в его душе.

– А как понимать признание моего сына, что якобы он пытается вступить в разговор или мысленный контакт с духом покойника, стоя у памятника, установленного ему?

– И в таком признании я не вижу ничего особенного. Не паникуйте. В меру своих скромных возможностей я постараюсь вам ответить. Во-первых, медитация – это таинственный момент вне времени, когда человек вспоминает давно забытую, но когда-то известную ему информацию, и затем он дополняет её содержание, интерпретируя по-своему. Во-вторых, каждому человеку позволены любые фантазии, и он может идентифицировать себя с кем угодно. А человек со слегка нарушенной психикой и терпящий одну за другой жизненные неудачи при медитации может внушить себе, что он, обладая сверхъестественными возможностями, может выступить в качестве медиума, хотя такое занятие крайне опасно для его здоровья.

Отец попросил сына побыть с ним хотя бы в течение нескольких дней.

Через неделю в вечернее время отец вернулся домой в отличнейшем настроении с фотографией миловидной женщины на вид около пятидесяти пяти лет. И стоя перед сыном, протягивая ему фотографию, он сказал:

– Сын мой, тебе давно пора жениться. Запомни – прочный и долгий брак продлевает жизнь мужчинам...

– Забота о других также способствует долголетию...

– Не перебивай меня и слушай дальше! Я влюбился в образ, запечатлённый на снимке, а тебе советую влюбиться в женщину, которая является оригиналом этой же фотографии. Будучи человеком старомодным и консервативных вкусов, я считаю, что ты обязан жениться по воле отца, как в старину. Но одновременно я не хочу тебя принуждать насильно. Доверься подлинным чувствам своего сердца и после встречи с ней поступай так, как тебе заблагорассудится. А ты знаешь, при каких обстоятельствах я познакомился с ней – неунывающей хохотушкой? Вчера в городе завершился конкурс бережливых домохозяек, а я был председателем жюри. Перед зрителями конкурсантки выступили с рассказами о своей жизни, демонстрировали умение обращаться с различной домашней утварью и состязались в рукоделии. Среди них были кружевницы, хранительницы различных древних традиций и народные умельцы. Одним словом – все они оказались востребованными личностями. А корона самой бережливой хозяйки досталась женщине, которая для анонимности перед жюри выступила под псевдонимом «Хохотушка». Ты не можешь себе представить – на чём она всю жизнь сэкономила! Она обута в матерчатые самодельные туфли. Каждую пару чулок носит по 3 года, а для доказательства продемонстрировала свои носки, заштопанные неисчислимое количество раз. Для фиксации белья на верёвке она не покупает прищепки, а подбирает их под балконами квартир в многоэтажных домах. Она также не покупает расчёски и ручки, а находит их на улице во время прогулок. Из пластиковых бутылок из-под сока собирает одноместные лодки для охотников и рыбаков и мастерит шахматные доски, а из разноцветных бутылочных пробок вырезает шахматные фигуры и шашки. Свои поделки она успешно реализует. Она питается добротной едой из мусорных контейнеров, установленных возле элитных домов. Она, по-настоящему умная женщина,

после долгих уговоров согласилась встречаться с тобой. Вот её адрес. Завтра утром ты должен с ней познакомиться! Будучи безработным и катастрофически неспособным зарабатывать большие деньги, а только способным ухаживать за бездомными собаками и кошками, тебе особо нечем похвастаться перед ней. Ты до сих пор даже не оформил давным-давно заслуженную пенсию. Однако и в этом нет ничего удивительного, потому что как может обладать чем-либо тот человек, который потерял власть над самим собою? Но поскольку ты не являешься опасно расточительным мужчиной, быть может, тебе повезёт, и она прицепит тебя на короткий поводок, как любимого пса...

Привязанность Чудовища к своему отцу была невероятной. Не желая обидеть никого, прежде всего отца, наутро Чудовище разыскал дом по записанному на клочке бумаги адресу. Довольно быстро откликнувшись на звонок, дверь дома открыла женщина, с волнением ожидавшая появления потенциального жениха. Но как только увидела седого как лунь мужчину с изуродованной физиономией, она сильно изменилась в лице. А Чудовище осталось лишь извиниться за столь необдуманный визит и быстро удалиться.

Он вернулся к своим четвероногим питомцам, за которыми присматривали мальчишки из окрестностей Пригородного посёлка в его отсутствие.

Прошла неделя. И однажды, когда Чудовище бродил в поисках работы по городу, его душу захватила неопределённая властная тоска, и он почувствовал необъяснимое лихорадочное беспокойство. Следом ощущение дискомфорта переросло в сильную сердечную боль. Стоя неподвижно, он безошибочно догадался, что отцу внезапно стало плохо. Чудовище поймал такси и домчался до дома. Подъезжая к нему, издали увидел машину «скорой помощи». Забежав в дом, Чудовище застал беспрестанно стонущего отца в постели.

Увидев сына, отец зашевелил губами с волевым усилием, словно торопясь высказаться о чём-то важном:

– Я ухожу...

– О чём вы говорите?

– Не переживай по поводу моей кончины. Смерть – не одномоментное событие, а длительный процесс. Человек не может пережить Смерть. И в забвении нет ничего страшного. Живи так, как жил раньше, и радуйся жизни. Не умел ты устраиваться в ней, но в своей бедности знал другого рода богатство, которое не знает никто другой. Ты оказался намного счастливее меня. Я оставил завещание...

Недоговорив, отец потерял сознание. Врач высказал неутешительный прогноз о состоянии больного и посоветовал оставить его дома.

Отец умер к вечеру. Хоронили его на другой день, который с утра выдался пасмурным. Вдалеке над горизонтом раздавались слабые раскаты грома. Кто-то произнёс демагогическую речь над гробом, вознося хвалу покойнику, неоднократно отмечая его несравненную пунктуальность и внешнюю схожесть с благородным белым генералом ушедшей в историю

царской армии. Беспреданно рыдающему Чудовищу похороны показались самым настоящим абсурдным зрелищем, поскольку собравшиеся с неискренне опечаленными лицами, за исключением его самого, вовсе не понимали, что хоронят великого человека. А он был великим, но со знаком «минус» и к тому же не реализовал тот огромный потенциал, заложенный в него природой подобно тому, как сегодня дождевые облака в небе так и не разразились грозой, подумал Чудовище в безутешной горе.

После похорон Чудовище не отходил от могилы, ночуя у железной ограды вокруг неё. Вспоминал признания отца о плохом самочувствии, о сердечных болях. Спрашивая себя «Отчего он умер?» – вдруг Чудовище вспомнил о том, как две недели назад при встрече отец говорил ему надтреснутым голосом: «Твои уму непостижимые выходки загоняют меня в гроб раньше времени. Чтобы быть добрым, нужно быть сильным человеком. А ты не сильный. Зачем быть добрым, когда в мире ещё не создана система эффективной человечности? Каждый человек друг другу конкурент, как в мире животных. Ты попросту разбиваешь вдребезги мою и свою жизнь. Хотя бы вернись домой и поживи со мной – больным человеком, который болеет из-за тебя. Неужели мне нужно умереть, чтобы доказать тебе, что я действительно болен?».

Ему непрерывно мерещилось печальное лицо страдающего в гробу отца и казалось, что он никогда не покинет его могилу. И сидя у ограды вокруг неё, он прислушивался к каждому еле уловимому слухом шороху с пристальным вниманием.

Утром третьего дня после похорон Чудовище всё ещё оставался на месте. Одиночество у могилы становилось всё невыносимее. Рососою была увлажнена вся трава вокруг. Перед ним под натиском ветра волновалась зелёная лужайка, над которой под солнечными лучами кое-где сверкали летящие в воздухе паутины. Временами из травы в воздух прыскали кузнечики. Когда раздалось затяжное непрерывное стрекотание, Чудовище представил себе огромную стрекозу, играющую на соломенном музыкальном инструменте наподобие скрипки. Его донимали назойливые мухи, одновременно комары безжалостно кусали лицо, а он продолжал сидеть неподвижно, даже не отмахиваясь от них. Вдруг над его головой зажужжала оса. Он отогнал её ленивым взмахом руки. Но она вернулась снова и села на его лоб. Чудовище мог прихлопнуть её, но пожалел назойливое насекомое. А когда через секунду-другую оса ужалила, Чудовище терпеливо перенёс внезапную боль в неподвижности. На лбу появилась крошечная шишка, изнывающая от боли. Снова торопливо застрекотала стрекоза. Чудовищу показалось, что она обращается к нему, а он понимает её язык. Стрекотание как будто ему донесло, что очень скоро все его проблемы решатся неожиданным образом. Чудовище поверил. Оставалось терпеливо ждать. То и дело над ним пролетали птицы. Вдруг прилетели две вороны и сели на самую верхушку ближайшего от него высоченного тополя. Неожиданно у Чудовища появилось смутное чувство «знакомости», и он подумал, что мог видеть этих птиц прежде, а теперь может с ними разговаривать, используя вертикаль дерева как связующее звено. В это же время в нескольких шагах от себя Чудовище заметил прозрачный целлофановый

пакетик с куском хлеба внутри. Он мысленно попросил птиц: «Спускайтесь вниз и приближайтесь ко мне! Я вас угощу».

И тут произошло чудо: птицы одновременно взмыли в небо, словно собираясь навсегда исчезнуть, но затем, совершив круг над человеком в бреющем полёте, приземлились прямо перед ним с карканьем и обратили внимание на прозрачный пакетик с лакомством. Кружа мелкими шажками вокруг человека, вороны одновременно внимательно наблюдали за ним. А Чудовище приказал им мысленно: «Разорвите целлофановый пакет!».

Одна из ворон, оказавшись весьма смыслёной, усилиями ног и ударами клюва с большим трудом разорвала целлофановый пакетик, из которого выпал надкушенный кем-то кусочек хлеба. Чудовище безмерно радовался такому успеху, одновременно тихо выкрикивая возгласы одобрения: «Вот так! Молодец! Здорово! Умница!». А другая ворона, поочерёдно поднимая и опуская голову в воинственной позе и угрожая вздыбленным оперением угольно-чёрного цвета вокруг шеи, заставила отступить сообразительную ворону, которой пришлось милостиво поделиться завтраком со спутницей.

Как только были склёваны последние крошки хлеба, одна из птиц улетела прочь, а на месте осталась только смыслёная ворона. Вдруг она пригнула голову в поклоне, как в знак благодарности доброму человеку за проявленную им заботу, и приняла позу ожидания. В ответ Чудовище широко улыбнулся первый раз после похорон отца, переживая минуты блаженства, удостоившись благодарности впервые в своей жизни не от людей, а от птицы. А ворона продолжала стоять перед ним, временами прыгая по кругу, словно демонстрируя скаканье через верёвочку. В это время Чудовище также начал пританцовывать, приспосабливаясь к ритму птицы. И вдруг Чудовищу показалось, что его мысли текут сквозь птичье сознание. И, не мешкая, он мысленно поведал вороне о своём неутешном горе и попросил совета: *как мне успокоить душу покойного отца?*

Ворона ответила громким карканьем, разделённым короткими паузами. Следом Чудовище ощутил лицом ласковую волну тёплого воздуха, когда ветер одновременно задувал ему под рубашу. И тут же в голове промелькнула идея как долгожданный ответ на мучительный неразрешимый вопрос. И тогда Чудовище пронзительно закричал совершенно чужим голосом: «Милая ворона, спасибо тебе за совет! Ты – не простая ворона. Оказывается, вороны не зря каркают! Я так и поступлю!».

На другой день у могилы появилось пианино, купленное Чудовищем на заимствованные у сестры деньги. К клавишам музыкального инструмента были прикреплены тонкие полоски сала. Не пришлось долго ждать птиц, на которых была рассчитана подобная приманка. Друг за другом прилетали крупные и крошечные пернатые, и каждая птица стучала по клавишам пианино, жадно склёвывая лакомство. Специально прикреплённые к музыкальному инструменту обрезки с досок не позволяли птицам садиться на клавиши. И попеременно то одна, то другая птицы могли только стучать по клавишам своими клювами. В безмолвном восторге Чудовище внимал коллективной игре птиц на пианино. По-своему трактуя тембры звуков, он лелеял надежду, что в сей миг, который уже проходит,

душа покойного отца также внемлет в блаженстве благозвучным многоголосым аккордам, улаждающим слух. Такого рода музыка была единственным способом, посредством которого он мог покаяться и просить прощения у своего отца за то, что при его жизни был непослушным сыном. А люди, наблюдавшие за ним со стороны и потрясённые увиденным, сильно недоумевали и возмущались: «Он либо сильно пьян, либо сошёл с ума. Ведёт себя как самый настоящий сумасшедший. Неужели он, ни разу не праздновавший день рождения своего отца при жизни, теперь способен праздновать дату его смерти?! Он не человек, а настоящее Чудовище! Да, именно – Чудовище!».

Глава шестая

Как известно, завещания богатых и одновременно чрезмерно жадных людей иногда шокируют выбором наследников или условиями наследования имущества, оставшегося после их смерти. По завещанию покойного отца большой особняк без всяких оговорок отходил к сыну, тогда как деньги на банковском счету должны были быть поделены между дочерью и сыном поровну. Впоследствии дочь получила половину денег по истечении определённого законом времени после смерти отца, тогда как сын мог овладеть своей долей денежного наследства только после оформления законного брака с Хохотушкой. Узнав о подобной оговорке в завещании, Чудовище вздохнул облегчённо и решил никогда больше не вспоминать о деньгах, нажитых его отцом нечестным путём. Вскоре отказавшись и от права на большой дом, где он не мог избавиться или спрятаться от гнетущего одиночества, Чудовище переоформил его на имя сестры, а сам оставался на барже. Его счастливая сестра от всей души благодарила брата, дала немного денег и подарила ему мобильный телефон.

Израсходовав выданные сестрой деньги, Чудовище искал работу, целыми днями пропадая в городе. И однажды, когда пересекал уютный небольшой сквер с фонтанчиком, внезапно в его ушах раздался некий звон, а следом его сердце захватило невероятно тоскливое, мрачное и сильное чувство. Чудовище остановился. Стоя неподвижно, он подумал, что, возможно, где-то рядом прячется бродячая собака или кошка. Поиски ни к чему не привели. И тогда он обратил внимание на симпатичную женщину с коротко подстриженными тёмными волосами, на вид около пятидесяти пяти лет. Она сидела на скамейке с закрытыми глазами, откинув назад голову. Подойдя к ней поближе, Чудовище обратил внимание на её бледное взмокнувшее лицо и лихорадочно дрожавшие открытые губы. А женщина несколько раз судорожно потрясла головой, хватая воздух открытым ртом и пытаясь глубже дышать.

– Вам плохо?

Не ответив на вопрос, она только сморщила лицо, сильно задышавшись.

– Вызвать «скорую помощь»?

Она отрицательно покачала головой, ещё не видя человека перед собой.

Припав перед ней на колени, Чудовище старательно массировал запястья обеих рук женщины до локтевого сустава. Она чутко отзывалась

всем телом на каждое его прикосновение. Откинута назад голова женщины медленно опустилась на грудь. Несколько минут спустя её лицо стало меняться и немного порозовело. Она открыла глаза.

– Это вы – Чудовище? – воскликнула она, выражая удивление и страх в увлажнённых от пережитого приступа глазах, и тут же покраснела за свои необдуманно высказанные слова.

– Да. Это я – Чудовище.

– Простите меня! Я высказалась опрометчиво...

– Не нужно извиняться. Всё в порядке. Иногда произносятся слова опрометчиво, не всегда мы совершаем другие опрометчивые поступки. А как вы догадались о том, кто я такой?

– По рассказам людей.

– И каким меня представляли прежде? Ответьте только честно...

– Честно?

– Да.

– Скажем, большим любителем апокалипсических видений, тайным алкоголиком, пьющим водку из горлышка бутылки, пренебрегая стаканом. Человеком, завещавшим похоронить себя рядом с останками любимых собак и кошек. Его любимый художник – Альбрехт Дюрер...

– О Боже! Вы не успели ещё сказать о том, что он мочится прямо на тротуаре и на виду у прохожих, подражая своим четвероногим друзьям. Сколько громких слов! Я не заслуживаю их и не должен привлекать чрезмерно пристальное внимание к своей персоне. Я никогда не совершал шокирующих публику поступков. Иногда мне хочется кричать: «О, добрые люди, вы не могли бы уделить мне меньше внимания?». Полно, полно! Просту вас, не продолжайте...

– Простите. Ведь вы сами же настояли на честном признании...

– Не компрометирует ли вас моё присутствие рядом с вами? – прервал он её речь неожиданным вопросом.

– Мы можем перейти на «ты»? – спросила она.

– Конечно.

– Почему меня должно компрометировать твоё присутствие рядом со мной? Если намекаешь на свой внешний вид, то скажу – на вид безупречны только куклы. Мне нравятся сотканные из противоречий люди. Кроме того, я не воспринимаю с избыточной серьёзностью слишком красивых мужчин. По-настоящему красивы люди, чувствующие себя красивыми изнутри.

– Спасибо!

– Тебе спасибо за неоценимую помощь! От твоего целебного прикосновения приступ астмы прошёл очень быстро. Однако иногда помощь вредит тому, кому её оказывают. А ты кто по профессии?

– Юрист.

– Тогда каким образом тебе удалось справиться с приступом астмы?

– Я молился.

– Шутишь?

– Вовсе нет.

– Ты верующий?

– Нет. Но раз мои молитвы тебе помогли, я непременно стану верующим. А что остаётся делать, когда слишком медленно прогрессирующая медицина не в состоянии тебе помочь? А ты кто сама по профессии?

– Театральная актриса.

– Если не возражаешь, я назову тебя просто Актрисой. А что значит для тебя быть актрисой?

– Каждая роль для меня означает вызов и мучительные сомнения одновременно. Они возникают вместе с главным вопросом: «Смогу или нет?». А это совсем не праздный вопрос. Например, играя роли иностранок, на время я должна разучиться разговаривать на родном языке. С выходом на сцену моя душа начинает жить страстями чужого человека, тогда как моё лицо проживает свою собственную жизнь. А это очень важное для меня состояние. И потом, просыпаясь наутро в своей комнате, где не с кем даже перекинуться словом, начинаю размышлять о жизни своей героини и истории её любви.

Сначала они изредка созванивались по мобильному телефону. Однажды Чудовище пожелал присутствовать на спектакле, где актриса играла главную роль. Она не возражала. После спектакля он поджидал её у выхода с букетом цветов и проводил её домой. Перед расставанием сказал ей:

– Ещё раз поздравлю тебя с сегодняшним успехом! После спектакля зрители долго не расходились, а аплодировали стоя, в том числе и тебе.

– Успех для меня является обычной лотереей и результатом совокупного стечения обстоятельств. Я даже боюсь успеха, превращающего человека в лодыря. Сегодня человек может оказаться на коне, а завтра – под конём. Мне некогда думать об успехе даже после представления. Каждый раз мне кажется, что могу умереть прямо на сцене, не доиграв до конца свою роль. И такое опасение оказывает мне неоценимую услугу. Ведь обострённое чувство опасности способствует зарождению настоящего.

– Ты опасаешься внезапного приступа астмы во время спектакля?

– Да.

– Не думай об этом. Я всегда в зрительном зале и молюсь за тебя.

– Спасибо! В любом случае на сцене, но не в жизни, я выдержу самые невыносимые испытания. Во время спектакля на сцене часто складывается ситуация, когда сильно волнуюсь и нервничаю оттого, что по лицу кажутся капли пота, а в это время кто-то кашляет, разговаривает или шелестит программкой. Бывало и такое – попадая в звуковую яму на сцене, я не слышала даже собственного голоса. В таких случаях я начинаю сильно паниковать. Но самое главное для меня конечный результат, ради которого можно и потерпеть. Давай поговорим на другую тему. Чем ты занимаешься? Расскажи мне о себе.

– Я – безработный и бездомный, у которого есть любимые книги и четвероногие друзья, заменяющие ему дом и семью.

– Хотя мне не по душе лживый мир дворцов, считаю, что у человека должен быть собственный уютный дом. Я не романтик и уж точно не самодур. А ты до сих пор ничего так и не заимел. Как можно так просто и легко отказаться от радостей жизни?

– Чем меньше человек имеет, тем больше он готов помогать и отдавать другим. Я также не страдаю от скуки подобно тем людям, у кого есть всё. Только не возражай мне вопросом: «Как можно принести кому-то в жертву всё, не имея при этом ничего?».

– Я не позволю себе подобную бестактность. Но я – бескомпромиссный реалист, хочу, чтобы в жизни всё было ясно, понятно и предсказуемо, – сказала она.

– А какая у тебя самая сокровенная мечта?

– Мечтаю купить лёгонькое пианино, которое можно было бы таскать без труда по лестничным пролётам при переездах с места на место. Сама снимаю комнату, – ответила она в шутовском тоне, не предоставляя ему ни малейшего шанса для более интимного разговора.

Когда на прощание он ласково обратился к ней «моя любимая Актриса», на её лице заиграла насмешливая улыбка.

Чудовище посетил несколько спектаклей. После окончания каждого представления, как всегда, он встречал её у выхода с цветами. Когда вдвоём они прогуливались по городу, на них с удивлением оглядывались прохожие. В скором времени Чудовище стал всё чаще замечать, что Актриса что-то томило. На вопрос о причине её беспокойства последовал ответ:

– В последнее время мне приходится несладко.

– Почему?

– Ночами меня вновь беспокоят приступы астмы, хотя не такие мучительные, как бывало прежде. А в театре мне перестали доверять исполнение главных ролей в спектаклях.

– В чём причина?

– Не знаю. Зрительские аплодисменты помогают мне намного больше, чем любые сильнодействующие лекарства. Кроме того, теперь каждую ночь мне снится любовь...

Услышав эти признания, Чудовище спросил себя: «Не пора ли мне уйти из её жизни?». Однако он не мог представить свою теперешнюю жизнь без хлопотливой суеты вокруг Актрисы, когда у неё случались приступы астмы, без беготни по аптекам в поисках нужных лекарств, без наслаждения музыкой в исполнении любимой женщины на пианино в её тесной комнатке. Долго поразмыслив, Чудовище решил про себя, что отныне они будут прогуливаться только ночью по пустынным слабо освещённым улицам. Они так и делали до тех пор, пока однажды она не позвонила ему с просьбой о немедленной встрече. С этого момента Чудовище мучился тревожными мыслями, предчувствуя, что она собирается сказать ему о чём-то не особенно приятном. И он отправился на свидание в страшном волнении. Предчувствие его не обмануло. Она поведала ему о своём решении переехать в другой город, откуда получила приглашение на работу в драмтеатре. В тот момент Чудовищу показалось, что между ними взорвалась бомба, и его тело разлетелось на тысячу кусков.

– У любого артиста есть свой зритель. А ты – мой главный зритель. Без твоего присутствия даже полный зал мне покажется пустым, – сказала она, глядя на него сочувственно и печально.

– Раз ты согласилась уехать на край света для того, чтобы играть любимые роли, я считаю тебя великой актрисой. Между прочим, ты выглядишь усталой. Подлечись и отдохни в санатории. Позволь мне...

– Ты хочешь сказать, что я выгляжу старой, – сказала она, не дав ему до конца высказать свою мысль.

– Не это я имел в виду...

– В молодости я часто созерцала костлявых старух на портретах и словно читала в них своё будущее. А теперь я стараюсь вовсе не подходить близко к зеркалам.

Переведя разговор в нужное для себя русло, она вежливо отказалась от предложения с его стороны оказать ей материальную помощь.

Они расстались без слёз, без рыданий.

После её отъезда Чудовище целыми днями ухаживал за своими кошками и собаками, одновременно беспрестанно думая о любимой женщине. Теперь он старательно сторонился людей, опасаясь, что может повредить всем тем, кто общается с ним. Видимо, слухи об этом поползли по Пригородному посёлку, поскольку к нему уже давно никто не подходил для получения бонуса за отказ от курения.

Однажды, когда Чудовище шёл по улице, к нему подошёл немолодой мужчина. Незнакомец представился работником цирка и сообщил, что главный дрессировщик животных в цирке, от злого умысла которого пострадал Чудовище, попал в больницу с инсультом. К большому удивлению незнакомца, Чудовище вовсе не обрадовался этой новости, а только попросил дать ему адрес больницы.

Через час, купив свежие фрукты на рынке, Чудовище посетил своего бывшего коллегу. Главный дрессировщик сильно удивился его появлению. Лёжа на больничной койке, сквозь слёзы он обратился к Чудовищу с невнятной речью:

– Сразу после того несчастного случая, приключившегося с вами, моя овчарка внезапно околела. Вы простите...

– Что вы! Успокойтесь! – поспешно перебил его Чудовище, – вовсе не нужно извиняться. Животные иногда совершают абсолютно неожиданные для людей действия. Поэтому дрессировщик всегда должен прощать животных за любые укусы и травмы, наносимые ими.

– Вы меня не поняли. Прошу простить не мою околевшую собаку, а меня самого...

В начале осени того же года Чудовищу крупно повезло. Устроившись на постоянную работу могильщиком на кладбище, заодно он получил служебную жилплощадь – убогую комнатку в домике с просевшим фундаментом на окраине территории того же кладбища. Кроме выполнения основной работы, Чудовище числился также и ночным сторожем низвергнутых после развала Советского Союза скульптурных памятников. Они содержались вместе на ограждённом по всему периметру пустыре недалеко от кладбища. Среди них также были изваяния, демонтированные с прежнего места по разным причинам и временно перемещённые сюда до последующей их продажи или определения новых мест их воздвижения. Никто умышленно не портил памятники, а ночью они охранялись собаками.

Однако памятники доставляли сторожу немало хлопот. Раз в неделю Чудовище устраивал для них так называемый «банный день». Таская с собой лестницу, швабру, тряпку и ведро с водой, он снимал слой пыли с каждого памятника. Поэтому Чудовище всегда радовался проливным дождям. А в ночное время, страдая от бескрайнего одиночества, Чудовище подходил к памятникам для общения с духами тех людей, в честь кого они были воздвигнуты. После каждого такого непродолжительного спиритического сеанса Чудовище сильно устал эмоционально и потом надолго откладывал повторение подобного нелёгкого эмоционального переживания.

А всё началось однажды на городской площади, когда в дневное время, проходя мимо памятника Ленину, Чудовище внезапно ощутил непривычный злоедейский озноб во всём теле. «Кому-то плохо», – подумал он, хотя поблизости не было живой человеческой души. Кругом не было даже деревьев и кустарников, под которыми могли найти приют многострадальные бездомные собаки и кошки. Замерев на месте, Чудовище начал понимать, что тревожные странные импульсы могли исходить от памятника, воздвигнутого перед ним на высоком постаменте. Впервые в жизни Чудовище подумал о возможности спиритического сеанса с духом умершего. И тогда же, стоя у памятника, Чудовище впервые попытался проверить свою догадку.

После той неудачной попытки, осмеянной тогда ещё живым его отцом, прошло немало времени. И однажды тёмной ночью некая таинственная сила вновь неудержимо повлекла его к памятнику, поставленному известному во всей стране человеку. Подойдя ближе к монументу, он мысленно представил себе лицо человека, увековеченного в розовом мелкозернистом граните. Затем погрузился в мысли о нём. Через считанные минуты в голове Чудовища промелькнул некий призрак чужой мысли. Он даже подумал о том, что кто-то мог за ним следить, но поблизости никого не было. В его голову всё настойчивее закрадывались чужие мысли, становясь более содержательными и призывая его к беседе. Он полностью исключил возможность галлюцинации, ему также не мерещились призрачные видения, которые можно было бы отнести к причуде собственного воображения. Без сомнения, он улавливал чужие мысли. А когда спросил шёпотом: «Кто со мной разговаривает?» – как будто услышал имя человека, кому был поставлен памятник. И тогда ему впервые удалось получить небольшую целостную информацию. Одновременно Чудовище испытывал гнетущее воздействие на его сознание некой таинственной силы. Таким образом, шаг за шагом ему, стоявшему перед монументом, постепенно удавались спиритические сеансы с духами умерших знаменитостей.

Глава седьмая

– Ваш рассказ на меня произвёл сильное впечатление как потрясающий сплав искренности, доброты, свободы и силы духа, – ответила Строптивая, глядя на Чудовище умильными глазами.

– Вы сильно преувеличиваете, – ответил Чудовище.

– Однако мне не совсем понятна история с памятниками. Я воспринимаю их только как обломки монументальной пропаганды коммунизма

или теней покойников. Многим людям нравятся скульптуры, демонстрирующие подлинную телесную красоту человека в античной наготе. А самыми востребованными для меня являются дорожные знаки. Однако я сейчас хочу уточнить одну истину, которая, вероятно, заключается в том, что вы просто воображаете себе общение с духами покойников.

– Я знал заранее, что вы не поверите мне. Порою даже я сам не верю в то, что всё это происходит со мной. На первых порах, когда я мысленно обращался к памятникам, в моих ночных чувствах преобладало благоговейное волнение, перераставшее в назойливое беспокойство. И только затем возникали призрачные мысли. Со временем я мог распознавать более чёткие мысли подобного себе грешника и томимого одиночеством существа. Такое невозможно разумно объяснить, и вы можете сомневаться.

– Позвольте мне самой разобраться в этом сложном вопросе, стоя рядом с вами перед каким-нибудь памятником, к которому вы до сих пор не подходили.

– Такой памятник имеется, но вам не следует идти на такой роковой шаг.

– Почему?

– Отрицательная информация разрушает человеческую психику. После каждого, пусть даже непродолжительного, спиритического сеанса я всегда чувствую гнетущую опустошённость и усталость и прямо на месте падаю на колени под тяжестью собственного тела, напоминающего вопросительный знак. Человек не должен ставить палец на спусковой крючок до тех пор, пока он не готов выстрелить. Кроме того, опасно приближаться к месту встречи со смертью...

– Будучи любителем романтических приключений, я всегда мечтала однажды выжить в какой-нибудь ужасной катастрофе.

– Бывают такие романтические приключения, после которых выживший человек может остаться безрадостным на всю жизнь. Молодые люди часто пренебрегают благоразумием, когда вокруг них витает дух чего-то запретного. Только мне не так страшно прикосновение к непостижимой тайне, рождаемой на границе жизни и смерти. Если даже я исполню ваше желание, всё равно ничего интересного вы не узнаете и не получите разгадок к тем загадкам, над которыми ломают свои головы биографы того или иного славного покойника. Вы даже не услышите полноценный диалог, поскольку в большинстве случаев духи умерших внушают медиуму только свои мысли, совершенно не реагируя на вопросы.

– Почему?

– Не знаю. Не так давно меня осенила идея наподобие догадки. После расставания с биологическим телом Душа, не нуждающаяся в пище и сне, не знающая усталости, остаётся один на один с Совестью. И тогда Душа замечает абсурдность происходящих на Земле событий, содрогается от царящих несправедливостей, видя в них губительную для человечества силу, скорбит по каждому плачущему на Земле ребёнку, которого утешить некому, и плачет сама, оплакивая жертвы мира чистогана. Таким образом Душа переносит изощрённое наказание мученика...

– Ваши мысли мне понятны, но они мне совершенно неинтересны. А почему вас самого тянет к подобным безрадостным приключениям, не сулящим ни малейшего удовольствия? – спросила она.

– Хороший вопрос. Прежде чем ответить на него, позвольте мне небольшое отступление. Мы часто говорим о том, что преступника тянет на место преступления. Но при этом мало кто задаётся другим вопросом: «Чем объяснить неудержимую тягу серийных убийц к убийствам и на места совершённых ими преступлений?».

– У меня нет ответа, – сказала она, с опаской поглядывая на Чудовище.

– Преступник жаждет взглянуть на самого себя со стороны в момент наиболее близкого контакта со Смертью. Одновременно для самооправдания он как бы верит в совершение им тягчайшего преступления при соучастии самой Смерти. То же самое можно сказать и об охотниках, которых нельзя считать психически нормальными людьми. Для зверя охота является жизненно важной необходимостью, но не для человека. А люди, лишённые сострадания, но способные к биологическому размножению и называющие себя людьми, очень опасны и не имеют морального права называться таковыми.

– Вы же не убийца...

– Я не совершал убийств даже на бумаге, как делают писатели детективного жанра, хотя каждый день переживаю символическую смерть и спрашиваю себя: «Продолжается ли жизнь после смерти человека?». А иногда для самопознания мне хочется прикоснуться к Смерти, чтобы почувствовать её дыхание. Представьте себе, что человек рождается и умирает почему-то в тот или иной момент, который, как мы полагаем, предопределён судьбою.

– Ваши слова ещё больше подогрели моё прежнее желание испытать те же самые ощущения, которые вы испытывали прежде в экстремальных условиях, – сказала Строптивая, глядя на него с явным призывом к согласию.

Из дома они вышли вместе. Стояла лунная ночь. После недавно прекратившегося дождя в воздухе с озоновым запахом установилась умиротворённая тишина. Оглянувшись и подняв глаза к небу, Строптивая увидела мотыльков, не просто кружащихся вокруг электрической лампы над входом в дом, а словно затеявших танцы с ночными звёздами.

– Пришли, – невнятно пробормотал Чудовище, забыв закрыть ладонью свою покалеченную губу.

Привыкая к темноте, Строптивая осмотрелась вокруг. Их со всех сторон окружали высоченные деревья. Напрягая зрение, в нескольких шагах перед собой она заметила нечёткий силуэт невысокого скульптурного изображения светлого оттенка. В это время в воздухе просвистел порыв ветра. Следом на землю полетели прошлогодние листья от растущих поблизости исполинских деревьев, поднявших нервозный тревожный шелест, будто протестуя против появления незваных посетителей.

– Перед нами памятник, установленный герою гражданской войны – всем нам известной молодой партизанке, повешенной белогвардейцами. Мне необходимо несколько минут для вхождения в транс через медитацию и вызывания духа, – сказал Чудовище девушке почти шёпотом.

Наступила томительная пауза. Стоя за спиной Чудовища, вдруг Строптивая крепко обняла его двумя руками, как только в её в душу стал закрадываться неосознанный страх. По мере его усиления ей померещилось, что скульптура вертится вокруг своей оси, вправо и влево, даже пританцовывая и старательно топоча стопами по постаменту. И вместо обычного сияющего диска перед её взором предстала сердитая кроваво-красная луна перед тем как поспешно исчезнуть вместе со всеми звёздами вокруг. Мир погрузился в неземной мрак. Ощущая с тревогой бесповоротное погружение в дремотное состояние, Строптивая сильно испугалась и изо всей силы тормозила Чудовище за плечи, вынудив его прекратить медитацию.

– Вы получили какую-либо информацию? – спросила она дрожащим голосом, тревожно озираясь по сторонам.

Чудовище ответил не сразу. Медленно повернувшись к ней, он заговорил с усилием, мучительно заикаясь:

– Совсем небольшую. Возвращаясь в своё прошлое, дух мне поведал о случае, когда в родном городе партизанки городские власти заказали картину, изображающую последние мгновения её жизни. И тогда знаменитый художник нарисовал полураздетую партизанку, сопровождаемую к виселице вооружёнными конвойными. В день торжественного открытия и выставления картины широкой публике в демонстрационном зале появилась мать партизанки среди почётных гостей. К старой женщине подходили корреспонденты и брали у неё интервью. Когда спросили, как она оценивает картину, женщина отметила её высокую художественную ценность. Затем добавила, что художник должен был нарисовать лицо и ноги её дочери сильно окровавленными. Далее, путешествуя назад во времени, дух партизанки поведал мне о деталях совершённой много лет назад казни и о том, что партизанка не умирала довольно долго, дёргаясь в конвульсиях с туго затянутой удушающей петлёй вокруг шеи. Однако, в конце концов, смерть наступила с помощью её матери, которая, выйдя из толпы, подошла к виселице и, схватив дочь за ноги, повисла на ней, пока жертва не затихла...

Услышав последние слова Чудовища, Строптивая жутко закричала и бессильно упала на мокрую от дождя траву. Лёжа на земле лицом вниз, она продолжала кричать:

– Прошу вас, не говорите больше ни слова! Умоляю, прекратите ваш рассказ! Мне страшно!

Поспешив ей на помощь, Чудовище хлопотал вокруг Строптивой в беспомощном замешательстве, а затем на руках перенёс её в дом.

Она постепенно успокаивалась, но продолжала тихо всхлипывать, лёжа на кровати с закрытыми глазами. Чудовище всё ещё хлопотал вокруг неё, совершенно не зная, как ей помочь. Он дал ей попить воды из стакана. И она, тихо всхлипывая, принялась пить. Когда Строптивая совсем перестала плакать, ему показалось, что она лежит без сознания.

– Мне всё ещё страшно после пережитого экстремального нервного напряжения. Когда вы медитировали, на меня будто внезапно напала армия демонов, проникая в самые тёмные уголки моего подсознания. Меня

сковывал страх перед необъяснимым таинством, – сказала она, подняв вдруг голову и усаживаясь на кровати, – успокойте меня, пожалуйста.

Чудовище гладил её волосы ладонью правой руки.

– Из документальных источников мы знаем, что на казни партизанки её мать не присутствовала. Каким образом тогда она могла ускорить смерть своей дочери? – спросила Строптивая.

– Мне также непонятна причина подобной путаницы и неадекватного восприятия источником информации произошедших в разное время событий. Видимо, духи живут по своим загадочным законам. Однако достоверно известно, что после смерти дочери мать действительно захотела видеть на картине её с лицом, вымазанным обильной кровью. Мелочное и эгоистичное человеческое тщеславие нанесло духу партизанки обиду, которая оказалась горькой и болезненной, потому что была нанесена родной матерью, – ответил Чудовище.

– Какими мы, люди, являемся несовершенными созданиями!

– Верно. Недаром в процессе тысячелетней цивилизации люди не придумали и не обосновали ничего лучше, чем понятие о частной собственности.

– Выходит, каждый человеческий поступок обречён огласке в масштабе Вселенной, и всем нам важно не разочаровать здравствующих ныне и ушедших из жизни людей. Я постепенно освобождаюсь от страха, но меня не покидает душевная тревога. Я сильно жалею о том, что прежде бездумно и бесстыдно обижала не только свою маму и отчима, но также знакомых, малознакомых и незнакомых людей. Но жалеть мало, нужно действовать. Я непременно найду общий язык с мамой в наших с ней отношениях. Мы с ней в одинаковой степени нуждаемся во взаимной поддержке.

– Вы начинаете мыслить правильно...

– А теперь успокойте меня, рассказав о каком-нибудь случае из вашей жизни, когда были очень счастливы, пожалуйста, – попросила она жалобным голосом.

– Однажды весной моя знакомая – одинокая пожилая женщина попросила меня вскопать землю на её дачном участке. Охотно согласившись, около полудня я стоял на остановке, ожидая маршрутного автобуса. Вдруг передо мной появилась стрекоза, парящая на высоте ниже человеческого роста, напоминая бесшумный вертолёт. Буквально через считанные секунды, перелетая через дорогу, она была сбита боковой стороной корпуса автомашины, мчавшейся на большой скорости. В следующее мгновение стрекоза лежала на поверхности асфальта. Пospешив на помощь, я осторожно поднял её за крылья, которые мне показались наиболее крепкой частью тела чудом уцелевшего крошечного насекомого. Отойдя в сторону, я аккуратно положил стрекозу на землю посреди редкой растительности. Астрекоза едва пошевелила ножками, словно в неверии, что осталась жива. В это время предо мной затормозил автобус.

Орудя лопатой на дачном участке, я всё время думал о стрекозе, задаваясь вопросами:

«Выживет ли она? Не наступит ли какой-нибудь прохожий на стрекозу, хотя её я оставил там, где люди обычно не переходят дорогу?».

Возвращаясь с дачного участка, я посетил место, где около полудня оставил беспомощную стрекозу, возможно, невероятно страдавшую от болевого шока. В вечерних ранних сумерках, тщательно осмотрев клочок земли и не обнаружив там стрекозу, я закричал от радости: «Она поправилась и улетела!».

Однако меня дома снова терзали сомнения. После бессонной ночи, проведённой в бесконечных переживаниях, утром я вновь посетил знакомую местность на обочине автотрассы. И, не обнаружив там стрекозу, я почувствовал себя безмерно счастливым.

– А что вас больше всего беспокоит? Уход из жизни?

– Что вы! Человеку уйти-то особо некуда. Наоборот, мысль о неизбежности смерти помогает мне жить. А беспокоит меня скоротечность жизни. Не напоминая поэму, она может быть сравнима лишь со стихотворением. Как правило, хорошее стихотворение имеет более сильный конец, чем его начало и середина, как последний впечатляющий поступок незаурядной личности.

– Почему вам не найти другую работу? Пройдя сквозь мучительные испытания, вы с честью выдержали их и заслужили более достойную должность.

– Вы правы, я в том возрасте, когда уже имею право выбрать себе работу по душе. Однако такой работы просто не существует.

– Разве? Кем вы хотели бы работать?

– Президентом Всемирной Академии Доброты и Милосердия.

– Каким образом в таком случае вы могли бы найти себе слушателей или учеников?

– Ученики? Мне достаточно и одного слушателя. Я мог бы выбрать его из хоровой группы, поющей на сцене песню.

– Почему?

– В хоровом коллективе неизменно царит уникальная атмосфера, располагающая к тому, что каждый поющий, не мечтая выделиться среди других хористов, всего лишь желает быть востребованным и песню воспринимает по-своему. Страстность передаётся через голос. Однако в хоровом пении голос одиночки не отличить от коллективного распева. Поэтому я бы мог выбрать именно того молодого человека, который поёт с большей радостью и неописуемым вдохновением волевою и ниспровергающую фальшь знаменную песню, призывающую души к единению.

– К сожалению, я не хористка. Никогда прежде я не выслушивала такого множества признаний. Благодаря вам на многие вещи теперь я смотрю по-другому. Скоро наступит утро. Почему такая ночь не может продлиться дольше обычного? Я сейчас думаю о моём новом восприятии мира и отношении к людям. За время нашего с вами душевительного разговора я словно подкрепилась чудотворным витамином доброты. Теперь мне пора возвращаться домой, чтобы жить по-другому. Кроме того, всегда и во всём я буду слушаться маму.

г. Астана.

Андрей ЛОПАТИН

Сказка о Пантелееве и его жене

Жили-были в далёкой провинции Егор Пантелеев и его жена Валя. И был у этой Вали прекрасный голос. Бывало, соберутся у них гости по случаю праздника или другого торжества, посидят за столом, выпьют, а потом обязательно просят её спеть. Голосила она так, что многие слезу отпускали, а кто-то грустно вздыхал: «Эх, тебе в столице бы, на сцене выступать! Какие деньги могла бы иметь!». А муж при этом мечтательно ёрзал на стуле...

И случилось дальше непредвиденное. Но начну издалека. Как известно, многие сегодня пренебрегают телеканалом «Культура» и предпочитают смотреть развлекательные телешоу. Пантелеев не был исключением, особенно любил песенные конкурсы. Как-то раз в одном из них финалистка затянула любимый романс жены. Пела она неважно, хуже Вали, но выиграла автомобиль, да ещё целый миллион. В конце программы сообщили номер телефона: мол, звоните, приезжайте на кастинг, и вам улыбнётся счастье! Это и завело Пантелеева.

– Валя, иди-ка сюда! – позвал он жену, почёсывая под майкой круглый живот.

– Что, дорогой?

– Вот что я думаю: пирожки стряпать – это, конечно, хорошо, но пора тебе в Москву!

– С ума сошёл! – испугалась она. – Чего удумал!

– Надо, Валя, надо. Отпуск без содержания возьмёшь, съездишь на кастинг, а дальше... – тут он мечтательно закрыл глаза.

– А как же хозяйство? Кто стирать будет? А поросят кормить, корову доить?

– Я доить буду! Самолично! – твёрдо отрезал Пантелеев.

На следующий день начались сборы. Переживая, Валя только охала: так не хотелось ей ехать, но мужу перечить не посмела.

Уже на вокзале, заходя в вагон, она прослезилась и сказала грустно:

– Только Зинке сиськи не оторви!

– Какой это Зинке?.. – недоумевал муж.

– Корове нашей!

И стал Пантелеев ждать из столицы хороших весточек. И однажды услышал по телефону:

– Егорушка! Представляешь – я прошла кастинг!

Заёрзал Егорушка на стуле, потекли слюнки, словно кто ложку с мёдом поднёс.

– Но, – продолжала жена, – я немного расстроилась. Из-за некоторых условий...

Ложка с мёдом на миг исчезла.

– Чего тебя не устраивает? – грозно спросил муж. – Объясняй!

– Егорушка, меня под своё крыло взял один известный продюсер. Очень культурный и добрый человек. Но его не впечатляет мой внешний

вид. Надо, говорит, вам чуть-чуть фейс поправить. Деньги, мол, вложу, отработашь потом.

– Так поправляй! Чего ерепенишься?

– Хорошо, Егорушка, как скажешь... После отпущусь у него на денёк домой, чтобы ты посмотрел и одобрил.

Через неделю Панкратов встречал жену на вокзале. Выйдя из вагона, она прикрыла платком лицо.

– Ты чего Польшатай из себя строишь?! Ну-ка, сейчас же открой лицо!

– Не могу сейчас, Егорушка! Людей вокруг полно. Дома уж...

И дома она долго не решалась сбросить платок, пока Пантелеев не топнул ногой. А как увидел он эти поправки – зашатался, спасибо, дети успели подхватить за руки.

– Наша мама – Леди Гага! – радостно закричали они.

– Мда... – нерадостно вздохнул Пантелеев: – Не зря говорят: искусство требует жертв!

– Это современный сценический образ, – пояснила простодушная Валя.

Уехала жена в Москву, но потом долго не выходила на связь. Только через неделю Пантелеев смог дозвониться.

– Куда пропала? Почему молчишь? Иль меня забыла?

– Нет, Егор, помню тебя...

– Приезжай скорей, – взмолился он, – мочи нет. Зинке второй сосок оторвал.

– Не могу пока... Две операции сделали мне, только сейчас в себя пришла...

– Какие, к чёрту, операции? – Пантелеев словно ложку дёгтя проглотил.

– Мой продюсер... Он сказал, так легче будет вписаться в шоу-бизнес. Губы и грудь мне увеличили. Ты ведь одобрял, я и согласилась. Извини, говорить долго не могу, губы устали... Как поправлюсь, приеду на денёк...

Разговор Пантелеева озадачил. «Ничего, ничего, – утешал он себя, – без этого там, видимо, никак. В Москве лучше знают, что надо. Главное, цель близка. Взялся за гуж – не говори, что не дюж!».

Ещё с десяток пословиц вспомнил он – и успокоился.

На вокзал встречать её он пришёл с детьми. В этот раз Валя лицо закрывать не стала. Увидев её новые губы и бюст, он снова зашатался, и дети снова подхватили вовремя.

– Валечка, лицо хоть прикрой, – придя в себя, просил он. – Срам-то какой! Перед людьми стыдно.

Но Валя только усмехалась и брезгливо смотрела по сторонам.

– Фу! Какую я вижу серость! – недовольно вытянула она губы-вареники. – Не подозревала раньше, что так серо здесь выглядят люди! А ты почему меня в таком задрипанном свитере встречаешь? Деревня! Мужик!

Домаш он ходил вокруг неё и махал руками, не зная с чего начать.

– Не узнаю я тебя! – воскликнул наконец. – Две недели в Москве пожила, а как зазналась!

Валя не отвечала, только ухмылялась. Такая её перемена досаждала, но когда сели обедать, он смирился, притих и только искося, с

любопытством, стал наблюдать за её ртом. Было интересно, как она этими рыбьими губами будет захватывать пищу. Ему даже стало жаль её и захотелось покормить с ложечки. «Дай бог силы всё это пройти!» – вздохнул он.

В назначенный день Валя собралась в Москву, уже на финал проекта.

– Главное – слушай продюсера! – напутствовал муж в дорогу.

Дела шли как нельзя лучше: жена уверенно продвигалась к главному призу. Глядя в экран, Пантелеев даже не подскочил в кресле, когда огласили имя победительницы. Он только потёр ладошки и, хитро подмигнув, сказал невидимому собеседнику: «Ну, и как? Не я ли это придумал? У кого светлая, умная башка?».

Готовясь к приезду жены, Пантелеев в этот раз испытывал настоящую робость, а мысли донимали всякие: «Жена знаменитость, а я кто? Чем-то надо соответствовать...».

И пришёл с детьми встречать её в новом облиции.

– Вау! – воскликнула жена, как только вышла из вагона и увидела их.

– Вау! Нищак, рокеры! Посмотри на них, Тамерлан!

Это она обратилась к молодому человеку, который следовал за ней. Пантелеев услужливо семенил перед ними, схватил сумку и повёл прямо к такси.

– Валя, как я рад нашей победе! – задыхаясь от счастья, твердил он.

– Какая я тебе Валя! – недовольно скривила жена губы-вареники. – Забудь Валю! Теперь я – Валенсия!

– Ага, понимаю... – растерялся он, – сценическое имя... А вы, – обратился он к молодому человеку, – наверное, продюсер?..

Тот лишь загадочно усмехнулся.

Дома Пантелеев долго подбирался к главному вопросу.

– Валенсия, где же наш автомобиль с миллионом?

– Вау! Во даёт! С ума спятил! – жена захлопала огромными ресницами-веерами. – Я приехала забрать детей и написать заявление о разводе, а он про машину! Теперь я москвичка, – и добавила: – Коренная! А это мой новый муж, Тамерлан.

– Как муж?.. – Пантелеев зашатался, но дети удержали. – Как?..

– А так! Кто просил не ерепениться? В шоу-бизнесе негоже в нашем возрасте держать ровесников мужей и жён. Все с молодыми живут! С таким древним мамонтом, как ты, в свет появляться неприлично!

Панкратов хотел было разозлиться, кулаки сжал, но как глянул на бицепсы молодого качка, так тут и обмяк:

– Понимаю, Валенсия... понимаю... это продюсер... условия... негоже... негоже... куда нам, мужикам... мамонтам... сидеть... сидеть, смиренно... а что же я?.. с Зинкой остаюсь?..

На другой день Валенсия с молодым мужем и детьми уехала в столицу. Там у неё контракт, и там предстоит ей стать светской львицей, акулой шоу-бизнеса.

А что же Пантелеев, спросите? Он живёт холостяком, со своими поросятами и коровой Зинкой, которой от злости оторвал последние соски. По вечерам он так же смотрит телевизор, но всевозможные шоу и проекты его больше не интересуют. Вы уж и сами догадались: теперь он смотрит исключительно телеканал «Культура»!

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы 8-701-337-45-55.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

www.niva.ucoz.kz

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Исполнительный директор **Жанарбек Ашимжан.**

Главный редактор **О. К. Жанайдаров.**

Набор и вёрстка **Ю. В. Богдановой.**

Корректор **И. Н. Юзупанова.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Журнал основан **В. Р. Гундаревым**
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.
Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 08.02.2013 г.

Подписано к печати 19.03.2013 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 1505.

Номер набран и свёрстан
в ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.